

**ТОЛЬКО ОДНА ТЫ,
ПОДРУГА И СПУТНИК**

К 100-летию
со дня рождения
Аллы Александровны Андреевой

**Москва
КРУГЪ
2015**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т55

Составление, подготовка текста и примечания
Бориса РОМАНОВА

Издание осуществлено при поддержке
Фонда метаисторических и религиозно-философских
исследований «Родон»
Координатор проекта И.Д. Потапов

Книга к столетию со дня рождения
Аллы Александровны Андреевой
(25 февраля 1915 – 30 апреля 2005),
художницы, мемуаристки,
хранительницы и пропагандистки
творчества Даниила Андреева,
состоит из трёх частей.

В первой – впервые публикуемые письма из Дубровлага
к мужу во Владимирскую тюрьму и другие тексты.

Во второй – стихотворения Даниила Андреева,
обращённые к жене.

Третья – «Венок Алле Александровне Андреевой» –
эссе, воспоминания, стихотворения её современников,
отдающих дань
одной из замечательнейших женщин XX века.

ISBN 978-5-7396-0341-8

© А.А. Окунев, наследник, 2015
© Б.Н. Романов, сост., 2015
© Д.В. Логинов, оформ., 2015

СКВОЗЬ ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ

Письма во Владимирскую тюрьму А.А. Андреева – Д.Л. Андрееву

Переписка Даниила Леонидовича Андреева и Аллы Александровны Андреевой удивительный документ. Повесть о жестоком времени, о судьбе, о любви. Жена пишет мужу из лагерного барака, он отвечает из тюремной камеры. Годы после приговора, объявления двадцатипятилетнего срока, они ничего не знали друг о друге.

Но вот приходит весточка из лагерного края мордовских лесов во Владимирский централ. Начинается долгожданный разговор через колючую проволоку зоны, поверх голов бдящей охраны, «сквозь тюремные стены», окликание прошлого и настоящего с недоверчиво проклюнувшейся надеждой на будущее, на свободу. И во всей переписке слышится свободный и сильный звук стихотворений и поэм, переписывавшихся мельчайшим почерком в письмах, на почтовых открытках. Поэзия Даниила Андреева определяет контрапункт этой переписки. Пересылание стихов, как и сама переписка, стало возможным, когда режим смягчился, смилостивился. Уже после смерти Сталина.

Переписка издавалась дважды, в собраниях сочинений Даниила Андреева. Но в них письма Аллы Александровны печатались лишь выборочно и с сокращениями. Потому что часто на одно письмо мужа она отвечала чуть ли не десятком: в лагерях с августа 53-го отменили ограничения на переписку. А он имел право писать в лучшие годы по одному письму в месяц. Присылавшиеся стихи в прежние публикации тоже не вошли. Хотя Алла Александровна очень хотела, чтобы их переписка вышла в возможно более полном виде. Но это, видимо, дело будущего. Здесь же представлены лишь те её письма, которые прежде не публиковались. Они не только дополняют известную переписку поэта с женой, но и сами по себе захватывающее чтение страниц её жизни, неотрывной от судьбы Даниила Андреева.

Б.Р.

1953

1. А. П. и Ю. Г. Бружес¹, Д. Л. Андрееву
12 июля 1953

Любимые мои, мои хорошие!

Какие же мне найти слова, чтобы успокоить вас хоть немножко! Правда же, я не обманываю вас: я здорова, спокойна, весела, я умею всегда найти смысл и радость в жизни, во всем, что мне приходится переживать, а это – самое главное. Не мучайте же себя, мои солнышки, не слушайте бестолковых рассказов, не тревожьтесь о том, где я работаю и что я одеваю. Я уже давно работаю по-прежнему и каждый день готова к любой перемене в этом смысле – такова здешняя специфика, и для меня этот вопрос имеет меньшее значение, чем погода. Хожу в маминых босоножках, сплю зимой в байковой рубашке, присланной мамой, вообще в вопросе белья и обуви я совершенно свободна, а при женской изворотливости это не так мало. Вас же, мои дорогие, это так мучает все, что я даже письмо начинаю с ответа на эти вопросы. Я вас умоляю, родненькие, ненаглядные, возьмите себя в руки, успокойтесь и не растревляйте себя непрерывной тревогой обо мне. Не такое сейчас время, чтобы убиваться из-за того, в каких туфельках я хожу, сейчас надо собрать все силы, все нервы и держаться крепко и бодро.

Моя судьба закрыла вам весь свет в окошке, но даже ее – эту судьбу – вы не имеете возможности правильно оценить. Берегите же себя, любимые, вы должны иметь для себя какую-то точку опоры, вы должны хранить и беречь себя, мы увидимся, мы будем вместе, мы с Даником сумеем хоть немножечко заплатить вам за все страшное, что вы из-за нас перенесли и переносите, и за всю вашу заботу о нас, мои бедненькие, мои ненаглядные! Я очень плохо пишу, мне слов не хватает, поймите меня как-нибудь, золотые мои.

Если б вы знали, как я благодарна вам за помощь ему! Я не смела просить вас об этом, но меня день и ночь мучило, как он живет. Вы не имеете никакого представления о том, какое это имеет значение. Как вы могли думать, что я, узнав его адрес, перестану вам писать²? Я всегда была очень плохая по отношению к вам, но все же не настолько! Мой Даник лучше всех поймет, что, пока положение с письмами таково, как сейчас, я буду писать вам, но ведь все, что я пишу вам, интересно и важно и для него, потому что это моя жизнь, поэтому надо мое письмо, прочтя, послать ему. Его я тоже прошу писать только вам, наши адреса могут измениться, а ваши письма я всегда получаю очень аккуратно, только, ради Бога, не забывайте надписывать обратный адрес. Милые, я понимаю ваш страх и вашу осторожность, но не слишком ли это теперь, в этом вопросе? Вы никогда не имели никакого отношения к нашему, с позволения сказать, «делу», а помочь двум любящим людям через столько лет немножко знать друг о друге – никаким законом, по-моему, не запрещается.

Даник, мой любимый! Я столько лет ждала твоего письма, и дождалась, и увидела тебя именно таким, каким все время молилась, чтобы ты был. Будь спокоен, я прошла трудный и сложный путь, и сейчас я тоже такая, какой ты меня хочешь видеть, мечтая обо мне, я это знаю. Я не хочу сейчас вспоминать плохое, что я сделала на своем пути, – я за него платила, плачу и буду платить и тебя прошу: не мучай себя воспоминанием о твоём, никогда не существовавшем, невнимании ко мне – для меня наша с тобой прошедшая жизнь не имеет ни одного темного пятна. Как бы я хотела

Дюканушке³ и маме передать нашу с тобой глубокою веру и душевные силы! Солнышки мои, любимые, ненаглядные, я всегда с вами, и я гораздо лучше, чем была прежде!

Жизнь моя, хоть мумочка и не верит, все-таки спокойна. Работаю, читаю, вышиваю (декоративных птиц на сером холсте), немножко играю на рояле, аккомпанирую, оформляю. «Театральные» дела немножко застопорились, потому что больше нет режиссера, но художественное чтение не брошу, тем более что оно для меня труднее, чем любая роль, значит, надо это одолеть. У нас много очень красивых цветов, и я немножечко вожусь с ними – это тоже радость. Ненаглядные, можно жить в Москве, нарядной и веселой, и меньше чувствовать глубину и смысл жизни, чем иногда здесь. Даня это знает, потому что идет той же дорогой, а вы уж поверьте на слово. Что касается здоровья – оно совсем неплохо. Печень переносит даже вареное сало, желудок гораздо лучше, ноги не болят, сплю так, что об этом даже совестно писать вам, мои бессонненькие. Провела курс сахарного лечения (от 1 до 10 ложек) и очень поправила сердце. Не могу сладить с насморком – может быть, Дюканушка что-нибудь придумает. Иногда присылайте пирамидон, аллилсат и карлсбадскую соль. Для работы нужно: коробку акварели, ярко-красную, желтую и белую гуашь, несколько щетинных шрифтовых кистей разных размеров, одну толстую беличью кисть, грим, несколько порошков анилиновых красок разных цветов, парочку флейцев. Из пустяков: бархатный крем, тонкие иголки для вышиванья, мулинэ или шелк, когда попадется без труда, резинки для продержки и чуточку шире, заколки для волос, аптечную марлю и вату. Продукты все доходили прекрасно, и тут, как и во всем другом, основная просьба – не мучайте себя, делайте все по мере сил, берегите себя. Ради Бога, уезжайте отдыхать! Уезжайте хоть ненадолго поближе к природе, успокойтесь, наберитесь сил, золотые мои, вы так измучены – я же это вижу по письмам. Я все-таки рада, что Дюканушка опять на большой и интересной работе, хоть и тревожусь, что он будет очень уставать. Если можно, напишите об этом подробнее,

я очень хочу знать. А что пишет Юрик⁴ – диссертацию или полное собрание сочинений? Только пусть не обижается, что я смеюсь, я очень хочу о нем знать побольше. Внешне я, конечно, постарела, но не безнадежно. Милые, ненаглядные, берегите же себя, я всегда с вами и во сне и наяву, мои бесценные. Жду, мои хорошие, от вас вестей, помните, что из Москвы я все получаю, не грустите обо мне, храни вас всех Господь, мои солнышки, мои золотые, берегите себя и верьте в хорошее так, как я верю.

Целую вас крепко-крепко, ненаглядные, и всей душой, всем сердцем люблю, люблю, родные мои.

Ваш Листик⁵

¹ Юлия Гавриловна Бружес (1885–1962) и Александр Петрович Бружес (1887–1970) – родители А.А. Андреевой (далее А.А.).

² Переписка с заключенными была строго регламентирована, первые годы заключения А.А., по ее свидетельству, имела право писать лишь два письма в год, еще строже был тюремный режим переписки. Мать А.А., опасалась, что, вступив в переписку с мужем, дочь станет писать родителям гораздо реже, кроме того, она долгое время отказывалась сообщить Д.Л. Андрееву (далее Д.А.) адрес дочери. Поэтому первое письмо от жены Д.А. получил через ее родителей. «Сделано так, – комментировала А.А., – потому, что два письма в месяц я писать не могла и, кроме того, боялась, что мой ответ в тюрьму не дойдет, а мама или привезет письмо, приехав на свидание, или переписет своим почерком то, что относится к Даниилу». Здесь письмо А.А. к родителям впервые публикуется полностью; включенное в него письмо к Д.А. см.: *Андреев Д.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Русский путь, 2006. Т. 4. С. 288 (далее ссылки на это издание даются в сокращении: СС, с указанием тома и страницы).

³ Дюканушка, Дю – домашнее прозвище отца А.А.

⁴ Юрий Александрович Бружес (1922–1996), брат А.А.

⁵ Листик – домашнее прозвище А.А., данное ей мужем.

1954

2

21 июня 1954

Дорогой мой, хороший! Я знаю, что ты тревожишься обо мне. Не надо, милый, у меня все хорошо. Здоровье мое,

мне кажется, не хуже, чем было, а душевных сил – в десять раз больше, и это совсем не странно – так и должно было быть.

К майским праздникам мы приготовили спектакль Шекспира. Я в нем участвовала и как художник, и как исполнительница одной из главных ролей – Протея.

Как художник я, пожалуй, совсем справилась с задачей. Сейчас передо мной лежат присланные Дюканушкой фотографии из Вахтанговского театра. Вахтанговцы ставили «Два веронца», и прислал мне основных действующих лиц, чтобы помочь мне в работе над костюмами. Фотографии пришли после нашего спектакля, и это получилось гораздо лучше, потому что я сама сделала все правильно – снимки «настоящего театра» это подтвердили, – можешь себе представить мое торжество? Теперь мы собираемся ставить «Обыкновенный человек» Леонова, я буду играть молодого советского ученого, не знаю, как сумею. Протей, как решение задачи, мне удался, а задача была сложная – у Шекспира нет простых. К сожалению, я работаю очень медленно – такой уж характер – и, говорят, рассудочно. Тебе это странно слышать? Я – и рассудочность. Пожалуй, еще больше, чем над пьесами, я хотела бы работать над художественным чтением, но это гораздо труднее из-за моей застенчивости, о которой здесь никто не подозревает. Кроме того, очень трудный вопрос – репертуар. Очень сложно найти вещи, подходящие мне по стилю, пригодные для чтения со сцены и такие при этом, чтобы я их очень любила. Работать стараюсь серьезно, «вдохновенно» ничего серьезного не построишь, вероятно, за это я и получила упреки в том, что «играю головой». Ну вот, Даник, мой родной, видишь, сколько написала о том новом, что у меня появилось, я знаю, что это тебе важно и интересно. Ненаглядный мой, я не хочу писать, сколько я о тебе думаю, – ты это знаешь так же, как я.

Недавно получила длинное, чудесное письмо от Дюканушки, на которое долго-долго буду радоваться. Я очень хочу получить наконец от тебя письмо. Целую тебя, мой любимый, моя темноголовенькая птичка. Ты очень поседел?

[Приписка Ю.Г. Бружес:]

Так вот, Дая, мы будем в отъезде июль–август. Толком, где мы будем, мы и сами не знаем: на Рижском взморье нам не понравилось вообще все, а в то же время ехать нам больше некуда. Адрес я Вам писала, но еще повторю: Рига, Лиелупе, ул. Викинга, д. 8. Теперь летом оказалось с посылками для меня <пропуск>, лучше я Вам пришлю больше денег, все равно ведь на посылку трачу.

Писать я Вам буду.

На днях все-таки вышлю посылку.

Шлем привет, целуем.

Ю. Бружес

3

12 ноября 1954

Золотое мое солнышко, Зайчушенька!

Прости меня, мой хороший, за то, что я пишу тебе сегодня, а не 2-го – в день твоего рождения. Мы усиленно готовились к празднику, и мне не хотелось писать тебе наспех и на усталую голову. Несмотря на большое количество работы, я 2-го вечером пошла в кино, потому что привезли «Великий воин Албании Скандербег». Я этот фильм смотрела уже третий раз, мысленно, как и все хорошие вещи, вместе с тобой, а четвертый раз хочу смотреть уже не мысленно, а совершенно реально вместе. Мы на праздники поставили «Платон Кречет»¹. Я, к своему изумлению, сыграла Платона. Большинству зрителей я понравилась, но сама недовольна, хотя вида не показываю. В конце ноября у нас будет очень серьезное событие – смотр нескольких самодеятельных коллективов. Готовим кроме концерта одноактную пьесу «Мыс Предупреждения» – я играю, представь себе, шпиона – первый раз совершенно отрицательную роль. Интересно, конечно, но я как-то устала от мужских ролей. Очень все-таки трудно вдумываться в вашу психологию и, конечно, трудно с голосом. Хочется сыграть хорошую женскую роль.

Ну вот, родненький, теперь я еще перечитала твое письмо и постараюсь отвечать. Со здоровьем у меня уже гораздо лучше, очевидно, антианимин, который прислал Дю, – прекрасное средство, и также очевидно, что ничего

трагического со мной не происходит, раз я так быстро стала поправляться и смогла выдержать работу к празднику. Никаких тяжелых явлений у меня сейчас нет, и работоспособность неплохая. Твое здоровье меня тревожит гораздо сильнее, потому что корни твоей болезни гораздо глубже и серьезнее, чем у меня. Мне нельзя переутомляться – вот и все, и нельзя, чтобы мне особенно сильно трепали нервы. Что же касается тебя, Заинька, то я просто не знаю, что нужно сделать, и боюсь, что ничего, кроме полной перемены, не поможет. И тут я упираюсь в самое серьезное и трудное для изложения – в твою полную растерянность перед могущей наступить жизнью. Я не сомневаюсь, что нам сначала и довольно долго будет трудно, но не сомневаюсь также и в том, что не может быть, чтобы два интеллигентных человека, желающих работать, не нашли применения своим знаниям в огромной стране. И самое сложное во всем этом, конечно, твое состояние, твоя привязанность к друзьям (для тебя написала без кавычек), вообще, незримые препятствия, гнездящиеся в твоём сознании. Если мы выйдем с твердой и суровой установкой – жить, мы жить будем. Но я очень четко чувствую, что для этого нельзя позволить никаким остаткам прошлого связывать себя. Больше об этом писать не буду.

Я очень рада твоим занятиям индусским языком и уверена, что это для тебя очень правильно. Сложность этих занятий я себе представляю и не обольщаю себя надеждами в скором времени читать на какой-нибудь клубной сцене твои переводы с индусского, хотя мне этого и очень хочется. Только, милый, не очень ли ты загружаешь свою головку занятиями, ты прости мне такое, очень уж женское беспокойство, но ты ведь всегда останешься для меня бедненьким маленьким Заем, о котором нужно заботиться и волноваться.

Что касается меня, то я, конечно, всегда перегружена, и это нехорошо, но я ничего не могу сделать. Я уже писала, что моя встреча с нашими стариками была очень хорошей и радостной. С нее началось улучшение моего здоровья. Они, конечно, стары, особенно мама, но очень хороши, очень добры и какие-то очень живые. Если б не их возраст, я бы вообще ни о чем не беспокоилась. Ни об одном дне из этих семи

с половиной лет я не жалею; страна велика, и работы много, единственное, что меня тревожит, – необходимость побыть около них их последние годы и малая реальность этого. Мама тебе, конечно, тоже пишет, что со дня на день ждет ответа по нашему делу. Я думаю, что это ожидание может продлиться еще несколько месяцев, да и ответ может быть всяким, но все-таки надеюсь на некоторое облегчение. Мы здесь гораздо меньше оторвались от действительности, чем ты, в твоих условиях, и очень много мечтаем: то о целинных землях, то о строительстве на Ангаре и, конечно, всегда о большом клубе или театре, где мы будем с самого начала создавать коллектив, а я еще – об умном и не нервном режиссере. Для себя, потихонечку, работаю над письмом Татьяны и ее монологом из последней главы «Онегина». Милое мое солнышко, из всех прежних друзей вспомни Сашу Горбова² – в тебе ведь есть родственные с ним черты (к сожалению, не здоровье), а теперь тебе нужно понять именно то, что при всей интеллигентности нужно быть реальным и жизненным человеком. Родной мой, ты не сердись на все мои «поучения»? Поверь мне, что я просто очень нескладно и бестолково высказываю свое беспокойство о тебе и свое желание во что бы то ни стало нащупать какие-то возможные черты будущей жизни, которая должна, должна, должна быть.

Уже поздно, мой хороший, моя милая темноголовенькая птичка, мое солнышко. Господь с тобой. Спокойной ночи.

¹ «Платон Кречет» (1934) – популярная в советские годы пьеса украинского драматурга А.Е. Корнейчука.

² Саша Горбов – герой романа Д.А. «Странники ночи»; в переписке А.А. и Д.А. имена героев романа используются для передачи друг другу самых разных мыслей, ситуаций, о которых часто писать прямо было невозможно, так как письма подвергались цензуре.

4

19 декабря 1954

Золотой мой, бедненький, маленький Заинька!

Вряд ли это письмо доберется до тебя к Новому году, но к нашему сочельнику¹ вероятно. От тебя письма нет, я

его очень жду, но жду спокойно, терпеливо, я знаю, что, когда будет можно, ты напишешь, мой хороший. Я боюсь, что писала тебе нескладные письма, которые не могли тебя поддержать и обрадовать. Почему ты пишешь, что по моему письму видел, что я совершенно измучена? Я этого не чувствую, милый. Конечно, я и нездорова, и устала, но ничего бесповоротного и катастрофического нет. Когда я думаю об этом, то ясно вижу, что самое тяжелое лишение в моей жизни – это отсутствие твоего неизменного рыцарства по отношению ко мне и вообще твоего отношения. Когда это будет, я уверена, что даже усталость очень скоро ликвидируется. А в твоём отношении ко мне я уверена, насколько бы ты ни был сам измучен и болен. Очень пошло хныкать о том, что «никто меня не понимает», но это все-таки именно так. У меня есть хорошие товарищи, но все мои попытки иметь друзей не увенчались успехом, и теперь, оставив это стремление, я себя чувствую гораздо лучше. Думаю, что дальше в моей жизни так и будет. Я только боюсь, что внешне стала суше и холодней (говорят, я очень жестокий человек) и могу как-нибудь нечаянно тебя обидеть, мое солнышко, а ты и старики – это все теплое и человеческое, что есть в моей жизни. Остальное – работа.

К Новому году (к концерту) готовлю три маленьких стихотворения (одно – Щипачева² и два – совсем неизвестных авторов). Делаю игрушки на елки, готовлю письмо Татьяны и монолог из последней главы, мечтаю о Шекспире. Случайно прочла вторую трилогию «Форсайтов»³ – какая чудесная книга!

Одно время страшно нервничала из-за отсутствия нашего пресловутого ответа, а теперь успокоилась – когда надо, тогда и будет. Не знаю, какой стороной зацепилось наше «дело», но явно не пролезает в дверь.

Очень хочется быть опять с тобой где-нибудь подальше, в совершенно новом и незнакомом месте. Я ничего не боюсь, очень верю в свои силы и очень хочу поскорее иметь возможность работать в иных, чем здесь, условиях, а главное – с тобой.

О твоих, к сожалению, нового почти ничего не знаю. Гал<ина> Юрьевна собирается увидеться с Сашей⁴. Мои

пишут, заботятся обо мне, как о цыпленке, и кудахчут так же.

Любимый мой, как всегда, ничего в слова не поместилось.

Целую тебя, мой мальчик, очень хочу, чтобы ты получил письмо в сочельник.

Твой Листик

¹ Рождественский сочельник был семейным праздником А.А. и Д.Л., начиная с первого совместного сочельника 1945 г., который А.А. называла самым счастливым воспоминанием своей жизни; см. также стихотворение Д.А. «Сочельник» (1949).

² К выбору стихотворения С.П. Щипачева Д.А. отнесся крайне отрицательно; см. СС, 4, по указателю.

³ Речь идет о второй трилогии английского писателя Джона Голсуорси цикла «Сага о Форсайтах», куда вошли три романа: «Белая обезьяна», «Серебряная ложка» и «Лебединая песня», вышедшие в русском переводе в 1926–1928 гг.

⁴ Галина Юрьевна Хандожевская (1896–?) – вторая жена двоюродного брата Д.Л., Александра Филипповича Доброва (1900–1957) – Саши.

1955

5

12 января 1955

Золотой мой Заинька!

Вчера получила от тебя коротенькое письмо и теперь очень жду большого. Я и сама вижу, что тебе лучше, мой хороший, даже без твоих слов, а прежде то твое письмо, конечно, напугало меня.

Вот, мое солнышко, вчера и позавчера мы смотрели обе серии «Бродяги» (индийский фильм). Ждали мы этого фильма, наэлектризованные разговорами о нем, едва дождались, и, представь себе, я разочаровалась. Индии почти нет. Европейский замысел и европейское решение его. Очень много мелодрамы, сентиментальности, дешевки. Прекрасная музыка и очень хорошие отдельные кадры – очевидно, культурные оператор и художник, но это,

пожалуй, и все. А часть, которая могла бы быть самой чудесной, – сон героя, в котором он видит себя и свою любимую у подножия статуи пляшущего Шивы, – дана в совершенно опереточном разрезе. Одно могу сказать, что этот фильм гораздо лучше таких же чешских, польских и венгерских, которые мы видели, но это не то, чего я ждала.

Родной мой мальчик, я не могу так точно, как ты этого хочешь, ответить на твой вопрос о том, почему переутомлена, – иначе нельзя, вот и все. А что касается твоего вопроса, связанного с тем, что я играю мужские роли, то ты не представляешь себе, как ты нас развеселил. Милый мой, бедненький, как же ты мало знаешь! Что касается Платона Кречета, то и у меня хватило фантазии только на два самых драматических момента, а остальное я совершенно смазала, но это мелочи, а интересной театральной работы сейчас не будет главным образом из-за несносного характера нашей режиссерши и из-за того, что я хочу побережь нервы. В феврале будет Пушкинский вечер – я берусь за «Онегина», только еще не знаю, что именно буду делать. Прозу читать я еще побаиваюсь, хотя очень хочется сделать Аустерлиц из «Войны и мира». Понимаешь, милый, учиться очень хочется и работать с хорошим режиссером (ни в коем случае не женщиной, чтобы они провалились почти все), очень трудно плавать самой.

Я очень рада, что ты написал еще одно заявление, я написала, кажется, уже пять, но все в Прокуратуру. Мне много боли причинили люди, и я думала уже, что никогда и ни с кем не может у меня быть никаких теплых отношений, кроме тебя и стариков. Я даже немножко гордилась тем, что потеряла веру в дружбу и никто мне не нужен. И вот на этом-то прекрасном фоне в мою жизнь вошла худенькая, слабенькая, рыженькая девочка¹ с волей и характером, лучше которых я не хотела бы для своего ребенка. Девочке, конечно, не так мало лет, но мы тут все «девочки». Оказывается, я совсем не засохла и не закоченела, и все-таки с таким теплом и с верой не только трем людям на всем белом свете лучше жить. Сегодня целый вечер около меня были люди, очень шумели, шалили и хохотали, а сейчас все ушли, только моя маленькая опять лежит сзади меня и вертит в

руках Лермонтова, но больше курит. «Бродягу» мы смотрели вместе, и мнение у нас общее, кроме того, когда-нибудь мы все вместе – мы с тобой и она с человеком, который был ее женихом, – уедем в кругосветное путешествие и увидим настоящую Индию. А сейчас она передает тебе привет. А я тебя крепко целую, мой хороший, мой родной скоро напишу еще, и очень, очень жду твоего письма, родная моя ласточка.

Свитр я носила.

Листик

¹ Речь идет о лагерной подруге, «приемной дочке» А.А. Валиа Круминьш, Джони (р. 1930?).

6

17 февраля 1955

Солнышко мое!

Получила твое короткое письмо, мой хороший. Не мучай себя мыслями о том, что твое большое письмо было каким-то «не таким». Для меня оно было и есть огромной радостью, я все поняла, всему рада, а слов у нас с тобой все равно никогда не хватало и не хватит.

Очень буду ждать твое большое письмо, а о задержках с моими ты не волнуйся – ну что ж поделаешь, раз так получается!

Мой хороший, в прошедшее воскресенье (13-го) мы ездили на слет передовиков производства – не в качестве передовиков, а в качестве «артистов» для объединенного концерта. Все было очень хорошо и интересно, скорей бы уж я могла это все тебе рассказывать, мой родной! Самое для меня интересное – была первый раз в жизни возможность читать на большой, настоящей сцене перед большим, хорошим залом. Милый, оказывается, это гораздо легче, чем читать на сцене, подобной нашей! Я этого никак не ожидала и до сих пор не могу отделаться от чувства радостного изумления и, конечно, страстного желания опять читать на «настоящей» сцене.

Вся наша поездка была очень интересная, но и очень утомительная: встали в 5 (с трудом уgomонившись нака-

нуне в 12), выехали в 7. Часов 5 дороги туда и обратно, очень длинное деловое совещание (в котором мы, артисты, от волнения ничего не поняли) и невозможной длины концерт – выступление трех коллективов. Вернулись мы в половине второго ночи чуть живые. И, вероятно, только ты сможешь понять, что я почувствовала, когда, придя в мастерскую, увидела в уголке у печки мою рыженькую девочку, которая все это время дожидалась меня! Солнышко мое, я все понимаю, что ты пишешь в большом письме, но все-таки хочу как можно скорее быть вместе где угодно, в любом захолустном городе, в сибирской деревне, где собирают смолу, где угодно, лишь бы можно было просто побыть в тишине, чтобы немножко распрямились скрученные в жгут нервы. Мне только очень хотелось бы, чтобы каким-нибудь чудом моя маленькая оказалась с нами и чтобы все-таки весь этот воображаемый оазис очутился бы где-нибудь, где потеплее.

Зай, родненький, послезавтра – литературный вечер, посвященный Пушкину, и я буду читать моего «Онегина». Боюсь ужасно, это первая большая вещь, которую я делала, и все еще так сыро, что совсем не знаю, что получится.

Спи, мое солнышко, мы тоже сейчас пойдем спать. Сегодня получили посылку от мамы, пили чай с вареньем, сейчас по радио Козловский поет песенку Герцога, Джони читает «Три мушкетера», а я еще чуть-чуть хочу почитать «Квентин Дорвард». Малютка просит передать тебе привет и страшно скулила и рычала на меня за то, что я тебе насплетничала, что она рыженькая. Целую моего Заиньку.

Твой Листик

7

22 февраля 1955

Родной мой Даник!

В воскресенье должен был состояться наш Пушкинский вечер, и совершенно неожиданно, за 2 часа до начала, когда мы вбили последний гвоздик на сцене и подвесили

последнюю лампочку, принесли индийский фильм «Ураган». Пожалуйста, подожди пишать и прыгать. Это оказалась такая дешевка, что вряд ли я пойду на следующий индийский фильм. Поразительно, что они подхватили самое плохое из европейского искусства: псевдопсихологизм, «достоевщину» (не имеющую ничего общего с Достоевским) и бульварную мелодраматичность. В основе фильма – драма, которую можно назвать социальной, причем дана она в Диккенсовском разрезе, но в неисчислимо количество раз хуже, пошлее, дешевле и т. д.

Все это снабжено индийским колоритом – чисто внешне – больше и интереснее, чем в «Бродяге». Хороший оператор, есть хорошие выдумки, вообще это зрелое и сознательное искусство, не в пример всяким чехословакиям, но плохое искусство.

Из «индийского колорита» интереснее всего танцы, но и то, они гораздо хуже того – не знаю, как выразиться, – воспоминания, представления, ощущения, которое у меня было, пока я их не видела. Вообще я много видела за эти годы танцев и всех народов, и всяких людей, и в жизни, и в кино, и убедилась, что нет ничего выше русского балета. Причем Уланова, живая современница Уланова, для меня – высшая точка того, что я видела, включая документальные фильмы о четырех всемирных фестивалях.

Вот, мой родненький, мой Заинька.

У меня все по-прежнему, включая и прежнее количество работы, с которым я не справляюсь, что плохо во всех отношениях. Скоро весна, и мне что-то кажется, что опять надо будет возиться с огородиком. Прокуратура, по-моему, крепко уснула на томах наших дел. Кстати, мама туда ходила и очень энергично выступала в нашу защиту. Представляю себе, как там веселились, слушая ее! Она еще написала, что у меня плохое здоровье и надо меня отпустить лечиться. Ей это кажется очень убедительным...

Шура¹ сейчас находится вместе с Галиной, у нее нехорошо с язвой, она приблизительно в той же больнице, что и Саша, а Галина там работает художником. Напиши мне, был ли у тебя сердечный припадок последствием гриппа или нет.

Спи, мое Солнышко, я тоже немножко почитаю и иду спать. Привет от Джони, она читает у печки, тоже очень усталенькая. Крепко тебя целую, родной мой, любимый.

Твоя Алла

Конверт для тебя выбирала маленькая.

¹ Шура – Александра Филипповна Доброва (в замуж. Коваленская; 1896–1956), двоюродная сестра Д.А., отбывала срок в Дубровлаге, так же как и Г.Ю. Хандожевская.

8

24 марта 1955

Милый Данюра!

Вот еще кусочек моего ответа на твое письмо. Впродчем, сначала не на него, а на то, что я узнала от мамы: что у тебя с сердцем? Старый миокардит или какие-нибудь новости? Чем вызвано ухудшение? Отчего был у тебя прострел? Простудился? Пожалуйста, напиши правду, Заинька!

Я кое-что узнала о родных. Шура и Биша активированы¹. Не знаю, знаешь ли ты, что это такое, одним словом, через несколько месяцев они поедут на волю, как инвалиды. Но боюсь, что ехать-то им придется в инвалидный дом, т.к. нет родственников, которые согласятся взять их на иждивение (нужно формальное согласие). Представь себе, что Шура иногда получает посылки. По-видимому, от Муси², и если мне ничего не напутали – от сестры Ал<ександра> Викт<оровича>. Если это так, то, очевидно, он тоже. О нем знаю мало, думаю попробовать написать ему. Шура, Саша и Галина виделись и написали, посоветовавшись, в ЦК. Я думаю, что Саша тоже активирован, относительно Галины не знаю. Кто-то из них получил такое же извещение, как я, т.е. что дело пересматривается. Кстати, Аленушка и Виктор³ уже тоже на пороге свободы – по указу. (Опять не знаю, известно ли тебе, что это такое.) У них ведь срок гораздо меньше нашего.

Ну вот, теперь о другом. Ты пишешь о чтении стихов Блоком. Я на все лады и фасыны читаю «Равенну»⁴ и ничего не могу с ней поделывать! А вот «Онегина», представь себе,

сделала, и сделала по следующему принципу: очень просто, искренне, но не перегружая чувством, так сказать, облегченно – от автора и «изо всех сил», с полным чувством – Письмо Татьяны, Монолог Онегина в саду и «Куда, куда вы удалились». Дуэль и смерть Ленского, которой у меня все кончалось (как в твоём детском оперном спектакле) читала с сдержанным, очень собранным ощущением трагизма. Не знаю, понятно ли написала.

Знаешь, мой хороший, я столько о тебе думаю и столько мы с моей маленькой говорим о своих любимых, что я никогда не могу сообразить, что я тебе писала, что нет и даже – когда писала. Взяла я читать «Оттепель»⁵, но вместо нее читаю «Искусство художественного слова» Аксенова⁶ – книгу, присланную папой. Никакого нет у меня доверия к Эренбургу!

Поздно, мой хороший, сейчас пойдем спать. Девочка сидит напротив и пишет, моя хорошая, умненькая девочка. Она очень хочет с тобой познакомиться. А мне очень хочется увидеть когда-нибудь ее любимого, но это и для нее – в миллион раз труднее, чем нам с тобой.

Спи, мой хороший, храни тебя Господь.

Листик

¹ Речь идет о предполагавшемся досрочном освобождении в связи с тяжелым состоянием здоровья Александра Викторовича Коваленского (1897–1965), домашнее прозвище Биша, поэта, мужа двоюродной сестры Д.А., и его жены.

² Муся – Калецкая Мария Самойловна (1906–1998), географ, жена соавтора Д.А., С.Н. Матвеева.

³ Аленушка и Виктор, здесь имеются в виду однодельцы Д.А. – Лисицина Елена Федоровна (1915–1990), литератор, и Виктор Андреевич Кемниц (1906–?), инженер, осужденные на 10 лет заключения.

⁴ «Равенна» – стихотворение А.А. Блока из цикла «Итальянские стихи» (1909).

⁵ «Оттепель» (1954) – повесть И.Г. Эренбурга, говорившая о надеждах на перемены и давшая название наступившей послесталинской эпохе.

⁶ Аксенов В.Н. Искусство художественного слова. М.: Искусство, 1954.

9

14 апреля 1955

Родной мой Даник!

Через два дня Пасха, и, кажется, наконец начинается весна.

У меня ничего серьезного нового нет. Работа – сам знаешь, что такое подготовка к 1 мая... Боюсь, что даже не смогу ничего читать в первомайском концерте. Ну, ничего, зато потом лето.

Мой хороший, ты читал «Русский лес» Леонова? Это, конечно, не сравнимо с «Оттепелью». Конечно, подчеркнуто выбирая между двумя адресами – твоим и его, Леонов многое перегибает и передергивает, но все-таки это вещь, которую можно рассматривать как литературу. Почти, если попадется, и не сердись, может быть, он по-своему и прав, так старательно избегая кораблекрушения. Кстати об этом – больше всего я злюсь на глупые причины его: что-то вроде пьяного штурмана. Ты еще не получил ниоткуда никакого ответа? Я сразу после первого мая напишу в административный отдел ЦК просьбу об их вмешательстве в этот затянувшийся разбор. Я многое понимаю, что ты мне писал, но уже очень хочу говорить с тобой и вообще двигаться по берегу, хотя бы пешком.

О родных ничего нового не знаю. Пусть тебя не удивляет, что я так неэнергична в налаживании связи с ними. Когда мы вместе сюда ехали, им, в том состоянии, в каком они находились, нужно было кого-то считать виноватым. Больше всего для этого подходила я, и так они и объявили, чем доставили мне неприятности с окружающими меня людьми на несколько лет. Потом все с ними самими наладилось, но результат их слов остался; с Шурой 20 апреля 1950 года – в день твоих именин – все как будто уже стало хорошо. К счастью, дня через 3–5 после этого она уехала, к счастью, потому что мы расстались на хороших нотках, которые долго не продержались бы. Много дурацких осложнений мне доставила Ирина¹ – это объясняется ее отношением к тебе и психическим сдвигом в области таких

отношений. Она, кажется, сама верит в свою роль в твоей жизни. Ты не думай, что я не понимаю, какая все это чушь и мелочи. Я долго не хотела ничего этого тебе писать, но, понимаешь, сознавая, что это все пустяки, я все-таки не могу больше просто и хорошо обратиться к ним. Я пока одна на свете знаю, как и в чем я виновата, но не перед ними, и не позволю им меня судить. И вообще в моей душе мы сами с Богом разберемся.

Вот, мой родной, очень путано, ну, когда-нибудь расскажу все по-настоящему.

Мой ребяенок работает теперь не со мной, так что я лишена возможности все время ее видеть. Зато в жизни появилось тоже хорошее, такое дорогое в прошлом: ждать к обеду и после работы милое, родное существо. Солнышко, как мне уже нужно тебе все рассказывать, просто ничего уже на бумаге не помещается.

Сниться ты мне плохо стараешься – очень давно не снился.

О моем здоровье не беспокойся, Дю прислал какое-то сердечное лекарство, которое мне очень помогает, еще две недели вытяну, а потом будет легче.

Целую, хороший мой.

Твой Листик

¹ Здесь, видимо, речь идет об Ирине Львовне Арманд (1916–1988), филологе; осуждена по делу Д.А. По свидетельству А.А., она была влюблена в Д.А.

10

20 апреля 1955

Золотой мой Заинька! С днем Ангела!

Никак не ждала от тебя письма раньше середины мая! А про открыточку и стихи нечего и говорить!

Правда, хоть Зайчиха и одета в широкую юбку и бусы, что всегда было моей слабостью, но я теперь больше похожа на ту ворону, которая сидит на пне. Ну, ничего. Между прочим, на днях пошлю тебе свою фотографию, не

знаю только, получишь или нет, нарочно предупреждаю заранее.

Даник, милый, это письмо – не ответ на твое. Серьезно отвечать буду после 1 мая, потому что из-за количества работы нет ни времени, ни головы. Рада была твоему письму бесконечно, так рада, что даже усталость меньше от радости! Вопросов целый ворох, высыпаю все без системы и подробностей:

Черновики чего¹? Хоть немножко, хоть несколько слов напиши.

Т.е. как это ты не можешь написать никакой характеристики, никаких подробностей? Даже не думай, что я от тебя отстану: я должна знать своих родных. Так что извольте выходить из положения как угодно и напишите мне как можно больше. Напрасно ты думаешь, что объяснил мне что-нибудь Людв<игом> Виттельсбахом². Это кто?

Миленкий, меня Зайка-босоножка вполне устраивает, я только прошу уточнить: по Москве ты тоже будешь ходить босиком? и каков будет в этом случае остальной костюм?

Относительно Щипачева – ни слова протеста с моей стороны.

Моя маленькая сейчас на работе. Она из Либавы. Несмотря на озорной вид, она напоминает портреты моих любимых английских портретистов. Познакомиться тебе с ней просто совершенно необходимо.

Быть уже вместе нам нужно немедленно. Просто не знаю, что еще предпринять, – 1 мая совсем поругаюсь с Прокуратурой.

Мой хороший, мой родной, кончаю эту суматошную записочку. Целую тебя, Солнышко, храни тебя Господь, мой милый Даник!

Кстати, мои числа ты помнишь правильно, а я отличилась – всегда помнила твой день, а именно сегодня вспомнила только сейчас.

Мы обе ждем вам лапки, как серьезные люди, и очень, очень хотим знакомиться дальше.

Сажусь писать лозунги, помидоры совсем не растут, кошка орет и скандалит, требует, чтобы ее брали на руки.

Видела еще инд<ийский> фильм «Байджу бавра» – изумительная старинная легенда, превращенная в балаган. Об этом после.

Твой Листик

А энцефалит пишется через «э».

¹ В письме к А.А. 5 апреля 1955 Д.А. писал о возвращении ему ранее изъятых тюремной администрацией рукописей, вероятно относящихся к началу 1950-х гг.; см. СС, 4, 311.

² Виттельсбах, Людвиг (1845–1886), король баварский (с 1861), поклонник и покровитель Р. Вагнера; Д.А. писал А.А. о своем сокамернике Зее Рахиме: «В моей жизни он – отчасти – кто-то вроде Людвиг Виттельсбаха»; см. СС, 4, 311.

11

21 апреля 1955

Мой милый!

Не знаю, насколько эта фотография соответствует действительности. «Джиоконда» и «Примавера», кажется, безнадежно исчезли с этого лица. Морщин не видно из-за качества фотографии – в действительности они есть. Во всяком случае, я рада возможности предупредить тебя о том, какая я стала.

Крепко целую, мой хороший, привет твоему другу.

Алла

12

<Май 1955>

Милый Зай

Я получила письмо от Дюканушки и злорадно хихикала по твоему адресу: как ты реагировал на присланное тебе сочетание «Истории Индии»¹ и ботинок?

Мой хороший, посылаю тебе еще свою фотографию, хотя Джо ни без остановки кричит, что я моложе и лучше. Я хотела сняться такой, какая я бываю на сцене, даже с гри-

мом, но попытка вышла не совсем удачная. Фотографию моей сестрички ты должен получить от моих, я им послала две и просила одну отправить тебе. Она тоже лучше, тоже моложе, не имеет на фотографии совсем озорного вида, ей свойственного, но что-то есть очень глубоко ее, и это «что-то» мне очень дорого.

Сейчас подряд буду отвечать на вопросы; если буду повторяться – прости.

На основании какого заболевания активирован Сережа² – не знаю, думаю, что психическое расстройство. Знаю, что за ним ездил Олег³ (который, между прочим, женился – на ком, не знаю). Ни одного слова я не получила ни от Сергея, ни от Наташи⁴, которая, оказывается, тоже была с нами вместе и вышла из-за обострения шизофрении. Главнейшая из болезней Шуры – язва. Об адресе для перевода денег я уже писала, сейчас только испугалась, вдруг ты должен посылать деньги вместо очередного письма? Тогда посылай мне, я перешлю. Я приехала сюда с Виктором Кемниц и совершенно его потеряла, а о Вите Вас<иленко>⁵ ничего не знаю (кроме приветов от него, полученного в Москве в 47-м). В нашей речушке не купаются, а окунаются, но я – нет. Я очень зябну, простуживаюсь, если на меня подуют, вечно чихаю и очень часто мучаюсь со всякими невралгиями и невритами. Что касается комаров, то бывает по-разному, одно лето было такое, как в Филипповском⁶ с блохами. Сейчас холодно и, кажется, не будет тепло, значит, и комаров будет сносное количество.

Сейчас я ничего не готовлю из чтения: устала, и у нас немножко тревожное настроение: может быть, переедем, а может быть, мы с моей маленькой расстанемся. Как мы обе волнуемся, ты понимаешь. Паршивая прокуратура молчит, как табуретка, не знаю, чем они там заняты.

Относительно Блока ты прав, потому я и не могу его читать, что в его манере у меня ничего не выходит, а свойственная мне манера – это монолог. Возможно, что это потому, что я начинала со сцены, с ролей, а потом стала читать.

Вот, мой родной, сейчас поздно, мой ребенок лежит и читает, скоро уйдет в ночь на работу, а я пойду спать. Она,

конечно, передает привет, и обе мы передаем привет твоему другу и просим побольше написать нам о двух Людвиггах Виттельсбахгах – первом и втором, нам очень интересно.

Целую тебя, мой хороший.

Твоя Алла

¹ Речь идет о присланной А.П. Бружесом Д.А. в тюрьму книге: *Синха Н.К., Банерджи А.Ч.* История Индии. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954.

² Сергей Николаевич Ивашев-Мусатов (1900–1992), художник; друг Д.А., первый муж А.А.

³ Олег Сергеевич Ивашев-Мусатов (р. 1927), математик, педагог; сын С.Н. Ивашева-Мусатова.

⁴ Наталья Васильевна Кузнецова (1914–?), жена (с 1944 до ареста) С.Н. Ивашева-Мусатова.

⁵ Виктор Михайлович Василенко (1905–1991), поэт, искусствовед; друг и одноделец Д.А.; заключение отбывал в Инте, Воркуте и Абезе.

⁶ Филипповское – деревня Константиновского района Московской области, в которой Д.А. и АА. отдыхали в июле–августе 1945 г.

13

20 мая 1955

Хороший мой!

Я неправильно делаю, что не пишу тебе, когда у меня на душе тревожно.

Вот, тревога продолжается уже не помню сколько времени, и получается, что я просто перестала писать. Ничего трагического быть не может, худшее – это разлука с девочкой, но меня это совершенно выводит из равновесия. Я к ней привязалась со всей материнской необъективностью и эгоизмом: 8 лет смотрю хладнокровно на море чужих страданий, а что ей будет без меня трудно – не могу спокойно об этом думать. Конечно, сказывается, что у меня девятый год и у нее – семь. И, конечно, то, что она совсем одна, такая слабенькая. Пишу тебе все это сразу, потому что ждала, когда возьму себя в руки и смогу написать хорошее письмо, и столько времени не могу это сделать, что, вероятно, уже ты волнуешься, мой родной, милый, маленький, бедненький Зай!

Ну вот, написала – и сразу все в душе встало на место. Больше не буду от тебя прятаться, буду все сразу говорить.

А теперь о другом, более веселом. На наш первомайский концерт приходили мужчины и сегодня прислали рецензию на него с необычайно лестным отзывом обо мне. Правда, милый, не думай, что я такая мелкая, что это меня до такой степени обрадовало. Очень трудно что-то делать в искусстве как в глухой комнате, без всякого отклика, поэтому меня страшно тронула такая хорошая и умная реакция на мою работу. И особенно дорого мне то, что дошло самое для меня главное, то, что рецензенты назвали «чарующей простотой чтения».

Видишь, какое смешное письмо пишу! Осталось еще в одном преступлении покаяться: отсутствие отклика и тревога последнего времени довели меня до того, что я ничего не готовлю и не читаю, а это недопустимо – техника пропадает.

Милый, тебе больно читать, а мне писать эти строчки об отклике...

Я все смотрю на черемуху и думаю, почему она для Адриана была воплощением такой удивительной гармонии? Ничуть не больше, чем везде...

Напиши мне, кто из старых друзей для тебя сейчас стал ближе – Адриан, Л<еонид> Ф<едорович>, Олег¹? Прости примитивность вопроса, ты поймешь...

Меня очень интересует Людвиг Виттельсбах, напиши о нем. Передай привет. Маленькая машет тебе лапкой.

Очень странное письмо?

Целую, родной.

Алла

¹ Адриан Горбов, Леонид Федорович Глинский, Олег Горбов – герои романа Д.А. «Странники ночи».

14

1 июня 1955

Хороший мой!

Начинается наш с тобой месяц – июнь, и скоро уже может быть от тебя письмо, родной мой. Я, по правде сказать, страшно жду его, хоть и знаю, что, как и мои письма, оно будет состоять из попыток высказать несказуемое.

Внешних событий у нас, слава Богу, пока никаких, то ли отложены, то ли не состоятся. Нанервничались до безобразия. Если ничего не переменится и не случится, то на ближайших днях приедут мои на свидание. Я этого свидания побаиваюсь из-за Дюканушкиного оптимизма и деликатности по отношению ко всяким высокостоящим организациям и его уверенности, что все идет как положено. Боюсь, что взорвусь и наговорю ему на все это совсем не того, что он ждет.

Я понемножку начинаю думать о том, что готовить читать. У нас предполагается сделать вечер Советской поэзии, и я для него приготовила два стихотворения Симонова – «Родина» и «Жди меня». Ты как, сердисься? Может быть, еще возьмусь за один рассказ Паустовского («Снег»), только немножко боюсь его длины, даже с купюрами получается все-таки очень много.

Я тут перечла все хранимые мною папины и мамины письма. Да, родной, даже если и вылезем, трудно нам будет. Тебе странно, если я вдруг заговорю о снах? Все восемь лет я время от времени вижу удивительно красивые церкви древнерусской архитектуры. Особенно много видела в Москве, несколько раз потом и недавно – опять. Я знаю, что это не «просто так», только не пойму, в чем дело.

Сегодня – 14 месяцев (нет, завтра) с того дня, как я получила ответ на свое заявление, гласящий, что наше дело пересматривается. Это, конечно, было ложью, потому что невозможно 14 месяцев пересматривать и ничего не высмотреть. Вот по этому-то поводу я и боюсь поссориться с Дю (пока).

Я прочла «Охотник» Джеймса Олдриджа. Ничего. Перечла рассказы Ал. Толстого – их все-таки всегда можно

перечитывать, а теперь взяла школьные книжки: «История древней Греции» и «История древнего Востока». Очень хочу поговорить с тобой об Индии, а о чем, спрашивается, не хочу?

Получила из Красноярска второе письмо от женщины (аккордеонистки), с которой проработала здесь вместе 2 года. Там я смогла бы устроиться неплохо, она всегда поможет, но я начинаю иногда думать, что пока еще довольно долго проторчала на месте. Ну, мой милый, не расстраивайся из-за моего скучного письма, это просто дождик на улице.

Привет от девочки и от нас обеих.

Твой Листик, зеленый и злой

15

13 июня 1955

Мой хороший!

Вчера вечером кончилось трехдневное свидание с мамой и Дюканушкой. Волновалась я страшно, потому что чувствовала, что мне не удастся продержаться с таким «форсом», как в прошлом году. Это и не удалось, но может быть, так и лучше.

Они приехали в пятницу утром, около половины одиннадцатого мы уже были вместе и пробыли втроем пятницу, субботу и воскресенье, расставаясь только на ночь. Сегодня утром они уехали и сейчас уже едут в Москву в мягком вагоне.

Конечно, мы все очень переволновались и устали, но рада я так, как ты можешь себе представить, мой бедный, милый, всегда для меня маленький мальчик.

Дополнительная радость заключалась в том, что я выпросила разрешение зайти к нам ненадолго моей маленькой. Она пришла, такая «хорошая девочка» в белой кофточке, спрятав за спину замурзанные лапки, очень хорошо держалась, а потом ходила совершенно перевернутая – сам знаешь, как Дюканушка, даже и очень постаревший, выглядит, каким настоящим человеком от него веет.

Знаешь, он стал мягче, чем был, да и Мумик – тоже. Очень только страшно, что характер у нее такой же тяжелый, как был, и ему, бедненькому, страшно трудно. Не знаю, кто в кого больше вцепился – я в него или он в меня.

Теперь, мой хороший, о деле. Сейчас надо подождать, а если через некоторое время все еще не будет результата или будет плохой (это возможно) – надо писать опять, причем уже прямо в секретариат Булганина. Я тебе напишу, если это будет нужно сделать. Меня тревожит одно, мой хороший: что ты пишешь? Вернее – как. Нужно писать о юридически несостоятельных сторонах следствия и приговора и о незаконных методах, которыми эту галиматью от нас получили, а я боюсь, что, пробыв столько лет там, где ты находишься, и имея природную склонность к этому, ты вдаешься в психологию, в лирику, в «достоевщину»... Не сердись, если я бестолково выразилась, пойми и напиши: если ты не можешь писать «по-деловому» – лучше не пиши, я буду писать.

Мой хороший, тебе бабочка, которую ты выпускал¹, напомнила Филипповское? Мой милый, родной Зай. Я знаю, что ты мне будешь писать в июле.

Напиши подробно и толком, чем болел так долго в 48 году и что было теперь – микроинфаркт или спазм сосудов сердца?

Привет от девочки. Жаль, что Му не хочет посылать тебе ее фотографию, ну, потом...

Целую, Солнышко.

¹ Д.А. пытался выпустить из камеры залетевшую бабочку, за что был посажен в карцер; см. об этом: СС, 4, 505–507.

16

<?> июля 1955

Родной мой!

Я сегодня была целый день в поле и в лесу, и завтра будет то же самое!

Устала ужасно, потому что была не на прогулке, но все-таки было чудесно.

Лес такой, как под Москвой, зеленый, шумящий, мы долго через него шли. Много бабочек – коричневых с белым, синих в белый горошек и голубых. Поле – на пригорке, и видны лесистые дали. Домой я пришла с букетом иван-чая и медуницы – помнишь? Как глупо спрашивать! Мой хороший, мне очень больно писать тебе это, но так хочется рассказать!.. Вообще эта экскурсия – случайность, но такие случайности будут этим летом время от времени (боюсь даже, что чаще, чем хочется).

Ну вот, милый, все я тебе пишу какие-то экспромты вместо планомерного ответа на твое письмо. Очень жду следующего письма – после свидания. По-моему, оно уже должно быть, я начинаю волноваться.

Мой хороший, я боюсь, что обижала тебя в своих письмах тем, что писала о стихах и о твоих заявлениях по поводу дела. Заинька, не обижайся, родной, я так люблю стихи, что хочу, чтобы твои были самые чудесные. А что касается дела – если удастся увидаться – поговорим. Ты понимаешь, что в той жизни, какую ты ведешь, ты не мог не потерять чувства реальности (как это называет Дюканушка, пожалуй, совершенно правильно). Пойми, что чувство реальности – это совсем не то чувство ритма и подлинности, каким ты обладаешь в очень большой мере.

Я не жалею ни об одном прожитом здесь дне, но с меня просто всего этого достаточно. Я знаю, что душевных сил и у меня, и у тебя еще много, физических – очень мало, но жить все-таки еще смогли бы очень интересно. Я знаю все, чего не будет в нашей жизни (и не было), только надеюсь, что я теперь была бы лучше и умнее в своих реакциях. Хотя многое в моей жизни я делала не так, как надо, из-за подземных ключей в своей душе, бьющих неожиданно на поверхность.

Знаешь, милый, не письмо, а Бог знает что такое!

Сейчас прибежит с работы на 15 минут маленькая – поест немножко, потом уйдет на ночь, вернется в 2 часа, на минутку меня разбудит, а утром я опять пойду по лесу. Очень только хочу твоего письма! Целую, милый, родной.

Твой Листик

Не забудь передавать привет Джони, она очень радуется.

17

17 июля 1955

Родной мой!

Сегодня воскресенье, которое не удалось очень хорошо провести: весь день лодырничали и гуляли, любовались удивительными маками, которых не только я никогда и нигде не видела, но их и не может быть в других условиях: на маленьком участке земли много маков нескольких сортов так друг с другом перескрещивались в течение нескольких лет, что получились совершенно удивительные комбинации.

Сейчас моя маленькая гладит мне юбку на соседнем столе и играет с котятками. Наша кошка родила двух малышей (сейчас им полтора месяца), которые нас целыми днями веселят: смешные, хорошенькие, с очень разными характерами, вытворяют всякие фокусы.

С маленькой мы пока вместе, и все притихло, но различные переброски – это наша специфика, никогда нельзя жить спокойно.

На этой неделе, вероятно, уедет одна женщина из нашей крошечной компании – уедет в больницу, у нее скоро будет маленький. Бедный этот цыпленок появляется на свет уж таким незаконным, что дальше некуда, но для его матери это будет большое счастье, а мне, как ни странно, как-то было тепло и хорошо эти месяцы оттого, что рядом затепливалась маленькая лампа-жизнь.

Малышка кончила гладить и уткнула нос в «Дворянское гнездо», а котятки дерутся рядом с ней. Она читает, как ребенок, так, что ничего кругом не видит и не слышит. Сегодня нам удалось как-то удивительно хорошо провести день – обычно в выходной мы обалдеваем от количества болтовни и людей, а сегодня много говорили вдвоем, даже на солнышке повалялись. Я рассказывала о некоторых людях – тех, которых я любила, об Олеге, Леониде, Фео-

ровиче> – ей интересно, так же как мне интересны люди, с которыми она жила, – я таких никогда не видала.

Солнышко мое, что меня очень тревожит, это отсутствие твоего письма – ведь уже совсем пора!

Ну, вот, хороший мой, спокойной ночи. Привет от Джони. Привет твоему другу, если он с тобой!

Пиши, мой Заинька, когда сможешь.

Господь с тобой, дорогой, целую тебя.

Алла

Я скоро перепишу Бишины стихи¹, только поменьше реагируй.

¹ Речь идет о стихах А.В. Коваленского, опубликованных в лагерной многотиражке «За отличный труд».

18

27 июля 1955

Хороший мой!

Так от тебя письма и не было в июле. Не знаю, чем это объяснить, и, конечно, беспокойна. Если все будет благополучно, Му на этих днях должна тебя увидеть, и тогда она мне напишет. А пока я ничего не понимаю – не мог же ты мне не написать после свидания с ней и после стольких моих писем!

В прошедшее воскресенье (24 VII) мы ездили туда же, где были зимой, и выступали опять в концерте. На этот раз все было не так парадно и интересно. Шура находится там, болеет, лежит в больнице. Знаешь, милый, может быть, тебе нужно написать ей? В августе я прошу тебя написать мне, я слишком волнуюсь. Я написала тебе многое, на что мне очень нужен твой ответ, но в сентябре я уступаю свою очередь твоей сестре.

Ведь ты имеешь право писать ей? Ее адрес отличается от моего только дробью: у меня дробь – 1, у нее – 6. Кстати, у Биши – 8. Мы не знаем, как сложатся наши судьбы в дальнейшем, а тебя всю жизнь будут мучить отношения с ними, да и быть иначе не может. Может быть, лучше, если ты сам им напишешь все, что можешь.

Я передала ей немножко денег, к сожалению, очень мало, и рассказала все, что могла, о деле. Я говорила с врачом, который ее лечит. Она переписывается с Бишей. С актацией какая-то ерунда. Сначала ее активировали, а потом что-то отменили. Я думаю, что суд не освободил из-за 8 пункта, но это – моё предположение.

Галина активирована и освобождена судом, но когда фактически освободится – неизвестно. Она передавала мне привет и впервые спрашивала о тебе. Сейчас она и, очевидно, Саша будут знать о нас все, потому что туда поехала моя подруга, которая должна родить. Никакое письмо не скажет столько, сколько эта милая женщина, пробывшая со мной близко уже года два. Я просила ее сказать твой адрес. У моих какое-то радужное настроение по поводу дела. Я этого совершенно не разделяю и боюсь, что им придется горько разочароваться. Они какие-то большие дети, верящие в порядок и справедливость. У меня неважное настроение, потому что опять намечается опасность разлуки с маленькой и много мелких неприятностей от окружающих подлых людей, но это ерунда. Скоро напишу, Заинька, и страшно жду письма и волнуюсь.

А.

19

4 августа 1955

Зай, мой хороший, что с тобой?

Я как-то сравнительно спокойно ждала письма все время и вдруг теперь, когда для июльского письма уже поздно, а для августовского – рано, стала страшно волноваться о тебе. И от волнения сама перестала писать.

У меня ничего нового. Был маленький концерт, читала «Письмо Татьяны». Все это не имеет смысла в такой недоброжелательной толкучке, как здесь. Я ведь всегда и везде белая ворона. Милый, я тебе столько написала всякого, я ничем не обидела тебя? Ужасно глупо это все спрашивать, но я как-то так встревожена, что уже не знаю, что писать. В конце июля мама собиралась к тебе, сейчас уже

4 августа, от них тоже нет ни строчки, не знаю, ездила ли, видала ли, ничего не знаю.

Солнышко мое, даже эту чепуху я писала, кажется, три дня. Лучше я перестану, пошлю эти несколько строчек, чтобы ты знал, что со мной ничего не случилось, и напишу, когда что-нибудь прояснится. У меня какое-то ощущение, что тебя нет на прежнем месте. Напишу очень скоро, родной.

Листик

20

13 августа 1955

Мой хороший!

Ну, так и быть, напишу о здоровье; хотя очень скучная тема.

В хороших условиях оно восстановимо. Нехорошо с сердцем, но до твоего состояния сердца мне еще лет 15. Мне кажется, что у меня не столько большое сердце, сколько больные нервы, а это не ново. И с сердцем, по-моему, просто очень сильный невроз. Желудок тоже теперь больной – хронический гастрит. Если есть возможность питаться хорошо, вкусно, разнообразно и внимательно, то все благополучно. В этом году такая возможность есть, если не считать неисправимого характера: как дети объелись сначала земляники, а потом малины. Джони еще пицала и пыталась остановиться, а я ее заставила переест и заболеть и сама заболела (помнишь Филипповское?).

Конечно, очень плохо с нервами, но было бы странно, если б было иначе. Видишь ли, жизнь здесь очень сложна, в каких-то сторонах даже труднее, чем у тебя. Не думай, что я преуменьшаю что-нибудь, что тебя касается, отнюдь нет, но есть своя специфика во всем. Я, например, завишу в работе от очень противной бабы – она такая же, как я, но у нее неограниченные права и отвратительные человеческие качества. Понятно, что это треплет нервы. Никогда нет покоя и даже просто спокойной и регулярной работы. В этих условиях мои нервы могут только разбалтываться

дальше, но опять-таки в других – будет лучше. Ну, вот, я только очень прошу, чтобы на эти две страницы ты ответил не больше одной строчки, мне жаль места в твоём письме.

Лучше я тебе расскажу про огородик. Я стала совсем неплохо справляться с этим делом, и где-нибудь это еще может пригодиться. У нас еще до сих пор есть салат, много укропа, моркови, свеклы, появились уже свои огурцы, а по помидорам я просто специалист. Это занятие мне страшно нравится, и мы с Джони иногда мечтаем о том, что где-нибудь в Сибири, на берегу большой реки выстроим маленький домик (она работала на Севере на строительстве), разведем огород, возьмем тебя к себе в дети и еще заведем большую собаку, которая будет обучена бросаться на женщин.

Я бы хотела написать тебе что-нибудь хорошее о своем художественном чтении, но, к сожалению, не могу. Одно меня успокаивает: буквально несколько дней упражнения восстанавливают у меня то, что я умею, но сейчас я пока не занимаюсь. Это трудно написать – почему, не относись к этому трагически, будет время – опять займусь. Вот сегодня твоего Теленочка¹ пробовала читать, и он у меня, кажется, пойдет (до сих пор из твоих вещей «получался» один Гумилев²). Кстати, Теленочек пользуется огромным успехом.

Еще из новых вещей сделала маленькую «Застольную» Бернса. Очень хочу размахнуться на «Аустерлиц», но трушу. Очень трудно без крепкой поддержки, я устала воевать, мне бы поучиться!

Слушай, Зай, ну хоть профессию твоего друга! Джони прибежала ужинать, машет лапкой, шлет привет.

Целую, милая темноголовенькая птичка.

¹ Речь идет о стихотворении Д.А. «Ватсалья» (1955).

² «Гумилев» («...Ах, зачем эти странные сны...»; 1935) – стихотворение Д.А. из цикла «Крест поэта».

21

25 августа 1955

Золотой мой Зай!

Вчера у нас был праздник: нашелся отец Джони, которого почти невозможно было считать живым. Т. е. пока нашелся еще не он, а только его адрес, официально присланный, и сегодня уже все кажется нереальным, но может быть, теперь придет и письмо, и мой рыжий цыпленок уже не будет таким одиноким на свете. Кстати, адрес оказался – там, где была Таня Волкова¹, я ведь тебе писала, что она сейчас уже должна быть на свободе.

Вчера мы размечтались о том, что на целинные земли поедем теперь уже вчетвером, а сегодня лезут в голову все могущие произойти недоразумения и несчастья. Но если он действительно жив, как бы я хотела и как бы тебе было нужно с ним познакомиться!

В остальном у нас – затишье. Висят на ветках зеленые помидоры, отцветают цветы. Между прочим, я тут впервые увидела очень хороший цветок, который называется космос. Это осенний цветок, он растет большим кустом с ажурными листьями, над которым на тонких стеблях поднимаются четкие восьмилепестковые цветы. Они бывают белые, розовые и свекольно-красные.

Еще у нас на огороде штук 10 подсолнухов. Я не обрываю им головок, как полагается, и они растут целыми букетами. На днях состоится «преьера» пьесы, в которой я не участвую. Первый раз отказалась играть на сцене – у режиссерши невозможный характер, у меня больше не хватает нервов на всякие передраги, – и немножко боюсь, что пожалею, когда пойду на спектакль. Между прочим, я утвердилась в своем давнишнем заключении о том, что нет плохих характеров, а есть люди с плохими человеческими качествами, т.е. плохие люди. Мне по-прежнему ни на что не хватает времени, читаю какую-то «Повесть о Шалапине» какого-то Розенфельда, ничего, лучше, чем можно ждать. За «Аустерлиц» все боюсь взяться и очень хочу сидеть и вязать. Работать устала, страшно устала, но с этим ничего не поделаешь, ты уж, пожалуйста, не волнуйся по

этому поводу, когда увидимся и будем говорить – поймешь. «Каменного гостя» придется, очевидно, двигать только по воскресеньям. К вечеру я способна только на вязку, если буду писать через силу – испорчу.

Знаешь, Зай, кого я страшно хочу перечитать? Ницше.

Очень хочу. Ну, об этом – в следующем письме, мой хороший. Привет твоему другу. Напиши мне имя друга Олега¹.

Целую, родной, привет от маленькой.

Листик

¹ Татьяна Николаевна Волкова (урожд. Муравьева; 1905–1997), литературовед; осуждена по делу Д.А., срок отбывала в Инте.

² Олег – герой «Странников ночи», поэт; здесь подразумевается сам Д.А.

22

3 сентября 1955

Солнышко мое!

Опять тебе долго не писала, мой хороший, – захлебнулась работой. Шла та самая пьеса, в которой я не участвовала, и мне надо было помогать. О неучастии в этой пьесе не жалею, но вообще не знаю, что делать: и хочется на сцену, и режиссерша отвратительная баба, и мужские роли играть не хочется, и вообще ничего не пойму. Очень трудно без атмосферы, я это тебе уже писала.

Кстати, по поводу моего исполнения роли Платона Кречета была написана очень остроумная (и исчерпывающе верная) эпиграмма. Вот она:

Прекрасен он. Он худ и бледен.
Он – Китс, он – Шелли, он – Байрон?
Он – лорд? милорды и милэди?
– Да нет, он – машиниста сын, Платон.

Все ясно, правда?

Видишь ли, мой родной, во всем мне мешает возраст. Может быть, моя внешность и не так уж плоха в качестве внешнего итога довольно длинного жизненного пути, но ведь не это важно. Для актрисы внешность – материал, та-

кой же, как голос, как краски и кисти для художника, как для тебя – слова. С моим лицом скоро я ничего не смогу играть, кроме «благородных старух», а мне это неинтересно – у меня внутри нет для этого данных.

Ну, знаешь, дорогой, я, когда сажусь писать тебе, всегда хочу написать Бишины стихи, а потом мне остановиться жаль, и я все болтаю и болтаю. Так вот, пишу: это было напечатано у нас в газете¹.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИСТЕРУ ДАЛЛЕСУ

Да, мы за мир. Нам ненавистны войны.
Мы бережем покой своей земли, –
И цели нет прекрасней и достойней:
Не разрушать, а строить мы пришли.
У нас уран – источник мирной силы,
Уже дающий нам свой щедрый плод, –
У вас – орудье страха и могилы,
Порабощенья дьявольский оплот.
Но воевать СССР умеет,
Военной славой он недаром горд, –
И вряд ли Запад позабыть посмеет,
Кто спас его от зачумленных орд.
Так если вам – в припадке буйной злобы –
Удастся вновь орду погнать на нас,
Смотрите, как бы ваши небоскребы
Не стали пылью в тот же самый час...
Но не хотим мы этой бойни страшной, –
Не для убийств
В мартенах варим сталь,
Не для костей
Распахиваем пашни, –
Мы любим жизнь – и разрушать нам жаль.
Но, сэр, поймите: мы не вас жалеем,
Людей нам жаль, простых людей труда,
Сокровища искусства по музеям,
Сады, поля, заводы, города.
И много ль вы – давайте подсчитаем –
Наймитов сыщете в наш славный век?
А сколько нас, вы знаете, с Китаем...
Нас девятьсот миллионов человек.
Удвойте счет, прибавив тех, которым
Не прибыль, а беду несет война,
Которые сейчас согласным хором
Под свитком мира ставят имена.

И знайте: не владыки монополий,
Не миллиардеров обреченный класс –
Теперь судьбу решит иная воля:
Мир – дело рук самих народных масс.
Ведь есть еще уран другого рода, –
Его храним мы бережно в Кремле:
Союз великой дружбы всех народов,
И братство всех, и мир на всей земле.

Второе напишу потом.

Мои собираются опять ко мне, но явно надеются и на наш приезд. Я этого очень боюсь – т.е. не встречи, а того, что они так ее ждут, боюсь, что им очень будет тяжело опять разочароваться. От Джониного отца ничего нет, и я страшно волнуюсь: вдруг это не его адрес прислали, а другого человека с такой же фамилией.

Зай, мне просто совершенно необходимо быть с тобой, я просто перезабыть боюсь многое!

Я сейчас сижу одна, вечер, девочка на работе, в 9 ч. она прибежит поужинать, поэтому я зайцем затопила печку. Чернушка скачет по полу, я сначала не поняла, почему она в таком восторге, а сейчас увидела, что она украла мое вязанье и вытащила из него спицу. Чернушка, это бесенок, сидящий у меня на руках на фотографии, вложенной в это письмо. Целую, любимый, не расстраивайся, не надо.

Листик

Я очень рада, что Галя Р<усакова>² жива. Почему Наташа в Кишиневе – не знаю и опять-таки не хочу знать: могла найти меня и написать. Старшие товарищи Одоевского³ сделали глупостей больше, чем мы с тобой, но там все друг друга сумели понять. Это – разница человеческих масштабов, которой я не имею оснований не видеть. Думаю, что дальше нам с тобой уже нужно говорить.

Я лучше немножко напишу будничного, о своей жизни. Сегодня утром ходили копать картошку. Чудесный лес, березы, осинки, всякая мелочь, совсем разного цвета – от темно-зеленого до ярко-желтого. Удивительный покой и тонкая красота солнечной осени, которую я так люблю. Немножко устала, но больше проветрилась. Сейчас выдались очень спокойные несколько часов. Джони

вяжет – мы готовимся к зиме, я сейчас буду переписывать роль в маленьком эстрадном отрывке, за судьбу которого беспокоюсь: не знаю, поладим ли мы все с полоумной режиссершей. Смотрели в кино «Укротительницу тигров» – очень милая вещь. Солнышко мое, я не надеюсь на то, что когда-нибудь увижу хоть одну из своих прежних вещей. Я думаю, что «Гамлет»⁴ погиб, потому что он мало пригоден для украшения квартир типов вроде Леонова и прочих. Что касается леса и всего остального – думаю, что сгорели, как и стихи Олега⁵. А как же иначе?

Родной, любимый, надо кончать? Привет от маленькой и от нас обеих – вам. Целую, хороший.

Листик

¹ Стихотворение А.В. Коваленского, опубликованное в лагерной газете «За отличный труд» 13 апреля 1955 г.

² Русакова Галина Сергеевна – одноклассница Д.А.

³ Имеется в виду поэт-декабрист Александр Иванович Одоевский (1802–1839).

⁴ Речь идет об эскизах декораций к «Гамлету» В. Шекспира, над которыми до ареста работала А.А.

⁵ Т.е. стихи Д.А., уничтоженные на Лубянке.

23

3 сентября 1955

Родной мой!

Кругом разворачивается такой массовый психоз, что у меня уже ни голова, ни нервы не выдерживают. Все едут, не едут, куда едут, когда едут, почему не едут и т. д. С 7 ч. утра ко мне (именно ко мне, никуда не едушей) один за другим входят все, кто может, рассказывают свою жизнь и спрашивают, под какие пункты они подходят. Не думай, что это я лично пользуюсь таким доверием и авторитетом! – Нет! Они ходят целыми днями от человека к человеку, всех рангов и положений, и всех спрашивают об одном и том же.

Завтра уже начинают уезжать, и у нас должен был состояться концерт – на прощанье. По целому ряду причин это не получится. Виноваты не мы, но может так случиться-

ся, что окажусь, в частности, я. Ну, и ладно, у меня все равно ни на что больше сил не хватает.

Твои письма всегда датированы 2 и 3 числом месяца. Может быть, сегодня ты мне пишешь письмо, которое мне так нужно, а я тебе пишу эту чепуху, потому что просто обалдела от этой безумной жизни.

Жаль только, если в твоём письме будет много о наших отношениях с родными, а это может быть, потому что я сама без конца возвращаюсь к этой теме. Мы вряд ли договоримся по этому вопросу даже потом, а в письмах нечего и пытаться.

Я так устала, что сейчас не включаю радио, хотя слышу издали, что кто-то что-то читает. В таких случаях я всегда бросаюсь под репродуктор – учиться, – но сейчас не могу слышать никакого звука. Хорошо, что ночь и уже тихо.

Мои должны приехать на этих днях, если, конечно, ничего не случится. Я боюсь этого свидания, потому что не могу больше пускать пыль в глаза и боюсь поссориться с ними: по своей какой-то неуместной совершенно корректности. Дю, конечно, ничего не добился в Прокуратуре, а я больше не могу терпеть ни этой волокиты, ни его корректности, ни маминой конспирации – ничего не пишет в письмах, кроме московской погоды.

Зайка мой хороший, не обижайся на отвратительное письмо и не огорчайся им: пройдет несколько дней, и все будет хорошо. Я решила, что лучше уж так написать, чем молчать.

Целую тебя, мой милый. Привет от Джони, она такой хороший, трогательный, теплый огонечек около меня. Сегодня утром спала, держа меня за руку маленькой, теплой лапкой. Только она тоже очень усталая и нервная.

Спокойной ночи, мой дорогой маленький Зай.

24

4 сентября 1955

Родной Зай!

Это – мы: я, Джони и Чернуха, которую очень плохо видно – она сидит у нас на коленях.

Мы машем вам лапками – двумя грязными и одной черной – и очень жалеем, что не можем от вас получить такой же привет.

Сегодня получила телеграмму – 11-го мои приедут. Постараюсь «науськать» Дюканушку хорошенько на всякие присутственные места, потому что мне надоело такое расположение шахматных фигур в нашей жизни: Космос космосом, а я хочу с тобой разговаривать.

Большой, большой, большой привет от Джони.

Я сегодня еще не очень устала и не издергалась: все друг друга провожают и не успевают теребить мне нервы – это видно по письму, правда?

До свиданья, дорогой, крепко целую.

Листик

На второй фотографии Чернуха тоже плохо видна, но ты с ней уже знаком по той, которую я послала довольно давно. Как жаль, что я не скоро узнаю, как тебе понравились эти два снимка?

Даник, родной, я очень скучаю, мне все кругом надоело!

Целую моего хорошего.

25

15 сентября 1955

Вот, Заинька, продолжаю¹.

Очень странно, что у человека в моих условиях может образоваться что-то вроде дома. Три дня меня не было, за это время загуляла и едва нашлась кастрюлька, Джони бродила с печальными глазками и тихо скулила, захирел японский гриб в банке, очевидно, заразилась чумой кошка, куда-то запропастились два журнала, и даже тетка Калина заболела, мает дуже велику тэмпературу, в нії болить нога і уся вона слаба та негодна.

Знаешь, Зай, я теперь тебе сразу напишу, чем меня мои взволновали относительно тебя. Кое-что мне рассказали о твоём способе писать заявления. Мой хороший, мне кажется (т.е. я уверена), что так высказываться имело бы

смысл на самом верху, а ведь то, что мы пишем, доходит едва только до самых маленьких секретарей. Стоит ли сражаться с ветряными мельницами?

Сейчас была целая история: Джони чинила нашу с ней купленную из баловства и каприза авторучку. Замечалась ли разница в почерке?

А второе, что меня напугало, это относительно Олега, вернее, его друга². Почему товарищи их так плохо относятся к этому другу? Я знаю, что такие вещи бывают и очень несправедливыми, но все-таки – в чем дело?

Когда увидимся, я расскажу тебе все, что я переняла из области ошибок в друзьях, – никому этого не пожелаю.

Если они правы, то сочетание моих двух тревог должно быть тебе понятно. Не мешает ли это частично переосмотреть? Если что-нибудь понял – думай сам и решай, как знаешь, только все-таки поумнее.

Большое впечатление на меня произвело сообщение о месте работы Димы – ООН². Я забыла, писала ли я тебе, что написала Гале Р<усаковой>.

Представь себе, что казавшийся тебе маловероятным вариант относительно Джониного отца оказался справедливым: это не он, а человек с его именем, отчеством и фамилией. Очевидно, он погиб.

Я согласна с тобой относительно начала Бишиного заболевания и относительно того, что это действительно трагично и, боюсь, безнадежно. Вообще жизнь готовит тебе много ударов, и я часто думаю, а с Дюканушкой мы много говорили о том, что тебе будет очень трудно начинать жить, когда придется. Ну, Господь милостив, как-нибудь будем справляться, я очень уже рвусь отсюда, мне кажется, что я уже выучила все, что было можно, в этой страшной школе, если еще что-нибудь придется, это уже лишнее.

Привет от Джони, привет от нас твоему другу, дай Бог, чтобы ты был прав относительно него.

Целую моего Заиньку маленького.

Листик

¹ Очевидно, продолжение письма от 11 сентября 1955, которое см.: СС, 4, 333–334.

² Речь идет о брате Д.А., Вадиме Леонидовиче Андрееве (1902–1976), поэте и прозаике, с 1949 г. работавшем сотрудником издательского отдела ООН в Нью-Йорке.

26

21 сентября 1955

Солнышко мое!

Опять вместо Бишиных стихов мое письмо! Интересно, явилась ли для тебя амнистия неожиданностью и не кажется ли она твоего друга?

Я первый раз по-настоящему рада, вернее, почувствовала реальную, а не потустороннюю основу всего, что предчувствуется. Ты, конечно, на эту фразу рассердишься, но обо всем этом будем говорить.

Не знаю, надолго ли такое настроение, но сейчас у нас очень весело, и многие из нас с радостью согласны выходить отсюда последними, закрывая ворота, лишь бы люди шли и дальше так, как идут сейчас.

Письмо это будет очень нескладным, потому что я нездорова и очень устала: перед амнистией, в воскресенье, мы ездили на другой поселок показывать пьесу. Это было очень трудное путешествие. Там, кстати, я видела Ирину. Тамара Аркадьевна¹ еще раз была у нее, – живет в Тбилиси, работает консультантом в Музее в отделе русской живописи (если я не путаю). Ирина недавно видела Г<алину> Ю<рьевну> и Сашу. Говорят, что Саша плох. Болезнь, по которой активировали Г<алину> Ю<рьевну> – тромбоз флебит, у нее очень болит нога. Более толково говорить не удалось, потому что мне с ней это никогда не удастся. Но об этом тоже придется разговаривать при встрече, потому что ты опять заподозришь меня в слишком пристрастном, женском отношении к людям и событиям, а меня это обижает, потому что это совсем неправда.

Лично у меня ничего нового, кроме того, что, очевидно, мои скоро приедут. Пожалуй, это будет лучше, потому что мама замучила меня таинственными недоговорками в письмах. Причем она конспиративно намекает на вещи,

которые все люди кругом громко говорят и чуть ли не в газетах читают, такой она трусик.

Ужасно меня тревожит молчание Джониного отца. Если он не получил ее писем – еще полбеды, беда, если все было ошибкой, и безобразие, если он не отвечает по причинам, по которым мне может не ответить Ал<ександр> Викт<орович> (это – выдвинутый ей вариант). Мне трудно поверить, что умный и дельный мужчина может так валять дурака, но ведь всяко бывает...

Солнышко мое, я пока кончаю письмо, потому что я очень слабенькая.

Целую моего Заиньку, привет от Рыженькой.

Вчера был день ее рождения, я ей вышила лисенка и бело-зеленую ворону с тонким носом.

Твой Листик

¹ Тамара Аркадьевна Арманд (урожд. Сапарова), мать И.Л. Арманд.

27

28 сентября 1955

Хороший мой Заинька!

Вчера я опять уезжала, была в нашей микростолице.

Видала так называемых культурработников из многих наших точек. Видала человека, очень приятного пожилого московского интеллигента, близкого Саше, живущего с ним. Я ему рассказала, что могла, о тебе и о деле и послала такую вот страничку. Я сказала Саше, что тебя очень мучает то, что ты называешь своей виной перед ними и особенно перед ним. Что, если он может и хочет, пусть тебе напишет. Товарищи Ивановского¹ попросили меня передать ему что-нибудь ободряющее, потому что он совершенно морально распадается. Он, правда, уже 8 лет назад делал то же самое, но я все же передала несколько слов. Читала его, неважные очень, стихи и смотрела примерно такие же акварели. Самое страшное, когда у человека нет сил оторваться внутренне от потерянной жизни и он годы

живет призраками былого. Акварели – Абрамцевский дом, родные места (нечто вроде Тарусы), стихи такие же.

Я не знала, что жена Иван<овского> разделила нашу судьбу. Мне сказали, что она держится лучше его.

Мне все равно придется сказать тебе тяжелую вещь: умер Сережа Матвеев². Отказался от операции язвы, потом было обострение, и его не довезли до больницы. Говорят, что временами у него было нечто вроде припадков мании преследования. Я о его смерти знала, но не верила, потому что у нас ужасно врут, но вчера я убедилась в этом.

У нас ничего нового. Очень тяжело одно: про Джоининога отца все была неправда. Опять у нее на всем свете только я, и опять приходится думать, что вряд ли он жив.

Мои рвутся ехать сюда. Не понимаю, почему мама не едет к тебе, но очень прошу тебя – в октябре напиши письмо мне. Она у меня будет дней через 10, и я все выясню. Она сможет приехать в октябре, если ничего экстренного не произойдет, а мне очень нужно твое письмо, мой родной. Я очень скучаю без тебя. Просто скучаю, мне очень нужно говорить с тобой, быть с тобой много, я уже совершенно не укладываюсь в письма.

Да, забыла написать: опять потеряла Бишу и Шуру. Они куда-то переехали (все тут же), но ты не беспокойся, и письмо твое, и деньги должны Шуру найти. Я не знаю, чего их без конца перевозят, никто столько не катается.

Привет от Джони и от нас обеих – твоему другу.

Крепко целую.

Листик

¹ Ивановский Александр Михайлович (1905–?), художник; осужден по делу Д.А.

² Матвеев Сергей Николаевич (1893–1955), географ; осужден по делу Д.А.

28

10 октября 1955

Заинька мой ненаглядный!

Очень ждала сегодня твоего письма, но его не было.

Так мне и надо: от тебя жду, а тебе, бедненькому, ничего не пишу. Не сердись на меня, родной, серьезного ничего у меня не случилось и не случится, а мелких неприятностей очень много, и эти мелочи ужасно дергают нервы. Все из-за этой мерзкой бабы, которая мной командует. Несколько дней было таких, что совершенно не могла взять себя в руки хоть настолько, чтобы написать тебе, сегодня наконец устала нервничать.

Концерт прошел, комическую мужскую роль я сыграла, теперь уже готовимся к 7 ноября. Работы – выше головы, силенок мало, но это старая песенка.

Запуталась с мамиными планами: сначала была телеграмма, что приезжают 11-го, т. е. завтра, а больше ничего нет, так что с завтрашнего дня начинаю волноваться еще и по этому поводу. Этой встречи вообще боюсь, потому что или они привезут плохие новости, или – никаких, и если так, то я разбушуюсь и не знаю, что из этого выйдет. Жалко мне их очень и жалко приставать к ним с новыми тяжелыми хлопотами, но они слишком корректно держатся, так в жизни нельзя. Надо как в московском трамвае – людей не сшибать, но пробираться очень энергично.

Работа моя над эскизами, конечно, остановилась. В голове очень много, но нет возможности воплотить то, что там бродит.

Не успела к приезду наших приготовить подарки вам всем, не успела больше всего потому, что надеялась все время, что этот приезд не понадобится, как себя ни уговариваю не думать, а так уже устала от бабьей сутолоки и от непроходимой работы, что все-таки очень хочу куда-нибудь выкарабкаться отсюда – в тайгу, в степь, на северный полюс, только чтобы поменьше людей и конура, которую можно закрыть на замок и не пускать никого чужих.

Я еще потому пишу тебе плохие письма, что все время выбрасываю из головы всякие актерские мысли: стара,

в театре все равно не быть, а они лезут и лезут. Как ненавидела старость, так и ненавижу – я хочу учиться, а меня никто не возьмет, я по душевному состоянию могу играть Снегурочку и никогда ничего по-настоящему не сыграю, и все только из-за возраста.

До свиданья, мое Солнышко, привет от маленькой сестрички. Целую моего хорошего.

Листик

Как тебе нравится эта фотография?

29

15 октября 1955

Золотой мой Зайчушенька!

11-го утром приехали мои, были у меня трое суток (вернее, я жила с ними). А 12-го вечером они вошли туда, где я живу, были в комнате, где я работаю, и мы вместе были в кино в нашем клубе, смотрели «Попрыгунью» – кстати, чудесную картину. 12-го же пришло твое письмо со стихотворением, которое я прочту еще 50 раз, прежде чем говорить о нем что-либо, кроме того, что оно формально великолепно. Впечатление от свидания чудесное, о пересмотре Му¹ тебе сама расскажет (дело пересмотрено трижды и сейчас находится в ожидании возвращения Главного прокурора из отпуска). Сейчас быстро пробежусь по твоему письму, а потом – детали.

Совпадение твоего пути с Леон<идом> Фед<оровичем>² – поразительно, но, когда увидимся, я тебе насчет района Якиманки расскажу вещи, может быть, еще более поразительные.

Мама несколько раз была у Анны Сергеевны³ – моих работ там нет, она бы знала. А знаешь, мне как-то совсем не жалко – Господь с ними, будет жизнь, будут и работы.

На «мучительную» тему пока два слова: Сережа в Караганде, освобожден по актации, но в таком состоянии, что работает как художник, состоит в Союзе художников, сейчас расписывает вокзал. Был месяц в отпуске в Москве. Не зашел, не позвонил, не старался узнать ни о тебе, ни

обо мне. Наташа в Кишиневе и сейчас часто приезжает в Москву. Как видишь, не с Сергеем. Сведения – случайные, Дю встретился с Олегом у билетной кассы. Для меня на этом месте кончается мое знакомство с Сережей: человека, который мог приехать в Москву и ни тобой, ни мной не поинтересоваться, я знать не хочу.

Что касается Шуры, то она ведь могла и не получить твоего письма, точно так же, как Биша мог не получить моей открытки. Это не редкость. Насчет его стихов, милый мой, ведь я же сравниваю их со всем остальным, что печатается там же, вот у меня и выходит, что они хорошие.

Я только сегодня к вечеру пришла в нормальное состояние после свидания. Все было очень хорошо, но очень большое нервное напряжение, а потом реакция.

Начала письмо в начале вечера, а потом мы с малышкой убежали в кино, смотрели «Михайло Ломоносов», нам очень понравилось. Сейчас пришли из кино, никого нет, ребенок сидит рядом, машет тебе лапкой и читает «Тристана и Изольду». А наша Чернуха в мое отсутствие заболела и, кажется, подохнет. Сейчас спит одна на диване.

Целую, хороший, и сразу пишу еще письмо.

¹ Домашнее имя матери А.А., которая несколько раз навещала Д.А. во Владимирской тюрьме.

² Речь идет об изображенном в «Странниках ночи» аресте героя романа Л.Ф. Глинского, чей путь на Лубянку оказался точно тем же, каким затем везли арестованного Д.А.

³ Анна Сергеевна Ламакина (1908–1992), соседка Андреевых и Добровых.

30

27 октября 1955

Ненаглядный мой!

Боюсь, что с нашими порядками ты не получишь письмо до 2 ноября! Родной мой Заинька, помнишь, как всю жизнь день твоего рождения приходился на самое трудное по работе время? Не знаю, кончится ли это для меня когда-нибудь. Сейчас идет подготовка к концерту, и, как

всегда, на собрании, на котором решается вопрос о концерте, все кричат, разинув пасть, какой это должен быть концерт и как нужно приложить все силы, и всем, и дружно, и вместе, и разве мы не можем, и т. д. Потом надо прикладывать эти самые силы, и делаю это только я, да мой бедный малыш совсем летит с рыженьких лапок.

Это какая-то неисправимая глупая и неуместная черта характера – в человеческой жизни она, вероятно, называлась бы добросовестностью и чувством долга и ответственности, но здесь это ужасно глупо. И надо же так случиться, что у Джони – тот же характер! В результате мы с ней похожи на две швабры зеленого цвета, а на мордочках торчат одни носы – страшно длинный у меня и курносый у нее. Чтобы ты имел маленькое представление об объеме работы, скажу тебе, что только для одного концерта надо делать 16 гербов Республик, 16 костюмов (каждая Республика), 13 костюмов индейцев (это моя Lapsina – это по-латышски лисичка – затеяла ставить танец индейцев у костра), 8 – украинских, большого тигра, в которого влезают два человека, и это все – едва половина работы, которую нужно сделать.

Мой хороший, меня очень мучает то, что я написала тебе о «Навне»¹. Может быть, это моя женская голова не справляется с такими вещами, т.е. если ты хочешь, то думай так, только не сердись и не огорчайся. Я потом все-таки еще буду писать об этом и очень много думать, когда смогу думать.

Сейчас кроме «Красного и черного» (не разделяю Бишиной нелюбви к Стендалю), которого я не успела прочитать, лежит еще, тоже нечитаемый, мой обожаемый «Гайавата», очень забавно, что он подросел как раз к индейскому танцу.

Милый, дорогой мой, все-таки, несмотря на все, что я понимаю, как я хочу быть вместе! Целую тебя, мое Солнышко, поздравляю и очень прошу не огорчаться! Джони чинно кланяется, поздравляет и тоже очень хочет скорее увидеть. Привет твоему другу.

Твоя Алла

¹ «Навна» (1955) – поэма Д.А., глава восьмая поэтического ансамбля «Русские боги».

31

28 октября 1955¹

Родной мой, я еще на свете есть, хотя маленькая называет меня уже не balta Warņa (белая ворона) и не Zala Warņa (зеленая ворона), а просто – Варнячий хвостик. Ужасно боюсь, что у меня не получится тигр! Как бы я хотела показать тебе некоторые из костюмов, мой хороший!

Целую, Заинька, Lapsina шлет привет. Привет твоему другу.

Листик

¹ Открытка.

32

28 октября 1955¹

Заинька мой хороший!

Получила письма от Му и Дю, знаю, что Мама к тебе уже ездила. Я страшная нахалка: сама не пишу, а уже считаю дни, когда от тебя придет письмо. Сейчас пишу просто несколько слов, чтобы ты не волновался: тону в количестве работы, видна одна макушка, и то не очень.

Целую тебя, мое Солнышко, мой родной. Привет от девочки.

Листик

¹ Открытка.

33

31 октября 1955¹

Родной мой, индейцы близятся к концу, 16 республик тоже, одна азербайджанка лежит нескроенная да казашка

от лени пришила мало оборок на свое платье, но к тигру я еще не приступала, и это меня приводит в ужас.

Полностью готовы только четыре герба из 16, но их я сделаю, они все начаты, но тигр!..

И еще плохо то, что я даже толком наизусть не знаю, что должна читать (одно – произведение Джамбула, другое – Ахматовой, такое же). Джони плохо, скоро ее повезут в больницу на рентген. Она тебе шлет большой-большой привет.

Целую тебя, мой хороший.

Листик

¹ Открытка.

34

2 ноября 1955

Родной мой Даник!

Поздравляю тебя, мой хороший! Сейчас 7 ч. утра, очень ясное и холодное утро, я прибежала в мастерскую, чтобы написать тебе письмо раньше, чем начнется каждодневный кавардак. А во сне видела – твое письмо, вероятно, ты вчера написал или сегодня будешь писать.

Я хотела нарядиться, но из этого ничего не выйдет, вероятно, из-за холода и работы. Боюсь, что останусь так, как каждый день, и моя маленькая будет страшно кричать. Она просила тебя поздравить, когда я буду писать, а сейчас я удрала потихоньку, не разбудив ее.

Не удивляйся и не пугайся оттого, что у меня такие будничные и пустые письма: это все из-за огромного количества работы, которая высасывает все силы. Я утешаю себя всегда тем, что все равно, успею я или не успею, – 5-го генеральная репетиция, 7-го и 8-го концерт, и все кончится, как ни крути. На этот раз все страшно не готово, потому что было очень мало времени. Сегодня кроме гербов, из которых готово только 8, мне предстоит еще очень сложная задача: надо, чтобы девчонки, подчас рубенсовского сложения, выглядели в танце полуголыми индейцами. Мы сшили нечто вроде узких маек с рукавами из чулок, я это сооружение покрасила в совершенно нелепый цвет, и те-

перь надо разрисовать так, чтобы получился татуированный индеец. Их – 9 и еще 4 девочки в кофточках.

Я приобрела здесь большой опыт сочинения костюмов, но опыт оригинальный: не знаю, что я смогла бы сделать из настоящего материала, я привыкла делать все из тряпья и конфетных бумажек.

Так как все письмо, которое мне хотелось написать тебе в день твоего рождения, пронизано моими буднями, то скажу еще, что нашей Чернухи больше нет, она заболела очень распространенной здесь кошачьей болезнью – туберкулезом горла и кишечника, и во избежание лишних мучений для нее и опасности для нас пришлось ее ликвидировать.

Ну, вот, мой хороший, сейчас приведу себя хоть капельку в порядок, потому что села писать неумытая и непричесанная, и примусь за работу.

Целую тебя, мой ненаглядный, очень скучаю. Привет твоему другу.

Листик

Сейчас, пока мы снимали вторые рамы с чердака, появился заспанный, растрепанный малыш, зачихал сейчас руки в карманы комбинезона и устраивает мне сцену за то, что я рано встала. Тебе просит передать привет и поздравление.

35

9 ноября 1955

Зайнька мой родной!

Пишу тебе после концерта, и, представь себе, живая! Правда, вернее будет сказать – полуживая. Концерт прошел благополучно, костюмы я сделала хорошие, и наш с девочкой номер, наше детище, прошел совсем хорошо. «Индюшата» были одеты так: мальчики в длинных штанах из крашеной упаковочной марли с перьями из накрахмаленной марли от пояса до мокасин, сшитых из старых рваных белых одеял и обшитых тоже перьями. Половина были в красных штанах с зелеными перьями, половина в лиловых

с красными. Верхнюю половину тела мне удалось так затянуть в марлевые рубашки, крашенные под цвет индейской кожи, что они казались полуголыми. На руках были чулки с пальцами, на голове – сооружение из картона, все было облеплено серебряными бумажками от конфет, а на груди нарисована татуировка. Девочки были в белых юбках с перьями и в очень коротеньких кофточках, на руках – тоже чулки и темный чулок на животе между юбкой и кофточкой. На голове у них были черные чулки, сшитые как шапочка, а по длине разрезанные так, что получались длинные, черные не то пряди волос, не то косички.

И вот теперь из-за этого всего мы сидим и ссоримся с Джони. Она очень хорошо поставила этот танец и хочет еще что-то ставить, а я не пускаю. Если б ты видел сейчас нас обеих, ты пришел бы в ужас, я на нее просто не могу смотреть без страха и жалости, такая у нее стала мордочка. И каждый день температура. Очень нехорошо получается при таком несоответствии душевных и физических сил, как у нас с ней: внутри много, а здоровья никакого.

Не знаю, чем кончится наша ссора, сейчас ребенок сидит такой бедный, хмурый и надутый, что мне уже совсем жалко смотреть.

Родной мой Данюрочка, кончаю писать, потому что очень устала, надо идти спать. Целую тебя, мое Солнышко, малышка просит передать привет, она с горя вычистила брюки и пошла чистить зубы.

Милый, золотой Зайчушенька, я скоро напишу.

Листик

36

20 ноября 1955

Мой хороший!

А у нас опять кошка!

Просто горе – я совсем несентиментальна, не так уж люблю животных, а они на меня так и сыплются из всех углов! Вот и эту кошонку прямо взяли и принесли к нам. Она точно такого размера и возраста, как была Чернуха,

56

тоже черная, но с белой манишкой, в белых тапочках и перчатках и, самое смешное, – белые усы на черной морде. И круглые, как пришитые, глаза.

Кроме кошки у меня еще грипп, как всегда, обрушившийся с особой силой на мой длинный зеленый нос.

Джони теперь зовет меня Варнушка-больнушка и Варнушечка-больнушечка и нянчится со мной.

Ну, вот, Зай, чтобы больше тебя не обманывать, пишу тебе Бишкино первомайское стихотворение.

ПЕРВОЕ МАЯ¹

Радостным праздником Первого Мая,
К солнцу знамена побед поднимая,
Слушай, страна, как людские потоки
Плещут на Западе, Юге, Востоке:

Это несут миллионные рати
Стяги Народных своих Демократий:
Это – шелками под солнцем блистая,
С нами ликует громада Китая;
Это, по ветру знаменами рея,
Непобедимая встала Корея;
Это с Москвою в далеком Вьетнаме
Перекликается алое знамя;
Слушает мирный народ трудовой
Миру – громовый салют над Москвой!

Это на Западе, в день Первомая,
Наши собратья, преграды ломая,
Тоже рабочими строясь колоннами,
Песни поют под своими знаменами
В Риме и Вене, в Париже и Лондоне...

Не сосчитать эту звездную россыпь,
Не задержать эту грозную поступь,
Точно свободы бушующий ветер.
Воды апреля по целой планете
Гонит на жаждающие плоскогорья, –
Это воочью шагает история
В долгих боях, закалившись, как сталь,
Шагом бойца в полуденную даль.

От редактора нашей многотиражки, где помещены эти стихи, я знаю, что редакция что-то сократила, А<лександр> В<икторович> очень рассердился, прислал ругательное письмо и с тех пор больше не присылает стихов.

57

Я тебе повторяю то, что уже писала в прошлом письме: половина родственников сидят и лают на нас, потому что у них не хватило сил на дорогу, по которой идут миллионы людей (зачастую – детей), а другая половина родственников, не желающих нас знать, делают это потому, что прошлое и ты мешают найденной ими дороге. И ты, с твоим внутренним миром, с выкристаллизовавшейся таким образом, как это сейчас видно, личностью, должен понять, что рядом с тобой, на твоём пути, будут единицы. Зачем же ты цепляешься душой за осколки на берегу, который ты оставил?

Ну, хватит, следующее письмо буду писать, отвечая на твое.

Целую тебя, родной, моя девочка шлет привет, она сегодня очень хмуренькая, у нее не ладятся репетиции. Привет твоему другу.

Твой Листик

¹ Стихотворение А.В. Коваленского, опубликованное в лагерной газете «За отличный труд» 1 мая 1955 г.

37

2 декабря 1955

Любимый, Заинька!

Опять началось у меня трудное время: 18-го смотр самодеятельности, времени уже мало, надо посмотреть, переделать и улучшить костюмы, и приходится следить за всеми репетициями. Все хуже детей, каждый думает только о себе, а не об общем, но даже свой собственный костюм не идет примерять, если я не притащу за уши. А завалиться на смотре после стольких лет работы – позор. И еще, не дай Бог, кого-нибудь из 72 участников вызовут на волю!

Дюканушка и Мумик меня страшно изругали, ты, конечно, к ним присоединишься, но все это потому, что вы, мои хорошие, абсолютно не понимаете моих условий.

Если б я несколько лет тому назад была настолько хитра и непорядочна (как были многие, окружавшие

меня), я в конце концов добилась бы того, чтобы меня погоняли-погоняли по работам и плюнули. Но ты знаешь мое всегдашнее отношение к работе, да еще когда попалась возможность прорваться к искусству (ценой здоровья и отдыха, что, кстати, и ты всю жизнь делал)! А теперь – поздно. Пока я здесь, придется работать так, как сейчас. Пишу это все заранее, потому что боюсь, что половина твоего будущего письма будет состоять из стонов и охов по поводу моей работы и усталости, а я так жду твоих писем! Уверяю тебя, что я не делаю все, что только удастся не делать: не играю в пьесе, не читаю одна, не играю на рояле (один, очень простой, давно сделанный танец – индейский), не учусь играть на аккордеоне, почти совсем не рисую, увы – не читаю даже «Идиота», не хожу на занятия балетными танцами, очень мало и плохо занимаюсь английским, но больше мне убирать с дороги нечего. Я попробовала положиться на людей в смысле костюмов, в результате – сегодня полдня ругалась со всеми по очереди и только тогда дала в работу 3 костюма из 83 – не пугайся, они почти все готовы, надо только проглядеть их.

Заинька, милый, я не всегда буду писать такие дурацкие письма, это только одно такое!

Привет от девочки, она больна; я сама выздоровела, а ее заразила гриппом, и малышка завязала горлышко шарфом, взяла грелку и пошла спать раньше. Целую, мой родной.

Листик

38

14 декабря 1955

Хороший Зайчик!

Посылаю тебе открытки, которые ты просил.

Пишу все в тот же вечер и совсем засыпаю.

На сердись, что я написала твоему начальнику, может быть, в его власти разрешить два письма. Если он может, я уверена, что позволит.

Целую, дорогой.

Листик

15 декабря 1955

[Письмо Джони (Валиа Круминьш)]

Дорогой Даник!

Вам пишеть Ваша приемная дочь Джони. Хотя Вы мене не когда не видели, но зато я Вас хорошо знаю, конечно, только по рассказам. Я говорю, приемная дочь, ну если считает Аллочка меня своей приемной дочкой, так я посмела и Вам представиться.

Вчера мы были в кино, очень хорошая картина «Повесть о лесном великане». Смотрели с большим удовольствием – лес и звери умница медведь и длинноногий лось. Посли картины мы с Аллочкой решили тоже поехать где небудь там. Построить себе домик приручить лосе и серого волка вместо собаки. Вы будите писать – Аллочка ресавать пейзажи в дремучем лесу а я устроюсь в лосеферми электриком. Да, Вы, наверно не знаете. Я уже почти год, как работаю электриком на фабрики. Работа не тяжелая, но атветственная. Это неделю работаю ночью. Если только спать нехотелось – было бы ничего. Сиди и жди когда позавуть: уютю исправить или пропки поменять. Остальное свободного время можно читать и заниматься свайми делам или даже спать. Днем конечно работа больше, ремонт маторов, вызовь чинить где небудь свет. Ну, вот, так и живем. Очень жду встречу с Вами. Хотелось чтобы это было весной, потому что нужно нам всем паправить здоровью. Поехать к море или в деревню и там прожить дикарский несколько месяцев.

Ну, нада кончать. Извините за ошибки. Я правда не виновата. И моей мамы нет времени со мной заниматься. Ну что же поделаешь: ленится воспитать свою дочку. Все надежда на Вас. Поэтому скорей выбирайтесь оттуда. Да почти забыла! Она опять притащила кошку. Кошка породистая, только хвост очень короткии. Ну за то красавца. Будить возможность прислать Пушку на фатографи. Она хочить еще что-то приписать, верней оправдатся, это насчеть меня.

До скорай встречи!

Джони

[На полях:] (А когда она мене старалась пасадить за грамматикан?)

[Далее рукой А.А. Андреевой]

Ты видишь, какая она нахалка? Это, оказывается, я виновата в том, что никак не могу усадить ее за русскую грамматику! И кошку я не притаскивала, она сама пришла и трясла озябшими лапками. Это – старая умная пуши-

стая кошка. Бедный малыш почти похудел, пока писал это письмо; половину вчерашней ночи на работе и, как встала, сегодня – до 4 часов.

Зайнька, не волнуйся насчет возможности разговаривать; жизнь сама как-нибудь все устроит, я в этом уже сто раз убедилась, никогда не надо заранее волноваться, как будет.

Что касается моего здоровья, то это очень скучная тема. Конечно, оно неважное, но ничего непоправимого не произошло.

Я думаю, что это письмо ты получишь очень скоро, а я поскорее буду отвечать на твое по кусочкам, как всегда.

Не грусти, мой хороший, гони всяких бесенят. Видишь, как нам надо быть вместе; мы с Джони живо тебя рассмешили бы.

А насчет мозговой тошноты... Ну, что же на это можно сказать? Надо быть поглубее, Даник.

Целую тебя, мой хороший.

Алла

Без даты

[Письмо Джони (Валиа Круминьш)]

Добрый вечер!

Ну, вот, опять пишем Вам письмо. Надеюсь, что Вы одно уже получили. Так как есть возможность написать, конечно, стараемся это использовать. Сегодня вечером я дома, сели рядом и пишем, Аллочка пишет очень быстро и хвастается этим, а мне нужно, прежде чем написать одно слово, подумать. Вчера мы занимались русским языком, результаты пока никакие, верней, результаты здесь на бумаге перед Вами.

Теперь о нас. Живем по-старому. То есть нет никаких изменений в нашей жизни. Ждем Новый год. Может быть, принесет хоть немножко счастья нам всем. У нас был ужасный холод. Теперь стало теплей, но все равно надо закутываться до ушей в тряпки. Спим мы с Аллочкой под двумя ватными одеялами, и она еще берет в постель грелку, «лягушку». Лягушка – потому что через два часа она становится холодной действительно как лягушка. Только не поду-

майте, что в самом деле так невыносимо холодно, нет, это просто по привычке. Она ночью сбрасывает одеяло, но «лягушка» остается. Я, конечно, дразню, что лучше потеть, чем расстаться с любимой лягушкой. Еще она учится играть на аккордеоне, уже сегодня мне проиграла какую-то песенку, пусть, если есть терпение. Спрашивает, когда я буду учиться. Ну видите ли, я такой музыкант, если начну играть, то никто не выдержит мою музыку. С удовольствием бы попробовала, но просто не могу поймать минуту, когда никого в комнате не будет, потому что я человек без слуха и не имею ни малейшего таланта в этом направлении, даже «Чижик-пыжик» не смогла. Сегодня уже четверг, еще два дня – и будет выходной. Для меня это длинный отдых, потому что пойду только в понедельник ночью, а там два дня – и Новый год.

Да, надо кончать, она уже кончила. В конце она что-то про меня. Ну, она когда спит, сопит и другим спать не дает, то есть мне, даже так, что я собираюсь ее утром проучить и разбудить в семь часов, но это не удастся, потому что она сама изредка просыпается, а если нет, тогда просто жалко – спит как поросенок. Это она поросенок. Очень жду Вас, когда Вы приедете к нам или мы к Вам.

Спокойной ночи!

Джони

[Рукой А.А. Андреевой:]

Она все врет, я не храплю, это страшный поклеп!
И просыпаюсь сама.

1956

41

6 января 1956

Хороший мой!

Сегодня – единственный день в году, когда мне грустно. Не случайно грустно, как может быть в любой день, а именно потому, что наш праздник, а мы не вместе. Все хорошо переносишь, все дни рождений и именин, и Новый год, и Пасху, а вот сегодня – всегда очень больно.

Вчера нам на общем собрании официально объявили о нашем новом положении. Преимущества пока чисто морального свойства, потому что практически то, что от нас сейчас убрано, мы не чувствовали. Но все-таки созна-

62

ние приятное, а практические выгоды, я думаю, будут со временем. По привычке вечно бояться поверить хорошему, боюсь выговорить, что мы с девочкой твердо остались вместе, хотя, по-видимому, это так. Сейчас волнует вопрос ее работы: их двое на этой работе при одной смене вместо прежних двух.

Сегодня у нас было очень бурное заседание культмассовой секции – опять самодеятельность, мой дорогой. Мне удалось кое-как направлять разгоравшиеся страсти в русло здравого смысла, и, кажется, ничего глупого не напридумывали. Свое участие я всегда теперь стараюсь сводить к минимуму, но костюмы, конечно, остаются. После собрания мы с малышкой пришли «домой» (это – мастерская, соседняя с комнатой, в которой происходило собрание). Прибрали беспорядок в комнате, поели картошки, попили чаю с печеньем, я села за письмо, а Джони все вымыла и прибрала, потому что сегодня «Варнушкин праздник» и завтра тоже, поэтому мне на утро она оставила только топку печки. Пишу тебе все эти мелочи, чтобы ты немножко побыл с нами. Я немножко не понимаю – по-моему, у вас нет никаких перемен. Во всей нашей сети много нового, может быть, вы просто последняя ступенька, до которой докатятся реформы?

Боюсь, что очень бестолково написала тебе про «Навну». Я не знаю, как тебе объяснить, почему меня коробит, когда существо, дышащее такой простотой, ясностью, глубиной, такое трогательное (не удивляйся этому слову, у тебя так выходит), вдруг начинает изъясняться вычурными и внутренне пустыми словами. Удивил меня и очаровал весь поворот с Пушкиным. Это совсем, совсем чудесно. Кстати, «Крест поэта»¹ совсем не двинулся? Конечно, я не понимаю «дитя народной Афродиты и двух отцов», только чувствую, что это очень глубоко и правильно. Не люблю слова Демиург, как не люблю всех названий того, что трудно называть.

Посылаю тебе твоего Листика в зимнем виде и целую в головку и лобик. Привет от девочки.

¹ «Крест поэта» – цикл стихотворений Д.А.; см. СС, 2, 516–520.

63

42

10 января 1956

Зайчуша, хороший!

Для меня такой праздник каждое твое письмо, что я даже не могу расстроиться, как следовало бы, подробностями твоего здоровья. А расстроиться есть с чего. Мы с маленькой так и считаем, что, в случае осуществления общих мечтаний, у нас с ней будет маленький ребенок – ты.

Я не пишу «правды» о своем здоровье не из желания шадить тебя, а просто потому, что это ужасно скучно.

Конечно, я совсем не так больна, как ты. Если б удалось попасть в человеческие условия, а не в условия «Робинзона без персонала», то я – вполне работоспособный человек. Здесь условия жизни полуробинзоновские и работы очень много, и все же я выдерживаю. Что у меня с сердцем кроме невроза, я не знаю. Что-то есть, но не очень серьезное. Очень помогли вливания глюкозы и мне, и Джони, а это значит, что дело не так уж плохо. Девчонка перебивает мое серьезное письмо, просит передать тебе «очень много приветов» и поблагодарить тебя за то, что ты за нее заступаешься (это – насчет русской грамматики). Я ей сказала, что она просто лодырь, а ты ей потакаешь.

Ну, дальше на скучную тему. «Что-то» у меня и с желудком. Говорят, хронический гастрит. При внимании и опять же условиях – ничего страшного. Зайка, мне очень надоело это все писать. Ну, еще, кажется, ишиас или что-то в этом роде (правая нога) и нос, который ежеминутно подводит: совсем не нужно тяжелого гриппа, а достаточно мне выйти в коридор мыть руки, чтобы начать чихать.

Больше ни за что писать не буду. Не знаю, известно ли тебе, что наше дело пересмотрено уже трижды. Два раза оно возвращалось обратно на пересмотр с последней подписи Генерального прокурора. Сейчас оно ожидает этой подписи третий раз. Я забыла, писала я тебе это или нет. На днях приехали люди оттуда, где теперь Шура (385/6). Она получила деньги и письмо и говорит, что ответила тебе. Может быть, это случилось только теперь, и ты получил или получишь ее письмо. Чувствует она себя плохо.

64

Я, возможно, смогу написать ей, хотя мне это психологически трудно. Ну, об этом в другой раз. «Навна» чудная. До слез чудная. Только не ее слова. А переписать подряд – уже сделано. Не сердись на меня за беспокойство по поводу друга Олега, я очень хочу любить его, а что затревожилась – понятно.

До свиданья, хороший.

Листик

43

15 января 1956

Родной мой!

Знаешь, как я сейчас безобразничаю? Сажу на лекции о послевоенной литературе и пишу письма. Времени совершенно нет. Я пишу письма только нашим старикам и тебе, а человек десять моих приятельниц, уехавших отсюда, остаются без ответа. Вот, кстати, ответ на один из твоих вопросов. Ты писал – «много ли ты встретила за 9 лет друзей? Одну Джони». Джони одну я встретила не за 9, а за 40 лет, у меня в жизни не было такой подруги. А «попутчиков» я встретила много. Сейчас, кажется, почти нет в Союзе направления, в котором я не нашла бы товарища, который протянет руку помощи, если это понадобится. В Красноярске и на Воркуте, в Закарпатье, в Литве и около Ташкента. Я, видно, очень бестолково пишу тебе на «мучительную» тему. Почему у тебя получается, что я оцениваю людей по их отношению к нам? Видно, и правда надо говорить, если в переписке выходит такая ерунда. Я не фыркала бы так на прежних друзей, если б не считала их безотносительно к нам мелкими людьми. Отсюда перехожу к следующему спорному вопросу. Я не подвергаю сомнению огромную область из-за недостаточности людей, с ней связанных, если я убедилась, что эта область объективно существует. Твой пример с пьяницей-священником – неудачный пример. Священником мог быть дурак, окончивший духовную школу по ошибке, или человек, которому лучше было бы быть инженером. Из-за этого глупо сомневаться в бытии

65

Божием. Но то, о чем я говорю – непосредственная связь избранных людей с тем, что принято называть «потусторонним», – дело совсем другое. Единичный, избранный гонец – лицо ответственное; если гонец плох, я не верю, что хорош пославший его. Поэтому для меня давно сомнительно все, что связано с Бишей. Я знаю о сложности, о противоречивости людей, нечего мне рассказывать о том, что мучительно стыдно вспоминать многое из своей жизни и все-таки точно знать, что не являешься сволочью. Но в жизни это одно, а связь со вторым планом – другое. Если так много мусора в Библии, почему ты хочешь, чтобы я вот так сразу приняла бы все заумные названия, да еще от тебя, человека, страшно любящего красивые созвучия? Вспомни валь – вуаль¹, красивые слова – твой пунктик. Ты не сердись и не обижайся. «Навну» я еще читала и переписывала (кстати, для одной из попутчиц – твоей большой поклонницы, только ей очень не идет такое глупое слово). Как хочешь, милый, но неужели тебе самому не режет ухо, когда нежная Садовница русского сада, светлая виновница светлых стихов, начинает говорить иногда почти как дама из салона Зинаиды Гиппиус 900-х годов? И как только она замолкает, начинаешь говорить ты – лучше ее! Конечно, ее слова – предельная трудность, но что ж теперь делать, раз ты взялся? Хороший мой, поболтаю немножко о нашей жизни. Девочка ужасно радовалась тому, что ты написал для нее, улыбалась всеми глазками и страшно дразнила меня. У нас всю шумит самодеятельность. Впереди – гастроли, слеты, концерты, все – кроме репертуара. Совсем нечего читать. Плохо еще то, что я сейчас – лучший чтец. Это для меня плохо, потому что не к кому подтягиваться, и невольно начинаешь снижаться по окружению. Очень хотелось бы поработать в хорошем коллективе, где я была бы не самая образованная и культурная, а наоборот – хуже всех.

Роденький ты мой, о Латгаллии² мы с Джони очень мечтаем, но я не верю в ее реальность! И вообще смотрю на наше будущее не в разрезе розовых очков, а в разрезе рук, ставших ловкими и умелыми

Целую тебя, мое дитяtko родное.

Твой Листик

Какова принципиальная разница между духами Лиурны и Линеборой³?

¹ Об этом см. на с. 176, а также: *Андреева А.* Плавание к Небесной России». М.: Аграф, 2004. С. 25.

² Латгаллия – восточный край Латвии.

³ Лиурна – душа или стихияль текущих вод и рек, существующая в ином мире; см. в поэме «Навна» (СС, 1, 205) и в «Розе Мира» (СС, 3, 182). Линебора – имя из ранних вариантов поэтического ансамбля «Русские боги».

44

19 января 1956

Солнышко – Зайчинека!

У нас в комнатке очень тихо и тепло. Лапсенок сидит, положив ножки в белых валенках на табуретку, и читает Мольера, а я сижу у печки, несмотря на теплую погоду, и пишу письма.

Я написала Дюканушке все, что ты мне написал о своем здоровье, роденький, потому что, когда прошла первая радость от получения твоего письма, я, конечно, заволновалась.

[Рукой Джони:] Добрый вечер, это я, мешаю другим писать.

[Далее А.А. Андреева]

Я ее отправила хозяйничать. А Дюканчика я попросила подумать и послать тебе лекарство.

Хороший мой, не думай о будущем, все как-нибудь устроится. Если попадешь в инвалидный дом – не волнуйся, как только я хоть немножко почувствую почву под ногами, я тебя привезу к себе. И не бойся так Сибири. Конечно, может быть, мы туда и не попадем, но и там возможны очень хорошие варианты. Например, в самом Красноярске хорошую работу я нашла бы в сто раз легче, чем в Москве или под Москвой. Да, вот еще одно деловое соображение, которое все время забываю написать. Если будет реален 101 км, мне кажется, лучше называть не Коломну, а попро-

бовать Загорск (иногда удается) или Александров. Я жить в Александрове совсем не хочу, но в Загорске – художественные артели, где я могла бы попытаться устроиться работать.

Теперь о другом. Безобразия средневековой инквизиции не имеют отношения к религии, но позволяют осудить церковь. И не только позволяют, а, пожалуй, просто заставляют это сделать. И не только инквизиция, но очень, очень многое, что делала церковь. Кстати, ни одна антирелигиозная агитка не может так губить в наивных людях религиозное чувство, как церковь и многие верующие. А это свидетельство наивности людей, неполноценности их ума и преступности церкви. Так что не равняй меня с Сережей в истории с Зоей¹ – не похоже. Сережа не имел права делать тех выводов, которые он делал, но имел право осудить (по-моему, надо было разнести в щепки) определенный круг православия. Я сомневаюсь не в существовании «иных областей», а в том, что именно ты или Биша уловили внутренним слухом и правильно ли называете. И, повторяю, – гонцом большего не мог быть Биша.

В последнем мамином письме есть фраза, очень меня обрадовавшая: «Алекс<андре> Филипповне помогает Ольга Александровна Веселовская»². Даник, милый, спи спокойно.

Твой Листик

¹ В Зою Васильевну Киселеву (1908–1994) был влюблен С.Н. Ивашев-Мусатов, но религиозная семья Киселевой была резко против их брака, т. к. Ивашев-Мусатов был уже женат церковным браком.

² Ольга Александровна Веселовская (урожд. Бессарабова; 1896–1967), близкая подруга А.Ф. Добровой и семьи Добровых.

45

4 февраля 1956

Солнышко мое!

Боюсь, что я тебе доставила очень много волнений и тревог своими хлопотами о деле, причем совсем не в том

смысле, в каком думала до сих пор. Конечно, я понимаю, что тебе очень трудно и нежелательна поездка на переследствие, но я не знаю, что делать, я не могу прекратить хлопоты, да если б я и прекратила бы (чем стала бы страшной свиньей по отношению к старикам), то все равно они не прекратят. Очень часто переследствие проходит на месте – приезжают сюда и допрашивают. Может быть, ты, с твоим состоянием здоровья, сможешь попросить, чтобы тебя никуда не возили, тем более что Владимир так близко от Москвы. В крайнем случае, настаивай на том, чтобы все вещи, кроме совершенно необходимых, были отправлены к маме. Ты ничего тяжелого поднимать не можешь, а у тебя есть то, что можно отдать – хотя бы книги, пусть все это лишнее передадут маме.

Я лично готова ехать куда угодно, лишь бы делать хоть какие-нибудь шаги отсюда. Твое беспокойство по поводу возможной жизни на воле я понимаю, но не разделяю: я уверена, что смогла бы предоставить тебе ту возможность быть самим собой, какую ты сейчас имеешь, это не так трудно, думаю, что, работая вполнину того, как я работаю сейчас, я смогла бы сделать и больше. Жаль, что это превратилось в пустой разговор из-за дурацкого результата пересмотра.

Хороший мой, зачем расстраиваешься из-за моих слов о «Навне»? Разве я мало говорила о ее – и твоем – масштабе? Что из того, что у меня не укладываются в голове некоторые места? Не знаю, как это надо понимать, но теперь, когда я читаю все подряд и уже не помню, какой раз, она заколдовывает настолько, что и я уже почти не замечаю того, против чего так восставала. Но не могу понять, что правильно – первое впечатление или сейчас.

Я не знаю, как объяснить, но я разучилась хвалить, у меня слов не хватает, я только страшно радуюсь тому, какой ты стал – разве ты этого не чувствуешь?

Мне жаль, что я вряд ли увижу твоего друга. Господь вас храни, дорогие.

Письмо, вероятно, опять нескладное. И не удивляйся, что о двух стихотворениях молчу, скоро напишу. Я очень устала, вернулась с прогулки – уголь разгружали. Девочка

нездорова, горлышко болит. У нас очень холодно, и я все время боюсь – как сейчас у вас? Мы идем спать. Спокойной ночи, Заинька, передай привет всем, кто с тобой. Лапса кланяется, она едва пищит, надо ее скорей укладывать.

Целую тебя, милый.

Листик

46

23 февраля 1956

Хороший мой!

У нас столько событий, что я не знаю, с чего начинать.

Во-первых, в воскресенье 19.11.56 на смотре самодеятельности мы заняли первое место. Скажу тебе по правде, что в этом – очень много моей работы. Правда, это среди женщин, но все-таки. В понедельник я не успела тебе написать, потому что едва дышала от усталости, а во вторник совершенно неожиданно я вдвоем с одной москвичкой опять ездили в «центр» оформлять выставку. Неожиданно совершенно будничная поездка превратилась в небольшой приключенческий фильм – благодаря характеру нашей «теплушки» и характерам выкормленных нами и из бабьей сентиментальности забалованных лошадей. (Среди них есть «штучки», которые позволяют запрячь себя только женщине и только за конфетку.) Вечером наш общий любимец Буян, промчавший нас через чудесный, полный лунного света березовый лес, у самой конюшни перевернул сани и всех нас вывернул друг на друга. Снег очень мягкий, так что ты не волнуйся, никто даже не испугался, но вчера я с утра очень проспала, а вечером была срочная работа, вот и вышло, что пишу тебе только в четверг. Ну, кончаю шутить и перехожу к более грустным сообщениям. Опять над нами с девочкой нависла разлука. И на этот раз очень серьезно, так что я почти не верю в возможность остаться вместе. Второе – опять нашелся ее отец, но только очень странно: пришло письмо с подробностями, которые мог знать только он, но написано оно не им. Не его почерк, и вообще все письмо такое,

70

как если б я от тебя получила закорючками написанное послание стилия «во первых строках маво письма». Волнуемся обе очень и ничего не понимаем. Девочка сейчас пишет ему, будем ждать ответа с объяснениями, но я боюсь, что я этого ответа уже не увижу – она уедет. Не знаю, как мы расстанемся, совсем не знаю. Мне было страшно подумать, как она здесь останется, если я уеду на волю, а так – еще страшнее. Прости меня за то, что так пишу тебе, но врать все равно не выйдет. У меня правда такое чувство, что она – мой ребенок. Вот так вот глупы все наши споры о старых друзьях. Все дело в субъективном отношении, а вовсе не в объективных данных. Для меня они – чужие люди, а для тебя – родные, с которыми прожита жизнь. И надо было мне это получше понимать и не писать тебе многого, что я писала.

Солнышко мое, так хочу, чтобы наконец был такой вечер, чтобы я спокойно села с твоими стихами и письмами и по-человечески тебе писала!

Целую тебя крепко, мой родной Заинька, Джонинька шлет привет.

Твой Листик

47

26 февраля 1956

Родной мой Заинька!

Вчера твоей жене исполнился 41 год. Это совершенно возмутительно, потому что внутренне я не слезаю с 30 и очень злюсь на каждую морщинку. День вчера прошел очень хорошо, если не считать того, что противный Лапсенок, легкомысленный и вредный, подарил мне пудреницу с зеркалом, а дарить зеркало – плохая примета. Очень трогательно подарили одеколон в красивой бутылочке и «Бедные люди» Достоевского девочки из Прибалтики – наши исполнительницы спортивного танца.

Предыдущее письмо я писала тебе под впечатлением двух волнующих новостей – известий о возможной разлуке с девочкой и странное письмо от ее отца. Сейчас все впе-

71

чатления немножко улеглись, но я не жалею, что написала тебе, хуже было бы молчать. Возможность разлуки есть, и большая, думаю, что, если не удастся оставить ее здесь, я поеду за ней, но это нехорошо, потому что я начала хлопоты об отпуске и мне сейчас не надо бы менять место жительства. Ну, посмотрим. Что же касается Джониного отца, то через сутки после получения письма мы уже стали радоваться, все-таки на этот раз ясно, что это он. Значит, надо только дождаться письма с объяснением, почему он не сам пишет.

Солнышко, дай мне понять, что за цикл, который открывает «Шаданакар»¹? Еще мне, конечно, хотелось бы понять, почему тебе так необходимо твое словотворчество, но вряд ли мне в этом удастся разобраться раньше, чем мы встретимся и обо многом наговоримся. Я уже тебя спрашивала о связи «На перевозе» с «Бродягой» и «Лесной кровью»². В каком-то внутреннем колорите перевоза чувствуется эта связь, в «Ливне» я ее не почувствовала. «Нэртис» – чудесная вещь, только, конечно, мешает Бого-идея и Бого-рождавшейся³. И я не уверена, хорошо ли, что кончается Сольвейг и Пер Гюнтом? Какие это ни большие образы, но они меньше, чем то общее, с чего начинается стихотворение. И немножко я все время боюсь, что уж больно много надо прочесть книг, прежде чем научиться понимать твои стихи. И не просто прочесть, а с определенной точки зрения. Зай, не сердись, что я так пристаю.

И ни за что не сердись на некоторые мои опасения. Я понимаю, что Ал<ександров>⁴ может быть тысячу раз неправ, тем более понимаю, что знаю, что про меня говорит и будет говорить всю жизнь Ирина Арманд – но ты понимаешь, что временами это, конечно, меня тревожит. От Дюканушки получила большое письмо – он в состоянии думать только о заявлениях по поводу пересмотра. Это – самое страшное, они с мамой всю жизнь свели к хлопотам и напряженному ожиданию меня домой.

До свиданья, мой хороший. Лапсенок ввалился с прогулки на лыжах из леса и передает тебе привет. Привет З<ее>⁵

Листик

[К письму приложена вырезка из газеты:]

СМОТР ТАЛАНТОВ

Едва успел фотограф зафиксировать «лейкой» самое интересное па солиста-танцора, как по залу в нарастающем рокоте проשמели хлопки аплодисментов и возгласы одобрения, конферансье объявляет следующий номер. Это идет смотр художественной самодеятельности коллективов производственников подразделений нашего Управления.

Более 3 месяцев любительницы искусств готовились к этому празднику. Их труды не пропали даром. Первый день смотра говорит о возросшем мастерстве, о большой дисциплине и строгом вкусе большинства руководителей и участников смотра.

Коллектив художественной самодеятельности подразделения Храмова начал свое выступление постановкой литературно-художественного монтажа о дружбе советского и китайского народов. Чтецы, хор, солистки и музыканты отчетливо преподнесли зрителям кабальное прошлое, светлое настоящее и прекрасное будущее Китая. Члены драматического кружка хорошо поставили пьесу-водевиль И. Крылова «Урок дочкам».

Особенным успехом у зрителей пользовались выступления танцовщиц Лань и Любушкиной в «мазурке», «тройке» и других балетных номерах.

Однако следует отметить, что руководители самодеятельности этого подразделения не сумели придать своей программе компактности. Наряду с высоким мастерством исполнения чувствуется слабая дисциплина, отсутствие единой воли.

Отличительной чертой выступлений коллектива художественной самодеятельности подразделения Юркова являлись массовость, разнообразие жанров, хорошая дисциплина. Хор под руководством Онуфрийчук удачно исполнил песни «Мы за мир», «О Москве», «Как тиха ночь». Публика тепло приняла выступление скрипачки Грабец, исполнившей одно из произведений Чайковского и «Чардаш» Монти.

Наиболее запоминающиеся по культуре и четкости исполнения были массовые жанровые танцы «Запорожец» и «В цыганском таборе», где производственница Ершова имела заслуженный успех. Слабым местом программы этого коллектива была постановка пьесы «Пылкие сердца».

Участники художественной самодеятельности подразделения Бугаенко порадовали руководителей смотра хорошим мастерством игры в пьесе «Пылкие сердца» и частушками на местные темы.

Наиболее удачной была программа самодеятельного коллектива подразделения Лисенко. Музыкальный руководитель Карач, художница Андреева, танцмейстер Кулешова создали хороший коллектив мастеров самодеятельной сцены. Хор, оркестр и танцеваль-

ная группа хорошо исполнили монтаж «О Родине» и спортивный танец на эту тему. Вдохновенное чтение «Свадьбы» из «Страны Муравии» еще раз показало, что Л. Андреева изо дня в день повышает культуру и технику чтеца-декламатора.

Выступления участников художественной самодеятельности этого коллектива трудно переоценить, они отличаются идейной выдержанностью, злободневностью, массовостью и высоким мастерством.

[На полях рукой А.А. Андреевой:] Л. Андреева – это я, по-видимому, опечатка связана с гипнозом имени твоего отца.

¹ Шаданакар – брамфатура нашей планеты (см. СС, 3, 532); стихотворение «Шаданакар» открывает цикл «Миры просветления» («Русские боги»).

² «На перевозе» – стихотворение Д.А. из цикла «Босиком» («Русские боги»), «Бродяга» – цикл, который позднее распался на три цикла, «Лесная кровь» – поэма Д.А.

³ «Нэртис» – стихотворение Д.А. из цикла «Миры просветления».

⁴ Александров Владимир Александрович – художник, искусствовед; сокамерник Д.А., считавший, что Зeya Рахим – стукач; это впоследствии не подтвердилось.

⁵ Зeya Рахим (1922–?), переводчик; сокамерник Д.А.

48

9 марта 1956

Солнышко мое, письмо твое пришло на этот раз неожиданно быстро – 7. III. А отвечаю только сегодня, потому что 7 и 8. III – концерты, посвященные женскому празднику.

Джонинька еще здесь и все еще висит в воздухе. Одно хорошо – ее отец нашелся, теперь это уже точно. Сам он не пишет из-за покалеченной (давно) правой руки.

Теперь побегу бегом по твоему письму.

Скажи, пожалуйста, что у тебя – опять ухудшение состояния сердца? Что значит фраза: «выйти и прожить с тобой хоть несколько месяцев»? И – что? Тебе так плохо? В какие «более покойные» условия ты помещен? В больницу? Вдвоем? Заинька, Ал<ександров> утверждает, что

74

З<eya> играет около Олега роль, аналогичную Стефановичу¹, потому я временами и впадаю в панику. Но теперь я решила, прочтя это твое письмо, что у меня нет никаких оснований считать тебя блаженным дурачком, не разбирающимся в людях, а всех остальных – умными только потому, что они говорят о человеке плохо, а ты – хорошо. И больше не буду нервничать и сомневаться в человеке, которого охотно и искренне готова полюбить. Кстати, если он уедет, пусть из последней доступной для нас точки напишет жене Олега, она получит письмо.

Между прочим, я недавно получила удивительное письмо.

Тут была довольно глупая немка, которая случайно оказалась не то что в нашей компании, а около. Она уехала, как все немки. Представляешь себе, как я удивилась, получив письмо из Гамбурга, да еще на немецком языке, которого я совершенно не понимаю? Письмо было пустяковое, больше всего о выпивке за наше здоровье, но меня тронул сам факт. Артемов – мой следователь, а Комаров – начальник нашего следственного отдела, приспешник Абакумова, расстрелянный вместе с ним. Третий крупный расстрелянный подлец – Леонов². Это не твой следователь? Наше дело – типичная абакумовская стряпня, в этом вся загвоздка. Теперь о количестве нас. Видишь ли, теперь есть такое «условно-досрочное» освобождение – для тех, кто отбыл 2/3 срока. Таким образом уехал Викт<ор> Андр<евич>, таким же образом могли уехать все, у кого не 25, а 10, т. е. Аленушка, Женя³, может быть, еще кто-то. Таня В<олкова> кончила срок, у нее было 8. Ирина уехала в результате того самого пересмотра, который оставил нас в прежнем положении. Г<алина> Ю<рьевна> могла уехать и по актации, и по 2/3, и по пересмотру, я не знаю. Сейчас я пытаюсь выяснить относительно Ивановского и Биши. Если у Тришатова⁴ было 10, то он тоже, вероятно, уехал.

К сожалению, абсолютно ничего я не знаю о Вите и Алеше⁵. Я думаю, что нас осталось гораздо меньше 12. Теперь о Г<алине> Ю<рьевне>. Она и Таня в Лефортове были вместе. Там у меня с Г<алиной> Ю<рьевой> была встреча, на которой я себя очень глупо вела («Ну, конеч-

75

но, я это говорила, и Г<алина> Ю<рьевна> при этом присутствовала, она просто не обратила внимания на слова, не имевшие значения»). Г<алина> Ю<рьевна> пришла в комнату и рассказала Тане, что эта дура (или сволочь) Алла всех засыпает – говорит все, что надо и что не надо. Так, кстати, и было, но не потому, что я сволочь; и дура не совсем подходящее слово. Вот так и сложилась постепенно легенда о том, как я выдала собственного мужа и его родных, сохранив своих родных (это мне особенно ставилось на вид). Еще я хочу объяснить, в каком смысле я писала, что ты им мешаешь. Видишь ли, когда я их тут увидела в 48-м, они держали одну линию: «из-за этого сумасшедшего Даниила, с его глупыми, ничего не стоящими книгами (которых мы почти не читали, потому что не хотели), и из-за его жены – подлой, очень страшной женщины, которая всех оболгала, так страдаем мы, ни в чем не повинные советские люди». Продолжи эту линию Бишиными стихами и перестань мучиться, пойми: люди открещиваются от всего твоего прошлого, утверждая, что их прошлое не было таким. Есть вещи, за которые я себя никогда не прощу, это все из области, смежной с нашими теперешними друзьями. Вот в этом смысле я и писала, что ты им мешаешь – им надо доказать, что они никогда не были близки тебе и твоему творчеству. Я не удивлюсь, если когда-нибудь узнаю, что они сваливали на нас и общую, и несуществующую вину теперь, во время пересмотра. Я писала правду: стихи были, а 8-й пункт – миф, а они могли писать другое: мы не имеем отношения к Андреевым. Но это, конечно, мой домысел, я об этом ничего не знаю. Между прочим, оригинальный вариант выдвигает мама – о том, что роль Шервинского⁶ была сродни Стефановичу. Это тоже, конечно, из области ощущений. А ты помнишь, как их у меня было много?

Родной, «Грозный»⁷ замечательный. Не пишу о нем, как всегда, потому, что еще много буду читать. После двух чтений не имею ни одного слова возражения, только не могу прочесть одной строчки: «Не предстательствуя, не –» что?

Если б ты видел, какими детскими закорючками, с каким трудом переписывается «Навна» Лапсенком в краси-

вую тетрадку. Спроси З<ею>, что он хотел бы, чтобы я ему сказала – это я очень серьезно. Привет от девочки!

Алла

Книги Горбова у меня еще нет. К<олю>⁸ больше не видела, писала ему, но ответа не имею.

¹ Стефанович Николай Владимирович (1912–1979), поэт, переводчик; до ареста – друг Д.А.; подозревалось, что он использовался МГБ как информатор.

² Артемов – следователь следственной части по особо важным делам МГБ; Комаров Владимир Иванович (1916–1954), полковник, заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ; расстрелян; Абакумов Виктор Семенович (1908–1954), министр государственной безопасности СССР; расстрелян; Леонов Александр Георгиевич (1905–1954), генерал-майор, начальник следственной части по особо важным делам МГБ; расстрелян.

³ Женья – Евгений Иванович Белоусов (1907–1977), инженер; друг и одноделец Д.А.; третий муж А.А.

⁴ Тришатов – псевдоним Добровольского Александра Александровича (1886–1965), прозаик, поэт; осужден по делу Д.А.

⁵ Алеша – Алексей Павлович Шелякин (1906–1991), архитектор; одноклассник и одноделец Д.А.

⁶ Шервинский Сергей Васильевич (1892–1991), поэт, переводчик.

⁷ Имеется в виду поэма Д.А. «Гибель Грозного» (1951) («Русские боги»).

⁸ Олег Горбов – герой «Странников ночи», поэт; речь идет о тетради стихотворений Д.А., которые переписал его сокамерник Николай Садовник, переведенный в Дубровлаг.

49

25 марта 1956

Хороший мой Заинька!

Только что вернулась из поездки и спешу сообщить новости. Ездили только на собрание, слава Богу, без концерта. Самое главное – отмена ссылки. Это нам сообщили совершенно официально. Будет направляться в места спецпоселения ничтожный процент людей, да и те – к семьям, а не вообще. Так что больше не буду пугать тебя сибирскими пейзажами. Намекнули, что этот указ – не последнее решение Правительства, посвященное нам, и что

ждут изменений по двум линиям: для большинства – приближение свободы, для «несдающегося» меньшинства – полная изоляция.

Теперь кое-что по личным вопросам. Николая не видела, мне сказали, что он должен был приехать, неизвестно почему не приехал. Сказали, что хорошо работает. Передала привет от себя и от тебя. Саша здесь, не активирован, потому что был болен до ареста (т. е. не потерял трудоспособности здесь).

К Шуре приезжала Нелли Леонова¹. Она же помогала ей, и она же – тот друг, который хочет взять Бишу к себе. Это я узнала от врача, лечившего Шуру. Этот врач (женщина) сейчас переписывается с Нелли.

Мне очень трудно сейчас высказывать какие-нибудь свои соображения по всем вопросам, связанным со всеми прежними людьми, – я боюсь обидеть тебя, задеть чем-нибудь, тем более что еще не знаю, как ты пережил ее смерть. Самое, конечно, главное – боюсь тебя волновать, а то бы высказалась.

Основное сейчас Бишино заболевание – гипертония. Очень сильная. С позвоночником – ничего плохого.

Дорогой мой Заинька, если б ты мог внутренне развязаться с прошлым, было бы все гораздо легче и лучше.

Люди, настоящие, хорошие люди, настоящие друзья есть, и жизнь будет и теплая, хорошая своя семья будет, только бы ты вытянул все эти передрыги физически. Если З<ея> –лицо без гражданства, то это – первое, о чем он должен позаботиться. Это тоже сегодня спрашивали на собрании.

Мы с девочкой опять мечтаем о жизни вчетвером, кто знает, может быть, эта мечта и осуществится! Она агитирует за Прибалтику, я бы, конечно, рада, но не уверена, что смогла бы там найти работу. А как я хотела бы жить с ней и с ее отцом! С моими все – проблема, причем неразрешимая. Ну, об этом еще рано говорить. Девчонка ужасно мешает: кричит, чтобы я писала тебе, что я тебя очень люблю, что у меня высокий лобик, завитые волосы и накрашенные ресницы, что мне очень идет белая кофточка и что сейчас она придет проверять, все ли я написала. Она меня тащит

спать, потому что я очень устала. Тебе передает привет, конечно. Спокойной ночи, хороший.

Листик

¹ Нелли (Елена) Павловна Леонова (в замуж. Апарова; 1907–1984), одноклассница Д.А.

50

27 марта 1956

Хороший мой!

Посылаю тебе вырезку, которая тебя позабавит и успокоит: как видишь, Коля живет неплохо, если уже подвизается на сцене.

Получила сейчас письмо от мамы. Она получила письмо от тебя (надеюсь, что это было сверх программы) и пишет, что ты на нее за что-то обиделся. Я понимаю, что это – смертельная чепуха, но не надо удивляться у нее, бедненькой, ничему. Ее обычная мнительность, недоверие ко всем людям и страх перед всем на свете сейчас приняли просто патологические размеры. А у Дюканушки появилось вот что: малейшее изменение привычного ритма жизни, малейшая необходимость в каких-то новых действиях приводят его в волнение. Я тебе это писала, по-моему. Вообще у стариков силы кончаются, это меня больше всего волнует. И еще – ты. С отъездом твоего друга тебе будет очень тяжело и вообще, и по чувству (а это самое главное), и по разным соображениям, я уверена, что для тебя этого положения довольно. К сожалению, моего убеждения недостаточно.

Теперь я, по обыкновению, начну прыгать с темы на тему.

Насчет «Идиота» и нашего мнения о нем. Ты пишешь, родной, что нельзя судить о произведении одной эпохи с точки зрения уродств другой. А не кажется ли тебе, что преувеличенное копание в себе, в других, в личной жизни, которая заслоняет все на свете, это тоже уродство – той эпохи? И, право же, не знаю, какое уродство больше.

И даже не знаю, какое – хуже по последствиям. Я бы все-таки предпочла эпоху, в которой трагические столкновения идей и сил ломают личные тропинки, а не такую, в которой из-за преувеличенного внимания к своему личному прозевывается все большое и главное. А ведь так и вышло со многими. Кроме конца – с Достоевским, с Блоком.

Сегодня у нас была большая радость: получили фотографию Джониного папы. Милый мой, родной, хороший, как вот я не умею найти слов, чтобы рассказать тебе, что все будет – семья, друзья, настоящие, хорошие друзья, только бы выйти.

У меня много приглашений приехать, когда освобожусь. Одно – совхоз близко от Москвы, где сейчас устроилась наша, уехавшая отсюда, поэтесса и лучшая чтица. Сейчас получила от нее письмо. Она пишет очень интересно о некоторых материалах работы XX съезда. Не пишет толком, в чем дело, но полна восторга и сообщает о шуме среди москвичей. Судя по тому, что мы слышали в воскресенье на совещании, я думаю, что это относится к осуждению культа личности. Вообще, Заяц, жить надо. Это мое категорическое требование. Боюсь, что ты страшно расстраиваешься из-за Шуры, Биши и всех друзей. Милый, родной Заинька мой, оторвись от прошлого совсем, прошлое кончено, и ничего от него, кроме лишнего дерганья нервов, нет и не будет. Ну, это опять та же тема.

У меня ничего нового. Тяну с началом режиссерской работы и тяну зря: делать все равно придется, только трудней будет. Что-то было очень интересное с этим культом личности. Джони, конечно, передает большой привет. Она немножко нездорова и кислая и расстроилась, получив папину фотографию – не узнала, как и он – ее.

Целую тебя, мой хороший, и очень хочу утешить и развеселить, мое солнышко. Привет З<ее>.

Твоя Алла

51

2 апреля 1956

Родное мое солнышко!

Целый день сегодня сидела и всхлипывала над стихами. Ты, пожалуйста, не волнуйся, я плакала от радости, я вообще теперь почти никогда не плачу, совсем не так, как раньше.

Хороший мой, все чудесное, все, все. И ты прав: когда читаешь все целиком, то и новые слова укладываются так, как надо. Теперь у меня есть так много, и весь «Грозный» есть, жаль, что ты сейчас уже пишешь мне его! Знаешь, а прежние, переделанные иногда вещи встречаются как старые, любимые друзья.

Тебе интересно, как я провела первую Пасху? Вчера мы ездили с концертом к мужчинам. Устали ужасно, у них маленький клуб, пришлось два раза давать концерт. Такая была суматоха, что невозможно было толком поговорить. Тебе, конечно, самый теплый привет¹. Физически чувствует себя хорошо, гораздо лучше, чем прежде. Рад, что переменялись условия, тут все-таки лучше (как кому, конечно). Дома неважно: совсем слегла мать. И что-то очень неладно с Тamarой². Ты, конечно, лучше меня поймешь, в чем дело, я ведь очень мало знаю и еще меньше понимаю.

Нехорошо еще какое-то странное душевное состояние, полное апатии ко всему – даже не читает ничего. Вот тебе клочки, не удивляйся, что так мало, ты даже не представляешь себе, как мало возможности поговорить. Вернулась я домой с подарками – с деревянной чудесной вазочкой с тряпочными цветами и с конфетами – последнее плохо, потому что лучше бы я сама догадалась захватить с собой туда масла, дело-то именно так обстоит.

Вчера у тебя должна была быть мама, напиши мне, как все будет, я боюсь, что и ты, и она переволнуешься. В будущем меня немножко тревожит еще одна вещь: если Коля будет иметь возможность заехать в Москву, он может встретить не совсем тот прием, которого он стоит. Мама всегда была со своими особенностями, а теперь это еще в 100 раз усилилось. Не знаю, как там выглядит странное сочетание мамы, Тани и Зои.

Ненаглядный мой, я перехожу на болтовню, потому что так устала от вчерашнего, что едва сижу, а стихи перевернулись и запутались в головке совсем. Эта радость сильнее того, что опять, кажется, начинает проясняться личный горизонт – обещают в течение сравнительно короткого времени и новый кодекс, и новые пересмотры. Будем рассчитывать еще на год. А к вам никто не приезжал и ничего не говорили?

У нас сейчас очень тихий вечер (после суматошного дня). Малышка уткнула курносый носик в тетрадь со стихами и отказывается пить чай. Все ушли, во всем домике только мы вдвоем, очень тихо горит печка, на самодельном диванчике сидит кошка (опять прошлогодняя Крыса, мать Чернухи, и опять беременная), утомившаяся от погони за собственным хвостом. Скоро пойдем спать, потому что очень устали, Слава Богу, Джони вчера не ездила, поэтому я вернулась опять в теплую комнатку с огоньком и горячим чаем.

А я знаю, что Зея страшно тонкий и длинный–длинный–длинный и вы играли в жмурки. Сегодня мы получили «Огонек» с цветными фотографиями Египта, и я уже и на них смотрю, как на что-то немножко свое. Во всем мире, как маленькие теплые огни.

Спокойной ночи, милый. Ты знаешь, что нет восьмого из «Синего клироса»? Крепко тебя целую, мой хороший, любимый Заинька, моя тоненькая, звонкая струнка. Лапсик будет все переписывать своими каракульками.

Твой Листик

¹ Имеется в виду привет от Н. Садовника.

² Тамара – жена Садовника.

³ «Синий клирос» – первый вариант названия цикла «Голубая свеча» («Русские боги»).

52

14 апреля 1956

Золотой ты мой Заинька!

Конечно, не нужно строить планов на будущее, но я согласна с тобой, что лучше бы жить не в городе, а ближе к природе. Тебе это страшно нужно, мой милый, я это чувствую в каждой строчке. Я тоже очень привыкла быть не в городе. По правде говоря, я никак не могу увязать в своем воображении все составные элементы нашего будущего. Одна надежда – жизнь сама все разберет и расположит как надо. Продолжаю отвечать на твое письмо. О Мусе я знаю очень мало; жива, в Москве, хлопотала за Сережу, как встретила известие о его смерти – не знаю. О Желобовском¹ я слышала один раз от Жукова², он рассказывал мне, как говорил с Игнатом по поводу вещей (химеры³), которые Биша у него оставил. Жуков говорил, что Биша сам сказал, что эти вещи у Игната. Правда ли это – не знаю, и судьбы Игната и Муси не знаю.

Татьяну Владимировну⁴ я потому не включаю в наши остатки, что у нее ведь было 10, я думаю, что она освободилась по досрочному. Также и Аленушка.

Забавное сочетание – Викт<ор> Андр<еевич> и Люсик⁵! От Шерв<инского> я не могу опомниться. Тем более что была здесь знакома с женой талантливого и интересного молодого человека, бывшего ошастливленным знакомством с Серг<еем> Вас<ильевичем>.

О З<ее> я не хочу ничего говорить. Кто что путал – потом разберем, если имеет смысл разбирать. Есть же граница темному – я ни одной плохой мысли о нем не допускаю и очень рада, что «утрясла» этот вопрос для себя.

А ты, дружок, не замечаешь вопиющего противоречия в твоих фразах: «Умирать я, дитя мое, не собираюсь... Возможно, что в условиях идеальной безмятежности удалось бы проскрипеть еще несколько лет»?

Заявлений, мне кажется, никаких никому больше писать не нужно. Я думаю, что к вам тоже должна выехать комиссия по пересмотру дел, которую ждем мы. Зайчик

мой хороший, если есть еще какие-то силенки – собери их, надо бы еще не проскрипеть, а прожить, и долго. Ты ведь мне давно обещал, что долго проживешь. Родной мой, хо-рошенький Зай, очень тебя прошу, гони от себя всякие вол-нующие и тревожные мысли, все как-нибудь устроится.

Я никак не могу найти, что читать в первомайском концерте, хочется что-нибудь хорошее. Скажи З<ее>, что я ему очень благодарна за тебя, очень хочу его видеть и почти верю в реальность этого. Что он для меня – один из нескольких, очень немногих, людей на свете, связанных тоненькой теплой ниточкой. Маленькая фотография, вло-женная в это письмо, послана НЕ Зайке, смотри НЕ стащи, у тебя такая есть. Я думаю, что вы скоро должны расстать-ся. Может быть, вы опять ничего не поняли?

Спокойной ночи, дорогой мой.

Твоя Алла

¹ Желобовский Игнатий Александрович (1895–1963), друг Ко-валенских и Д.А.

² Жуков Михаил Андрианович – следователь отдела «Т» МГБ, старший следователь по делу Д.А.

³ Здесь имеется в виду поэма «Химеры» А.В. Коваленского.

⁴ Татьяна Владимировна Усова (1904–1992), осуждена по делу Д.А.

⁵ Люсик – домашнее имя Андреева (Андреевского) Леонида Аркадьевича(1903–1974), двоюродного брата Д.А.

53

1 мая 1956

Хороший мой! С праздником!

Ну вот наконец спокойный день, и я пишу тебе спо-койное письмо.

Как тебе нравится парочка на фотографии¹? Это мы снимались в тот день, когда приезжали к ним с концертом. Я, как видишь, в своем «эстрадном» туалете.

Как ты можешь понять из факта получения фотогра-фии, я получила от него письмо. Мечтает о воле и о том, как он с Тamarой приедет к нам в гости и мы к ним. От-ношения с ней, очевидно, наладились, пишет регулярно,

живет в Минске у брата, работает на кислородном заводе, потому что больше нигде не устроилась. Ждет не дождет-ся Колю, а если он останется здесь, но несколько в иных условиях, она приедет к нему. Видно, что он страшно на-мучился без семьи. Маме его как будто немного лучше. Получил письмо от тети Шуры, она живет в Новгородской области, к Коле и Тамаре относится очень тепло, переда-ет тебе привет. Пишет (Коля, а не тетя Шура), что ничего не получает от Алекс<андрова>, и боится, не повлияло ли на переписку блестящее служебное положение его. Может быть, Коля написал своим старикам, чтобы они привыка-ли к мысли о переезде куда-нибудь. Он, если освободится, домой ехать не хочет. Пишет, что здоров, очень хорошо ра-ботает. Понятно, что тебе и привет, и поцелуй. И даже мне. О себе мне писать нечего. На деревьях маленькие листики, на проводах сидят и высвистывают что-то скворцы, а Кры-ска (кошка) нянчится со слепым еще детенышем, это очень забавно.

От родной моей девочки получила одну маленькую открыточку. Это не ее вина, она пишет и так же тоскует, как и я. Как я хотела бы, чтобы мы были все вместе!

Вечер. Недавно узнала, что Джони увезли в Ригу на переследствие.

Родной мой, когда мы увидимся, я расскажу тебе все, что мы за этот маленький период пережили, и ты простишь мне мои редкие и бестолковые письма. То есть, я знаю, про-стишь ты мне это и теперь, но тогда поймешь, почему я так мало и плохо пишу.

Милый мой Заинька, если можешь, сохрани немнож-ко силы. Комиссия по пересмотру будет везде, будет и у вас, значит, нужно быть готовым к короткой, но очень ответственной и нервотрепательной процедуре. Сегодня днем было тихо, я читала вслух о смутном времени². Это совершенная вещь. Так просили меня тебе сказать, а я с этим согласна.

Заинька, хороший, у меня ни слов, ничего не хвата-ет, чтобы передать тебе, что в моей душе делается, когда я думаю о своей девочке. Наверное, она совсем случайно не моя дочка. Как ты расстанешься с З<еей>?

Господь с вами, милые мои.
Спокойной ночи.

Алла

Коля еще просит передать привет Пете³ – ты сможешь?

¹ Фотография А.А. и Н. Садовника.

² Речь идет о поэме Д.А. «Рух. Симфония о Смутном времени».

³ Петр Прокофьевич Курочкин (р. 1934), сокамерник Д.А.

54

6 мая 1956

С Праздником, дорогой мой, хороший мой Заинька!

Я уже отдохнула и живу теперь совсем спокойно, даже читаю, чего давно не было И даже немножко возилась с «Каменным гостем». Не могу только понять, хорошо или плохо. Мне, конечно, очень мешает то, что у меня очень разболтался рисунок (никогда не бывший особенно крепким). Если б было можно, в любую студию пошла бы с годик порисовать, и все бы восстановилось.

Знаешь, Заинька, 2 мая я гуляла в лесу и, конечно, мечтала о том, чтобы уложить своего Зайку около какого-нибудь ручейка, раз уж он больше не может прыгать, мой бедненький. Твое здоровье и судьба Джони и ее папы – вот то, что меня мучит. А обо мне не надо беспокоиться, и будущее как-нибудь наладится. В далеком будущем я совсем уверена, лишь бы только до него дожить. Если б я хоть что-нибудь понимала в твоём здоровье! Конечно, кроме больного сердца ты себя, как всю жизнь, сжигаешь тем, что слишком много занимаешься. Но ты всю жизнь это делал, и, как я поняла, у меня мало надежды на то, что впредь будешь больше беречь свои силы.

Как я волнуюсь о девочке, не надо тебе и говорить, дорогой мой. Лишний раз вижу, как мало я жалела маму – конечно, мне было гораздо легче жить здесь, чем ей – думать, что я здесь.

Серая кошка с ужасным именем – Крыса – родила черно-белое уморительное существо. Эту кошку мы звали

Джониной подружкой, она всегда садилась рядом с ней на диванчике и чуть не доконала меня слезами на глазах по поводу Джониного отъезда и долгими поисками по комнате. Курносый котенок тоже уже начинает напоминать мою маленькую – у нее было совсем детское личико, когда она спала. Рух почти переписан. Как ты думаешь, он мне нравится больше Грозного из-за моей любви к свободным ритмам? Я сама не могу разобраться. Завтра или послезавтра уезжает на волю одна моя приятельница. Она едет в Сибирь и, возможно, даже дальше – на Дальний Восток. Вот и сидим сейчас вместе и пишем. Дорогой мой, хороший мой, я понимаю сама, как совершенно недостаточны сейчас мои письма, но я не в состоянии сейчас писать других. Начиная с завтрашнего дня, буду ждать письма от тебя и немножко боюсь очень уж сама бестолково писала, вероятно, как ни старалась держаться, все-таки волновала тебя. Ты как-то смеялся над странным прозвищем девочки. Ну, конечно, надо говорить Валия Круминыш, но мы все привыкли к ее случайному, немножко хулиганскому названию. Сейчас они с отцом почти вместе, только уж лучше бы не надо. Если ее мама жива, то Вадим скорее может ее увидеть, чем она¹. Где З<ея>? Не уехал еще? Вы у меня бываете туповатенькие мальчишки, ну, ничего. Если вы еще вместе, передай от меня привет, поздравление с нашей Пасхой и, как всегда, горячее пожелание счастливого пути.

До свиданья, дорогой.

Твой Листик

Конец III части Руха:

«...отрываясь от народа,

Ввысь, Свободная Душа».

Это не ошибка? Не Соборная²?

¹ Речь идет о возможном отъезде В. Круминыш за границу.

² В предпоследней строфе части третьей «Симфонии о великом Смутном времени» «Рух» («Русские боги») действительно правильно: «Ввысь, Соборная Душа».

55

10 мая 1956

Дорогой мой!

Жаль, что ты не пишешь, каким именно путем собираешься освободиться. Я думала, что Комиссии Президиума Верховного Совета по разбору дел выедут к вам позже, осенью, но, может быть, я и ошибаюсь. Очень жаль, что из твоего письма нельзя понять, что конкретное вызвало такой прилив оптимизма. Это письмо пишу очень спешно, оно будет только деловым.

Подмосковный совхоз уже отпал. И слава Богу, ничего в нем привлекательного не вижу. Если удастся вырваться, то я еду сначала в Москву, к старикам, и уже оттуда уезжаю туда, где найду работу выгоднее. Латвия была бы лучше всего, но не знаю, как туда попасть. Джони и ее отец – в Риге на переследствии, когда и с каким результатом оно для них кончится – нельзя сказать. Исходить надо из моей работы, потому что она будет служить основой будущей жизни. Относительно твоей пенсии – не знаю, хотя надеюсь, что она может быть восстановлена. Конфискация компенсируется (и то не всегда) только при полной реабилитации, а на это напрасно рассчитывать.

Попробуй при освобождении поднять вопрос сам о пенсии. Не будь легкомыслен, отнесись внимательно к каждой бумажке, какую будешь получать. Если освободить будет Комиссия – поговори об этом с ними. Имей в виду, что Комиссия освобождает не механически, и при наличии неумного поведения с твоей стороны ты можешь застрять или выйти на поруки, а не «вчистую». Только пойми: я ничего не диктую, даже ничего не прошу. Только одного: что бы ты ни сделал, как бы себя ни вел, пусть это будет обдуманно и сознательно, чтобы потом не жалеть. З<ее> скажи, что Комиссия, мне кажется, должна и его касаться. Если будешь уезжать раньше его, попроси на месте разрешения писать ему. Этого можно добиться.

Хоть у меня и встает вся шкура дыбом при мысли о тебе в инвалидном доме, но, конечно, это пока самое пра-

вильное. До той поры, пока я встану на ноги и мне будет, куда тебя взять.

О бывших друзьях: Биша в Москве. Больше ничего не знаю. Саша здесь, думаю, что ближайший месяц-полтора вопрос с ним решится, как узнаю – напишу. Больше ничего ни о ком не знаю.

Боюсь, что наша радость и ожидание встречи преждевременны, но, во всяком случае, в ближайшее время уточнятся перспективы. Это сейчас говорит моя всегдашняя осторожность.

Да, о районе Ташкента: ты не выдержишь жару с таким сердцем. А почему Ташкент? Что или кто там есть?

Ну, ничего, мой дружок, все устроится. Письмо приходится кончать.

Я мало пишу о Джони, потому что моя тревога о ней и об ее отце не укладывается в слова.

Если судьба З<ей> сложится так, что он будет здесь, – будем вместе, правда?

Целую тебя, дорогой, и его тоже.

Листик

56

17 мая 1956

Дорогой мой!

У меня ничего нового. Понемножку работаю, кругом – удивительная тишина, которой я была лишена 9 лет. Хожу в кино (видела чудесную «12 ночь») и развлекаюсь, глядя на Крысиного (кошкиного) малыша. Сколько времени это будет продолжаться – неизвестно.

Никак не могу выяснить Сашину судьбу. Проще всего, конечно, было бы ему написать мне, но ни он, ни Г<алина> Ю<рьевна> этого не сделают – у них поразительно отсутствует понятие о том, что отношения отношениями, а общая трагедия – сама по себе, независимо от отношений.

Я тоже считаю «Рух» самым удачным, и у меня камень с сердца свалился, когда ты это написал. А не пишу я ничего по этому поводу – по поводу всего – так же, как и

по поводу окончания большой работы, именно потому, что имею сказать так много, что в письме нечего и начинать.

Я лучше выскажусь на гораздо более скверную тему, разговор о которой все время откладывала до встречи, но теперь, в силу ряда причин, думаю, что лучше уж выскажусь сейчас раз и навсегда. Это – по поводу «босикомохождения».

Что ты «умрешь, если обуешься», ты мне не говори. Если ты и я не умерли за эти 9 лет, проведенные в таких условиях, в каких мы их провели, то смешно говорить о том, что ты умрешь, если на несколько часов в день – причем при удачном стечении наших обстоятельств, не каждый день – будешь обуваться так, как обуваются полтора миллиарда людей. Между прочим, точно так же, совершенно безапелляционно, ты заявлял 9 лет тому назад, что умрешь, если мы расстанемся. Не умер и в отношении творчества провел эти 9 лет с большим толком, чем со мной.

Значит, говори просто – не хочу. И очень сильно. Дальше, в одном из писем ты переходишь на лирику; «Я измучил тебя и маму своим босикомохождением». При чем тут я и мама? Надо совсем с другой стороны подходить. Если ты категорически отказываешься ограничить себя хождением босиком только дома и в деревне, это значит: жить с моими – не будем. Так как я легче всего могу найти работу в городе, очевидно, или будем жить не вместе, и я буду только приезжать к тебе, или должна буду ездить на работу далеко. Мы никогда вместе не пойдем ни в кино, ни в театр. Но это все – потери и осложнения только для меня. Хуже другое: я уверена, что приближается время хорошей, настоящей жизни, что через несколько лет сможем увидеть все, что нам так хотелось видеть. Это ты вычеркиваешь из своей жизни сам. И дело не в том, что я такая мешчанка, что не пойду в гости (к Вадиму, напр<имер>) с босым мужем и с мужем в тапочках, а в том, что это – абсолютно невозможно (и не будет возможно при нашей жизни). И напрасно ты мечтаешь о другом личном весе и ссылаешься на Толстого. Он в толстовке и босиком ходил у себя в усадьбе, а в Москву приезжал в обыкновенном виде. Я считаю, что всякий человек имеет право на любые привычки, капризы, чуда-

чества – у себя дома, но не на то, чтобы из своих привычек делать культ. Ты мне рассказывал о зимних прогулках при луне жены Вадима Софронова¹. Обладая четвертью твоего ума, она могла бы тоже теоретически обосновать эти свои прогулки, это не трудно и объективно – правда, но что ты сказал бы сам, если б она заявила, что ходить в другом виде согласна не больше часа в особо торжественных случаях и то только в купальном костюме, иначе умрет.

И еще я не понимаю, как ты можешь, рядом с проблемами, которые нас ждут и решить которые необходимо: где жить? как жить? как работать? твое и мое здоровье, старики, друзья, наконец – твое и мое творчество, при полном несоответствии их масштабов, я тоже имею право думать о том, чтобы не только зарабатывать, – как можно рядом со всем этим ставить еще и эту, с позволения сказать, проблему.

Вот, Зайка, даже не прошу не сердиться, потому что все равно иначе думать не могу.

Листик

¹ Вадим Андреевич Сафонов (1904–2000), писатель; сокурсник Д.А. по Высшим литературным курсам; его жена, Валентина Гурьевна Сафонова рассказывала, что однажды ходила босиком по снегу под окнами добровского дома вместе с влюбленной в Д.А. А.Л. Гублер, по ее настоянию.

57

18 мая 1956

Вчера утром написала тебе письмо, а вечером только потому не принялась писать это, что очень плохо себя чувствовала.

Я понимаю, что от того письма ты и расстроился, и разволновался, но в конце концов надо же поговорить и на эту несчастную тему. Я только хотела бы, чтобы ты не делал из моих слов вывода о какой-нибудь своей непонятости или одинокости. Мне даже нечего особенно трудиться понимать, но люди не поймут никогда, а жить на необитаемом острове нам не удастся. Мы всегда жили очень изоли-

рованно, эти годы ты провел в предельной оторванности от людей, но я – в самой гуще человеческой массы. Я ни в коей мере не могу сказать, что научилась любить людей (в массе, толпу) или уважать их. Наоборот, я, кажется, никогда не была так далека от этих чувств, как теперь. Но я, сделав огромное количество глупостей, дорого мне стоивших, в конце концов немножко научилась с ними жить. И я прекрасно знаю, что, будь ты Гете, а я – Рафаэль (последнее – очень далеко, но первое почти или совсем так), мы зайдем в жизни такое место и найдем такую работу, как будем одеты и будем выглядеть с самой обывательской точки зрения. Люди – это быдло, которое простит любое отклонение от моральных и этических норм, но не простит нарушения каких-то привычных правил общежития. И это становится все сильнее. Отчасти это объясняется многолетним пренебрежением к некоторым правилам, теперь вся жажда «красивой» жизни так прорвала плотину, что, кажется, в Большой театр идти можно уже только в вечернем платье и т. д. Характерно, что мои нигде не бывают из-за того, что у мамы нет соответствующего туалета, а шить его она не хочет, потому что у нее всегда хватает денег на нас, но не хватает на себя. И именно в силу папиного научного веса она не имеет права не соответствовать этому его весу так, как это «принято».

Конечно, есть один выход: сразу преподнести тебя как тихого помешанного. Боюсь, что это тебя устраивает, но меня – мало. Хотя я и не говорю в письмах того, что думаю о твоём даре и о том, чего тебе удалось достичь, но я ценю это так, что мне больно от мысли, что это огромное будет обесценено и закрыто от людей тем, что в их глазах будет выглядеть как юродство. А это будет так.

Людей и их законы приходится принимать так же, как физические законы: никто не может безнаказанно шагнуть из окошка пятого этажа, и еще Рембрандт погиб от неумения «жить с людьми».

Я вовсе не жду, даже если пребывание здесь подходит к концу, что меня, начиная от здешних ворот, ждет дорога, усыпанная розами. Я знаю, что будет очень трудно и сложно, но верю в свои силы и в то, что в конце концов

справлюсь с жизнью. Жизненная программа у меня следующая: первое – найти работу, чтобы снять со стариков материальный и моральный груз. Второе – обеспечить тебе возможность творчества. Третье, если удастся, не остаться совсем без творчества самой. Все это усложняется невозможностью сейчас уехать в Сибирь, где все в 10 раз легче. И все-таки я считаю эту программу выполнимой. Если ты вместо помощи хочешь еще затруднять мне борьбу – твоё дело. Приму это во внимание так, как принимаю твою болезнь.

О Джони больше ничего не знаю. Получила письмо от ее отца, очень меня удивившее. Ее увезли 28.IV, а он еще 6.V на месте. Ничего не понимаю и беспокоюсь страшно. За последние полтора месяца у меня появилось больше седых волос, чем за 9 лет.

До свиданья, родной. Очень большой привет З<ее>. Мне бы очень хотелось, чтобы вы меня немножко поняли.

Твой Листик

58

19 мая 1956

Родной мой Зайчишка!

Наобижала тебя в двух письмах и теперь мучаюсь.

Главное, что ты, конечно, сделаешь вывод, что я ничего не понимаю. Милый Зай, если б ты только мог себе представить, как я понимаю тебя и сколько у меня своих таких же трудностей!

Так уж и быть, пожалуюсь тебе на свои, аналогичные твоим, «проблемы».

Я хожу зимой в валенках, дома – в войлочных тапочках, и в этих же тапочках сижу дома летом. На улице летом, осенью и зимой выхожу во всякой обуви и ни в какой не могу ходить, не мучаясь. Болят ноги во всем. Кроме того, у меня вовсе не один раз был насморк гайморитного характера, как тебе писала мама, которая все путает. Гайморит – это воспаление внутрискуловых костей, под глазами, а у меня почти постоянно – фронтит, т. е. воспаление лоб-

ных пазух – лоб над глазами. Промоченные или замерзшие ноги – катастрофа, но даже чуть озябшие (например, малейшая попытка пройтись босиком не по разогретой солнцем земле) вызывают чихание, насморк, воспаление горла и боль во лбу. И, кроме того, боль в нервах ног до самой поясницы. Голова у меня закутана всегда, кроме самых теплых дней. Милый летний дождик или ветерок, который я так люблю, – и я должна одевать платок. Зимой я хожу в меховой шапке, надвинутой на нос, и в большом платке или пуховой косынке – поверх этой шапки. До самых теплых весенних дней я вынуждена отчаянно закутывать лоб. Иногда зимой я еще под шапкой завязывала его. Иначе очень больно и плохо. Только я под все это не подвожу метафизической основы, во-первых, в силу более плоского склада ума, во-вторых, потому, что очень трудно подводить метафизическую основу под войлочные тапочки – под обнаженные ступни гораздо легче. И вот, родненький, как я буду из всего этого выпутываться, я не знаю, но знаю одно: только в сибирской деревне можно ходить в костюме Марфы Посадницы, а во всех остальных местах придется быть модной и изящной, даже если это будет в ущерб здоровью.

Но я думаю, что, когда изменятся условия жизни, приспособится к ним и организм.

Я тебе должна сказать, что была бы очень рада жить не в городе. Насколько тебе необходима природа, я чувствую, а мне тоже жаль будет не видеть ни весны, ни осени так, как я их вижу здесь. (Зиму рада была бы не видеть, слишком уж она тут страшно доставалась.) Но исходить-то надо не из того, что хочется, а из того, как удастся устроиться с работой.

Не знаю, Даник, очень мне больно думать, что, встретившись после стольких лет разлуки, мы даже не дойдем до споров о серьезных вещах, а в самом начале споткнемся на вопросе, должен ли человек соответствовать своим внешним видом установленным понятиям или может в солидном возрасте затевать что-то вроде «желтой кофты».

В деловом отношении – ничего нового, и, мне кажется, еще с месяц ничего нового не будет.

Джони 16-го была еще в Москве.

Спокойной ночи, родной. Привет З<ее>. У него завтра Троица? Поздравляю, если так.

Листик

Слушай, неужели поздно заменить слово «Велга»¹ таким же по звучанию и количеству букв, но не имеющим этого смысла?

¹ Велга – в «Розе Мира» демон женственной природы; см. СС, 3, 145 и далее; ранее А.А. писала Д.А., что Велга по-латышски – вода; см. СС, 4, 382.

59

24 мая 1956

Родной мой Зайчинька!

Опять перечитывала твое письмо и опять мучилась из-за своих, написанных. Но я же не могу сказать ничего другого, ведь совсем не во мне дело!

А теперь я себе представляю, что тебе опять хуже из-за моих писем, и совсем не знаю, что делать.

Зайчюк, я знаю, что ты так болен, что я все время должна об этом помнить, но мне так нужно относиться к тебе не только так, не только, как к больному ребенку. Ты понимаешь: ты – мой дорогой, больной ребенок, Джони – больной ребенок, да еще в таком страшном положении, как сейчас, Дюканушка и мама – старики, Джонин отец – старик. Я не жалею, я даже уверена, что со всем этим хозяйством в конце концов слажу, но иногда мне трудно.

Ты просишь, дорогой, писать о моих переменах. У меня пока никаких перемен. Если освобождение придет этим летом, то поедем в Звенигород, а там будет видно, правда?

Зайка, не просись в инвалидный дом. Может быть, это и умно, но я этого не могу вынести. Мне нужно быть с тобой. Если ты освободишься, попроси, чтобы тебя, по состоянию здоровья, не трогали, пока я за тобой не приеду.

Может быть, мы рано собираемся? Не знаю, мне сегодня что-то очень трудно.

Просишь писать о старых и новых друзьях. Солнышко, новые сейчас находятся в стадии устройства своих дел, а что касается старых, то ведь никто из них не поможет. Не надо сейчас голову ломать ни над чем, если придет освобождение, тогда и будем решать. Только одного не могу, не хочу – тебя в инвалидном доме. Мне надо вместе.

Мне кажется, я знаю, какие у тебя возражения против Латвии, и еще кажется, что я именно поэтому туда и хочу.

Джони еще в Москве. Это совсем невыносимо, потому что бессмысленно: она на пересылке, значит, совсем зря теряет время в очень тяжелых условиях. Ухитряется писать маме бодрые открытки, это чтобы успокоить меня, но я ничуть не успокаиваюсь.

Мне очень страшно подумать о тебе и о З<ее>. Почему он не уезжает, что случилось? Это тоже была бы разлука, но совсем не такая. Скажи, что я все время говорю ему то, что ему хотелось бы, и что сказать, что я ему бесконечно благодарна за тебя, это мало, скверно и пошло.

У Коли сейчас не должно быть ничего нового. И возможно, что до них не доберутся еще месяц-полтора.

Заинька, ты не горюй из-за своей временной «отупелости», и Бога ради, если кончил, то подожди приступить снова к занятиям. Как ты не понимаешь, что испортил сердце именно этим всем – в основном. Подожди, лучше стань на время еще тупее, это потом пройдет, но дергать еще сердце больше нельзя. Я постараюсь больше не писать противных писем, потом поговорим, если удастся.

Спокойной ночи, мальчики, Господь с вами.

Листик

60

30 мая 1956

Золотой мой Заинька!

Ничего не происходит. Живу очень тихонько, работаю очень мало, прекрасный воздух, соловьи поют чуть не под окном, освоили ажурную вязку, даже читаю, чего давно не было, играю с котенком – и ничуть не поправляюсь оттого,

96

что непрерывно волнуюсь. Волнуюсь обо всем: о тебе, о себе, о Зее, о стариках, о Джони, о ее папе, об освобождении, о Комиссии, о дальнейшем устройстве – без конца. Доволивалась до того, что не могу спать, а этого не было девять лет.

Джони уже уехала в Ригу. Маленькая моя доченька, только она знает, как я тревожусь за нее и ее папу!

О вашей разлуке тоже просто не могу думать. Вообще, ни о чем не могу думать – и все время думаю. Как всегда, помогает вышивание или вязанье – это достижение, которого ты еще не знаешь.

До твоего письма еще 10 дней! И придет оно, вероятно, плохое из-за этой босоногой полемики! Хотя ставь восклицательные знаки до конца четвертой страницы!!.....

А ты помнишь наш смешной спор относительно одностороннего и двустороннего костюма? Ты говорил, что очень не любишь, когда человек одет несоответственно возрасту, и не хотел шить одностороннего костюма, считая, что уже недостаточно молод – тебе не было 40. В 50 ты, очевидно, считаешь вполне приемлемой комбинацию из двустороннего пиджака и босых ног или, еще лучше, маскарадный костюм.

Ну, ладно, перестану...

Знаешь, дружок, если тебе не попадалась книга Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми», то мы ее специально будем искать, когда сможем. Я мало читала таких хороших современных книг.

Хороший мой, я себе придумала новое мученье: а вдруг я не успею освободиться раньше, чем Комиссия придет к тебе! А вдруг сейчас у тебя уже все позади и все плохо кончилось! Видишь, какая опять «умница Эльза».

Я, конечно, постоянно думаю о твоём здоровье и прихожу к выводу, что многое в нем должно измениться с изменением условий, а за многое поблагодари Грозного и прочих.

Ну, что ж, дорогой, до свиданья. Большой, большой привет З<ее>. Очень жду письма, чтобы там была не только апология босого шествования.

Наша кошка – Крыска сошла с ума, бросила ребенка и удрала к котам – дурные человеческие примеры заразительны, – теперь этот малыш проснулся, и я сейчас буду

97

его учить лакать молоко. Сегодня я с ним снималась, и у меня исцарапано поэтому все горло.

Целую.

Листик

61

8 июня 1956

Милый, пишу просто потому, что давно не писала и ты волнуешься.

Жизнь наполнена мелкими бестолковыми событиями: переездами из комнаты в комнату, войной с комарами и прочей ерундой. Серьезных событий никаких. Настроение нелепое – ничего не поймешь. Очень тревожусь о тебе: во-первых, потому, что всегда тревожусь, особенно перед получением очередного письма; во-вторых, потому, что очень наобижала, и, в-третьих, оттого, что последнее письмо твое было такое бестолковое, одно «настроение», для которого я вижу очень мало оснований, а своих оснований ты мне не написал. Вот теперь тревожусь и злюсь. И очень злюсь на бездонную, беспредельную, не имеющую права на существование, бессмысленную и бездарную наивность стариков. Это уже просто что-то патологическое, потому что заподозрить папу в отсутствии ума я не могу. Жаль, что лес, можно сказать, закрылся. Представляешь себе: можно только почти бежать бегом, безумно размахивая веником и зыряка по сторонам, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Никогда не пойму: что, Шишкина комары, что ли, не ели?

Психические выверты стираются довольно быстро, надеюсь, что на воле смогу вести себя почти как человек, только перестаю надеяться на то, что это произойдет скоро, т. е. выход на волю.

Очень жду твоего письма, тревожнее, чем всегда. Если все благополучно, оно может быть начиная с завтрашнего дня.

Большой привет З<ее>.

О моей девочке – ничего. Спокойной ночи, родной.

Листик

62

10 июня 1956

Мой хороший!

Вчера пришло твое письмо – как всегда, когда я совсем разнервничалась по поводу тебя.

Собственно, тревога и сейчас ничуть не меньше, но хорошо хоть, что 2 июня ты был сравнительно жив – дата твоего письма, а через несколько дней я опять начну волноваться. Видишь ли, я мало верю в нашу скорую встречу, очень боюсь, как ты, с твоим сердцем и нервами, переживешь эпопею с Комиссией, когда она у вас будет, потому что это – совсем не пустяк. История с З<еей> мне тоже что-то не нравится, я понимаю, что подробнее нельзя, но мне от этого не легче. Что касается девочки, то относительно места, где она находилась в Москве, не спорю, очень может быть, что ты прав и там было не так плохо, но дальше, к сожалению, у меня не материнское кудахтанье, а вполне обоснованное волнение.

Зная сейчас подлинную атмосферу, царящую на том этапе, который пока проехал мимо меня и которого ты ожидаешь, я считаю, что оснований для пессимизма ровно столько же, сколько было и раньше. А процессы – процессами, и события – событиями.

Я совсем перестала думать о будущем. Во-первых, рано, а, во-вторых, решать придется не по здравому смыслу, а по стечению обстоятельств. Так пусть обстоятельства сами и решают.

По здравому смыслу поступила одна моя приятельница, кстати, очень, по-настоящему, ценящий тебя человек. Она выехала отсюда в Омск, к своей подруге (нашему бывшему режиссеру), и провела там 20 дней. Эта ее подруга – жена режиссера Радловского театра. У них она выяснила несостоятельность попыток устроиться в Ленинграде (это – родной город Веры, о которой я тебе рассказываю, и там до войны находился театр Радлова), выяснила для себя возможности Омска, села в поезд и поехала дальше. Немножко не доезжая Хабаровска есть город Свободный, а от Свободного – 200 км самолетом или автобусом – зо-

лотой прииск Октябрьский. Вот туда она и залезла к женщине, которая оттуда попала сюда, а от нас, по амнистии матерей, вернулась опять туда же. И вот вчера я получила телеграмму от Веры: «Возможности лучше ожидаемых, очень ждем». Теперь жду письма, которое авиапочтой идет 7-8 дней. Вот это – правильный поступок, но, даже если мы и вылезем из ящика, мы, к сожалению, туда уехать не сможем по разным, важным и неважным, причинам.

Много на тему об одежде писать не буду, но промолчать, конечно, не могу. Ты ошибаешься, думая, что меня захватила потребность «красивой жизни». Я очень хочу наконец удобной жизни: не колоть дрова, не топить дымящую печку, не мерзнуть зимой и не задыхаться в комариной гуще летом, не решать сложной проблемы – как вскипятить чай и т. д. А от моей любви к нарядам не осталось ничего. Все более или менее нарядные тряпки я отправила посылкой к маме, еще когда верила в скорое освобождение. Сегодня – воскресенье, у нас полагается наряжаться и накручивать локоны. Единственная моя приличная юбка и блузочка висят на вешалке, локоны, слава Богу, уже раскрутились, скоро можно будет их подобрать, и я валяюсь под сосной в одном из двух своих обожаемых платьев – безобразная ситцевая рубашка. Вот так я себя хорошо и свободно чувствую, но так можно быть только в деревне. Что касается моды – полутораметровых плечей и юбки выше колен я не одела ни разу, как это ни было модно, но в маскарадном костюме, как бы красив он ни был, ходить можно только дома.

Кстати, не я «ставлю знак равенства между общественными приличиями и дурацкими предрассудками», а он стоял, стоит и всегда будет стоять в глазах того, что называется обществом и что уважать невозможно, но с чем приходится считаться. Говоришь – в Мадрасе ходят босиком. Ну, так это в Мадрасе, а не в Москве. Почему-то в Москву и Неру, и Ч–ну, и бесконечные индусские артисты приезжали обутые.

Между прочим, меня поразила одна вещь; насколько красив индусский женский костюм, настолько безобразен мужской. И бирманский мужской – тоже (женского не

знаю). И еще мы фыркали на европейский мужской костюм! – да это поэма, по сравнению с нелепым, карикатурным видом, который имели эти бедняги.

Теперь о твоём здоровье, родной. Оно и не станет лучше в тех условиях. Инфаркт можно – т. е. последствия его – ликвидировать исключительным покоем, прекрасным воздухом и специальным питанием. Кроме того, у тебя сильнейший невроз сердца и общий невроз и невроз желудка. Это – мой собственный диагноз, поставленный частично по аналогии с собой. У меня не было инфаркта и даже близкого к нему состояния не было, и это меня спасает. А резкие движения, физические усилия, подъемы – для меня тоже проблема. И реакция сердца на все, даже на мысли – тоже, только это все в 50 раз слабее, чем у тебя. Ходить я могу много и быстро, лишь бы по ровному месту. Жары больше не выношу совсем, так что, если ты и мог бы жить в районе Ташкента, – я не могу. Что касается гастрита – тоже старый знакомый, причем я убедилась, что его корни – тоже нервные. Мне всегда приходится есть очень осторожно, но бывают периоды, когда я могу есть почти много и почти все, а бывают времена такие, что я совсем не могу есть. И это наступает всегда после какой-нибудь передраги. И потому этот гастрит и влияет на состояние сердца.

Чтобы ты не представлял себе меня совсем развалюшкой, я тебе опишу вчерашнее свое приключение.

Мы живем в нескольких километрах от железной дороги. Одному человеку нужно было ехать к утренней теплушке, и он попросил меня поехать с ним, чтобы я привела обратно лошадь с таратайкой; возчики были заняты, и никто не мог ехать, а оставлять лошадь на станции с утра до вечера нельзя. Я к лошадям никакого отношения не имела, но мне вдруг захотелось попробовать, и я согласилась. Туда этот человек правил сам, на станции проверили всю упряжь, все поправили и починили, и я села. То ли нашего Буяна замучили овода, пока он стоял, то ли он почувствовал неопытные руки, но он с места понес, не слушал ни вожжей, ни «тпру» и остановился, умница, только налетев на торчавшую из земли зачем-то рельсу и почти перевер-

нув тележку со мной. Бедный мой перепуганный спутник бежал так же, как лошадь, и сразу подхватил и коня, и меня, и расплзающийся шарабан. Потом он сел рядом и проехал немножко, показывая мне, как надо натягивать вожжи; затем слез, и мы с Буяном полетели по лесной дороге. Примерно треть пути мне пришлось так натягивать вожжи, что я только теперь знаю, что такое «держат на вожжах», – это значит буквально руками, держащими вожжи, сдерживать лошадь. Потом конь успокоился, и мы ехали прекрасно, если не считать, что посередине дороги он вдруг свернул прямо в лес и еще раза три соскакивали какие-то проволочные тяжи, которые трудно было одной поправлять, потому что лошадь мучили овода и она не хотела стоять. Последнее приключение было уже дома: Буян въехал в конюшню прямо с таратайкой, не пожелав остановиться во дворе. Девчонки-конюхи куда-то сбежали, и мне пришлось распрягать. Я развязала все, что развязывалось. Буян совал мне морду в руки до тех пор, пока я не поняла, что он меня просит расстегнуть пряжку и разнуздать его (кажется, это так называется), только хомут я снять не сумела, и он пошел гулять по конюшне в хомуте. В результате я отделалась ушибленной и распухшей рукой, а начальник – испугом за меня, потому что первым делом, вернувшись вечером, спросил, как Андреева. Мне жаль, если меня больше не пустят, потому что мне очень понравилось.

Еще я вчера пошла не по той дороге на речку и прошла туда и обратно шесть километров лишних, а вечером была в кино и поздно легла. И все сошло благополучно, сегодня только немножко усталая и разбитая.

Ты меня, конечно, поразил фразой о Диме, но я понимаю, что больше ничего не скажешь.

[Зачеркнуто:] А вот должна сознаться, что я – балда. Ты пишешь об «истории с С.Н.»¹, а я ничего не понимаю, даже кто такое С.Н. Какая я дура! Дошло. Никогда так не говори.

Заинька, если случится что-нибудь экстренное – попроси разрешения написать мне дополнительное письмо. Вообще, сейчас очень трудно получать от тебя письма так редко.

О стихотворении не пишу, пока оно мне очень, очень нравится, буду читать еще. Насчет радио – сочувствую от всей души.

Целую тебя, родной мой, бедненький, и очень понимаю, как тебе сейчас плохо одному, Зайчику.

Листик

¹ Т. е. об истории с уничтоженным МГБ романом «Странники ночи».

63

12 июня 1956

Родной мой Заинька.

У меня ничего нового. Больше не хожу на работу в зону, где буду работать – не знаю, но сейчас везде легко.

Начинаю это письмо с конца предыдущего, с того, что я никак не могла понять. Зайка! Никогда не смей говорить, что нет сил пережить что-то! Неужели ты еще не убедился в двух вещах: во-первых, стоит только серьезно подумать и сказать, что что-то не можешь пережить, как именно это и случается. Во-вторых, нет такой катастрофы, какую человек не мог бы пережить. Если уж мы пережили эти девять лет, значит, переживем все, что только можно придумать. Ты не думай, что я пишу так, потому что легко отношусь к смерти Олега и Саши, отношусь, насколько это возможно, так же, как ты, и именно поэтому так и пишу.

О друзьях и знакомых – ничего нового. Возможно, что Ком<иссия> скоро будет у Коли. Что касается Саши – я ему написала письмо. Мне он ничего не ответил. Я могла бы сейчас в воскресенье попросить разрешение на поездку к нему, и думаю, что мне бы это удалось. Не делаю, скажу тебе по правде, потому, что не хочется лишний раз унижаться, просить, объяснять и упрашивать (поскольку он не близкий родственник) ради человека, который, с моей точки зрения, этого не стоит. Повторяю – с моей, но ее уже ничто не изменит. Я достаточно, в течение ряда лет, давала возможность связаться им с тобой (потому что мне никто

из них не нужен), сейчас к этому – полная возможность, а он даже не может ответить двух слов на письмо мне, написанное о тебе, как не ответил на записку, которую ему не могли не передать. А если он уехал – тоже мог известить, дело-то общее.

Получила открыточку от мамы, в которой она пишет, что Юрик разводится с Маргаритой. Я этому радуюсь не меньше, чем буду рада уехать отсюда. Только бы там ничего не сорвалось и не изменилось.

Я смотрела фильм-оперу «Борис Годунов». Великолепная постановка, замечательный типаж, но оперная манера игры очень не вяжется со спецификой кино. Она, впрочем, ни с чем серьезным не вяжется. У меня была приятельница, которая говорила, что в опере ей мешает, что люди поют, и, несмотря на видимую нелепость этого утверждения, я к нему присоединяюсь. Но кадры в «Борисе» – великолепные! Обаятельный Федор и до жути правильный Шуйский – пока молчит.

Ох, как плохо, что нельзя от тебя ждать письма! Прощу тебя, если будет что-нибудь беспокойно, попроси разрешения и напиши еще один раз, я очень волнуюсь.

Целую дорогого ясика моего.

Получила письмо от Дю – Юрка уже с ней разошелся. Ура!

Лист

64

13 июня 1956

Хороший мой!

Посылаю тебе несколько открыточек.

Я сегодня приехала в «центр» получать почетные грамоты, которые нам задолжали еще за смотр, и купила несколько открыток для тебя, мой хороший Заинька.

Сейчас бегу на поезд.

Целую тебя, родненький.

Листик

65

13 июня 1956

Открытки не влезли в один конверт.

Сегодня – 5 лет, как я приехала туда, где теперь нахожусь. Сейчас сяду в поезд и потом пойду через лес, как шла тогда, только совсем иначе.

Целую тебя, солнышко.

Листик

66

14 июня 1956

Хороший мой Зайчущечка!

Я тебе напишу совсем маленькое письмо, просто чтобы ты видел, что я всегда с тобой. Сейчас поздно, и я совсем клюю носом. Кончатся последние известия, это – 11 часов. Бедный мой Зай, мне понадобилось много лет, чтобы привыкнуть к радио, и то не могу сказать, чтобы я к нему совсем привыкла. Кстати, имей в виду, что никакие механистические меры, вроде затыкания ушей, не помогают; помогает только психическое отключение. Когда сможешь воспринимать радио так, как мы когда-то воспринимали шум города, тогда и сможешь жить.

Ты мне сегодня снился, стоял около меня и очень смеялся. Теперь я вбиваю себе в голову, что это – плохой сон. А причин для волнения мне и без снов хватает. О Джоничке думаю все время. Вернее – все время чувствую ее рядом. Иду, а рядом со мной чересчур большими шагами ступают длинненькие ножки; сижу и чувствую, что, если повернуть голову, прямо в глаза взглянут милые, серо-зеленые глазки. Бедная моя, маленькая доченька! Помнишь, как я кричала, что смогу любить только сына, и только своего? Вот в жизни все так...

Сегодня я получила посылку с антикомариной жидкостью, теперь, если ничего не случится, можно будет бывать в лесу. Даник, не думай о судьбе С.Н., ничего не сде-

лаешь, только совсем сердце истреплешь. И чем больше будешь нервничать, тем хуже.

Коля рассказывал, что дорога была так легка, что он жалел, что не взял с собой всех книг, говорил, что не тяжело было бы везти. Между прочим, у них экзамены начнутся, кажется, скоро.

Целую тебя, мой хороший, дорогая темноголовенькая птичка.

Твой Листик

67

17 июня 1956

Золотой мой Зайчик.

Это я снималась в прошлое воскресенье. Сначала я писала тебе письмо, валяясь под сосной, а после обеда все-таки немножко приделась и сфотографировалась.

Там, где я стою, у меня очень короткие ноги и большие черные глаза. И то и другое надо отнести на счет фотографа. Вот идут наши с тобой самые хорошие дни, Солнышко мое. Я немножко надеялась, что в эти дни наступит конец нашей разлуки. Зря, конечно, но мне всегда кажется, что в эти дни должно случиться что-нибудь хорошее.

Роденький мой, по-моему, ты не все мои письма получил. В частности, очевидно, не получил письмо, в которое была вложена фотография меня вместе с Колей. Хорошо, что у меня есть второй экземпляр, мы там очень мило получились,

У меня по-прежнему ничего нового. Мама прислала жидкость, спасающую от комаров, и теперь снова лес доступен.

Вчера я ушла довольно далеко, прошла лес, окружающий нас – невысокий, очень сырой, – березы, осины, липы и комары – и неожиданно вышла в хвойный бор. И поняла, что его я люблю больше за тишину, торжественность и за то, что он высокий и свободный. И очень хорошо было почувствовать после болотной сырости тепло, идущее от сосен и елей.

Зай, тебе не больно, я не дразню тебя рассказами о прогулках, мой бедняжечка?

У моих что-то не заладилось с дачей – яблони и розы, которые должны были окружать дом, померзли за зиму, и дом очутился вместо сада на сковородке.

Я боюсь, что у тебя очень душно. И наверное, тебе очень плохо одному, потому что я как-то особенно непрерывно думаю о тебе. О тебе и о девочке моей, обоим вам, дорогим, сейчас плохо.

Все мои синяки, полученные во время приключения с лошастью, заживают. Оказывается, их было много, но я заметила только руку. У меня еще ничего не выяснено с работой, но это меня не тревожит – где-нибудь буду работать пока, а там видно будет.

Спокойной ночи, мой хороший. Я сегодня не пошла в кино – не хочется, – а сейчас уже возвращаются оттуда, и надо будет ложиться спать.

Целую моего родного.

Алла

68

18 июня 1956

Я видела сегодня во сне, что ты умер, и очень плакала. И видела мой письменный столик, который был у нас в комнате. Что случилось? Наверное, какие-нибудь новости у тебя.

Я писала Джониной тете, которая живет в Латвии. Просила, чтобы она съездила в Ригу и что-нибудь попыталась узнать о маленькой. Получила сегодня письмо от ее дочки. Сама тетя в больнице, очень тяжело больна (чем – не пишут), дома трое детей – 15, 14 и 8 лет. Посадили картошку и работают в колхозе. Даже если Джони и ее отец выйдут, это все, что у них есть.

Как только я попадаю в лес, вы идете рядом со мной и смотрите на бабочек, слушаете шум деревьев. А сегодня я удрала от теленка, который направился ко мне с намерениями, описанными тобой в стихотворении, которое я так

люблю¹. Просто беда со всеми телятами, котятами, собача-
тами на свете!

У меня еще и лесной голубь был.
Спи, мой родненький.

Листик

¹ Речь идет о стихотворении «Ватсалья» из цикла «Босиком» («Русские боги»).

69

27 июня 1956

Родной мой!

Вот еще по какому поводу я хочу высказаться.

Ты что-то ничего не можешь понять в моих «переживаниях» по поводу тебя в инвалидном доме.

Дружок мой, разве дело в том, что ты будешь для меня «живым или полуживым бременем»? И меньше всего дело в материальном устройстве. Если со стариками ничего не случится, месяца три можно будет прожить у них, вернее – за их счет, а за это время я осмотрюсь и устройюсь.

Дело совсем в другом. Мне нужна не материальная, а душевная опора. Я знаю, что и душевной опорой ты мне сейчас не будешь, несмотря на твое внутреннее богатство, но мне уж очень будет тяжело, если тебя, какой бы ты сейчас ни был, не будет рядом. Пожалуйста, постарайся понять меня хоть наполовину правильно. Твоя огромная душевная сила и неисчислимое богатство, которым ты обладаешь, только твои. Может быть, я слишком плоха для того, чтобы это служило и мне опорой.

Тебя я чувствую сейчас не только физически, но не в меньшей степени – душевно, требующим охраны и заботы. Поэтому мне нестерпима мысль о тебе в условиях инвалидного дома.

Ты не сердись на то, что я не чувствую в тебе защиты. Я ее никогда не чувствовала. И, повторяю, дело не в твоём физическом состоянии, а в каком-то душевном складе. Естественно, что за эти годы я устала, и мне очень хочется опоры и защиты, а так как этого нет и не будет, то не хо-

чется такой перегрузки сознания, как ты – не со мной, да еще в условиях, кое в чем худших, чем твои условия сейчас. Мне вообще за тебя сейчас очень страшно, с тех пор как ты расстался с З <еей>. А до письма еще две недели! И что оно принесет, это письмо? У меня, возможно, скоро произойдет маленькая перемена адреса. Очевидно, нас, оставшихся, сгребут в одну кучку. Очень не хочется, но, очевидно, так будет. Дело наше находится у Руденко¹, а он болен. Сколько протянется эта канитель – невозможно предвидеть. Я уже хныкала тебе как-то, что я устала, а все мои близкие или больные дети, как ты и Джони, или старики, как Дю, Му и Джонин отец. Но ты только представь себе, как страшно, если кто-нибудь из больных детей или стариков находится на расстоянии, исключающем непосредственную заботу, тем более ты. Между прочим, из всех вас, несмотря на возраст, больше всех производит впечатление возможной опоры Джонин отец. Конечно, никак не Дюканушка – это вообще мое будущее большое горе, этот Дюканушка!

Зайка, а я вчера в лесу чуть не наступила на змею (т. е., вероятно, это был уж, но я перепугалась его, как целого гнезда кобр). Скажи спасибо, что я тебя не слушаюсь и не шляюсь по лесу босиком, опасность, грозящая при встрече со змеями, которых тут много, уменьшается в несколько раз.

Дорогой мой Зайчик с длинными ушками, спокойной ночи, у меня совсем закрываются глазки, а еще надо написать Вере.

Твой Листик

¹ Руденко Роман Андреевич (1907–1981), генеральный прокурор СССР (1953–1981).

70

30 июня 1956

Роднушенька мой, я что-то на этот раз очень рано начинаю заводитьсь – до письма от тебя еще 10 дней, а я уже сама не своя.

Только бы ты дотянул живой до освобождения, потом все как-нибудь понемножку образуется. Мне очень не нравится все, что касается твоей болезни. Я была бы спокойнее, если бы ты глотал поменьше медикаментов и, во всяком случае, только те, что присылает мама. Но она, вероятно, в этом смысле очень невнимательна, а ты никогда ничего не напомнишь.

У меня ничего существенно нового. Дня три была плохая погода, и я, конечно, простудилась. Ягод очень много, и я лажу по лесу, как медведь, как только удастся удрать. Получаем письма от уехавших. Все письма грустные – нет работы, нет места в жизни, «стеклянная стена» между вернувшимися и самыми близкими родными. Какое счастье, что мы оба с тобой прошли эту дорогу. Если даст Бог увидеться и быть вместе, хоть не будет этой, очевидно, непреодолимой пропасти между нами.

Знаешь, самые холодные, самые гордые, державшиеся здесь совершенно обособленно пишут неожиданно теплые письма. И во всех письмах одна и та же нота: «никто не понимает, даже родная мать, каждый день вспоминаю вас всех и нашу жизнь».

Все мои попытки что-то в этом смысле объяснить Дюканушке, конечно, терпят крах. Удивительный человек: такого ума, такого благородства, такого чудесного, любящего сердца – и такого полного ничегонепонимания. Представляю себе, что это будет, когда мы увидимся!

1 июля 1956

Вчера и сегодня случайно узнала кое-что о Саше. Он еще здесь, в больнице, где находится уже, по-моему, года два.

С Комиссией у него так же не получилось, как у меня, – запросили дело. С активировкой тоже все как-то недотянут. Человек, с которым я говорила сегодня, долго был с ним вместе, очень хорошо о нем отзывался, с очень большим уважением, но сказал мне, что года с 52-го он опять принялся за наркотики – какие попало, какие удастся достать. Кстати, этому человеку Саша писал. А мое письмо он получил, это я узнала еще вчера вечером. Поче-

му он так и не ответил, я так и не поняла, хотя что-то невнятное бормоталось, – не знаю, кто был невнятен – Саша или передающий.

Нас, к сожалению, дня два тому назад выселили из комнатки, в которой я жила с тремя старушками, в общую комнату. Сегодня воскресенье, и у нас чистый кабак – пришли парни из новоприбывших – нахальные идиоты. Девчонки поют хором, парни шатаются по огромной комнате и прицепляются к нам.

3 июля 1956

Ну вот и результат легкомыслия наших девушек и нахальных парней: уезжаем в другой поселок. Вообще-то, ничего особенного, плохо не будет, но очень не хочется перетаскиваться со всеми «шмутками» и очень жаль расставаться с лесом и с фактической свободой – целый месяц гуляла сколько хотела.

Сегодня послала тебе телеграмму о перемене адреса, потому что страшно боюсь потерять твое письмо в этих переездах – наш цензор очень недобросовестный.

Получила письмо от мамы. Она очень взволнована тем, что получила от «какого-то Николая» два письма, в которых он «просит оказать ему гостеприимство» и хочет поговорить с мамой о своих семейных делах. Ну, уж тут ты виноват. Что за фантастическую информацию относительно мамы нужно было дать, чтобы у такого человека, как Коля (да и у всякого другого), появилось намерение поговорить с ней о своих личных делах! Она, конечно, в панике, ну, я это все как-нибудь утрясу. Станный он человек; мне не пишет, а пишет такому абсолютно чужому человеку, как мама. Завтра наши едут туда, где он (там Комиссия), я ему напишу, жаль только, что вечером меня уже здесь не будет, когда наши девочки вернутся.

Еще вот почему жаль, что я уезжаю; я как-то сладила со своей злостью на Сашу и решила в это воскресенье съездить к нему, а теперь уже не придется: я буду далеко. Даже до железной дороги теперь будет 12 км.

Как только я туда приеду, сейчас же напишу тебе, как со мной все сложится. Ты обо мне не волнуйся, пожалуй-

ста, эта перемена не должна иметь серьезного значения, а в лесу я за месяц все-таки нагулялась.

Знаешь, дорогой, я читаю «Жан-Кристоф»¹, правда, с середины – начала нет – и мне нравится гораздо больше, чем раньше.

Голубчик мой, хороший мой Заинька, только бы твое письмо не пропало. Если 10-го – 12-го его не получу, буду писать твоему начальству и подниму невыносимый писк.

До свиданья, Солнышко, целую дорожную, бедненькую головочку.

Листик

¹ «Жан-Кристоф» – роман французского писателя Ромена Роллана.

71

Телеграмма от 3 июля 1956

Письма адресуй 385/17 очень беспокоюсь Алла

72

5 июля 1956

Живу на новом месте. Пишу открыточку, потому что устала. Пришла с поля, сейчас лягу спать, завтра опять на работу. Не волнуйся обо мне, хороший мой. Очень жду твоего письма – как ты, есть ли новости. Не сердись и не тревожься, если буду писать немножко. Дорогой мой Заинька, Солнышко мое, крепко тебя целую.

Листик

73

5 июля 1956

Родной мой!

Открылась новая страничка в моей жизни; она называется – Листик на сенокосе. Полдня шел дождь, сидели

дома и писали письма, после обеда, очевидно, пойдем на работу.

Ты не волнуйся, дружок, мне плохо не будет, по крайней мере буду на воздухе. Хорошо, что так нагулялась в лесу и наелась ягод, теперь будет иначе.

Вчера мы километров 15 ехали на машине чудесным лесом. У нас был лес более молодой и болот много. Я только в последний день нашла довольно близко от дома такое место, какие я люблю: редкие березки на возвышенности и море деревьев – внизу. А мой любимый сосновый бор был довольно далеко – километра два от дома.

Очень волнуюсь о том, чтобы до меня добралось твое письмо. Если моя телеграмма опоздала и ты уже отправил письмо, то оно сначала придет на 1, а только оттуда – сюда.

Очень жду письма от Коли, чтобы сообщить тебе, что с ним. Ты не сердись, что с мамой так получается – как-нибудь утрясется. Людям очень трудно себе представить, что у нас такие родители. Да и правда это сложные штучки. При всей маминой физиологической доброте, ей нет абсолютно никакого дела до кого бы то ни было, кроме самых близких. Кроме того, они оба – самые чужие нам люди, с которыми мы никогда не пойдем друг друга. И при всем том – чудесный, милый, по-настоящему добрый Дюканчик, с удивительно благородной душой, и мама, которой всех жалко, но которая вообще не может видеть людей и долго говорить с ними. Я Коле еще послала записку, в которой просила сообщить мне, что с ним будет, потому что моих в Москве нет. Чудак он, мне не верится, что он мне писал, и я не получила. Странный какой-то психологический выверт – навязываться маме, а мне, чтобы я могла тебе сообщить, что с ним, ни слова.

Неужели в этом письме тоже ничего нового у тебя не будет? Я думаю, что за июль – начало августа какой-нибудь конец у меня будет, а, впрочем, я ведь это давно думаю, а конца все нет и нет. Хоть бы у тебя вся эта волынка прошла побыстрее, Зайчинька мой дорогой.

Дописываю вечером, потому что после обеда вызвали на работу – пололи свеклу. Пока ничего не было страшного, спокойненько тяпали, потом пошел дождь, и мы построи-

ли смешные палатки из тяпок и сена. Потом еще потяпали и пошли домой. Широкие-широкие заливные луга, речка, за речкой – лес, видимо, дубы и липы. Липа уже зацветает, но я еще всего не разглядела. Ты, вероятно, заметил, что ко времени получения твоего письма мои становятся все глупее и пустее – это оттого, что очень волнуюсь и не знаю, что писать, все кажется неважным. А многое не пишу, потому что слишком уж много строила планов, думала о жизни, о будущем, – и все зря.

Целую тебя, дорогой мой, жду письма с ужасным волнением.

Твой Листик

74

6 <?> июля 1956

Вчера вечером пришло маленькое Дюканушкино письмо. Привожу кусочек из него полностью, чтобы ты мог полностью же мне посочувствовать.

«Только что получили письмо от Джони – с пересыльного в Москве. Она едет обратно в Дубравлаг, месяца на три. По-видимому, это ее прежний срок, которого ей не изменили».

А ее «прежний» срок – 25. Вот и понимай, как хочешь, что у ребенка осталось – 25 лет или 3 месяца. И такую записочку мне присылают, вместо того чтобы прислать ее письмо, из которого я бы все поняла. В общем, я от этого письма проплакала весь вечер и чуть ли не всю ночь и буду мучиться дней 10, пока они пришлют ее письмо. А сегодня еще в лес не пустили. Сижу, пишу письма. Днем было кино «Дрезденская галерея» – картины, которые мы героически спасли от гибели в 1945 году. В понедельник 28 апреля 1947 года я с Витей Вас<иленко> должна была идти на выставку, но в субботу¹ все пошло иначе. Хотя здесь и очень плохое оборудование, все-таки я была очень рада увидеть такие любимые вещи.

Заинька, ты не сердись, что я тебе так и пишу, как чувствую. Если буду ждать хорошего настроения, будут дырки без писем и будет фальшь.

114

От Коли ничего нет. Или он остался и не смог известить об этом, или обиделся – неужели это может быть? Какая нелепость! Я боюсь, что тебе очень тяжело и неприятно, что так все получилось, но, дорогой мой, я не могла ничего сделать!

Я получаю очень хорошие письма от Веры. Она наконец устроилась и успокоилась и очень зовет к себе на «волшебный остров», 200 км самолетом над тайгой от последнего небольшого города. Жаль, что нереально. Вера – не друг, но спутник. Хороший спутник, которому дорого то, что нам дороже всего.

Скоро должно быть письмо от тебя. Я волнуюсь, потому что столько было вопросов, очень хочу скорее читать письмо.

Ну, ты подумай только, что же это с моим ребенком! И знаешь, Дюканчиково письмо по настроению очень милое, спокойное, он искренне думает, что успокоил меня, и поскорее сообщил, что с малышкой!

Все меня утешают, говорят, что не могли оставить 25, но я уже всех сбила с толку, с таким темпераментом реву. Хорошо, что среди ближайшего окружения только одна ведьма (но какая!), которую мы все дружно ненавидим, а с остальными все хорошо и не требует большого напряжения.

Понемножку продолжаю Кристофа и все больше его люблю.

Целую тебя, мое солнышко.

Листик

¹ Очевидно, речь идет о дне ареста А.А.

75

8 июля 1956

Хороший мой!

К сожалению, у меня никаких серьезных новостей нет. Получила наконец письмо от Коли. Большая часть письма – лирика и эмоции, это уж национальная черта, а среди дельного – надежды у него не очень много, положение еще неясно (его личное), а общее – неважное. Скулит, что,

115

несмотря на все старания Олега, поэта из него не вышло. Из его письма я знаю, что у Олега работает Комиссия. Ну, если б был хороший результат, он бы прислал телеграмму. Очевидно, или плохо, или еще ничего нет.

Я готова считать часы до получения твоего письма, если б только могла быть уверенной в том, что оно придет. Я вообще каждый месяц, из каждого письма заново вижу, что ты жив, а перед получением письма совсем теряю в этом уверенность.

Я вчера была в кино, видела очень милый французский фильм «Жюльетта».

Заинька, неужели даже около себя ты не можешь включить радио? Это же так просто – повернуть винтик – и все, не может быть, чтобы этого нельзя было сделать.

Наши девочки ушли в лес, а я осталась, потому что мы и сегодня были на работе полдня, и я не могу больше ходить.

Читаю совсем мало.

Хороший мой Зайчушенька, ты не обижайся на коротенькое письмо, у меня ровно ничего не происходит.

Крепко тебя целую.

Листик

О Джоничке ничего нет.

76

13 июля 1956

Солнышко мое дорогое!

Сажу в поле, на куче сорняков и пишу тебе письмо. На мое счастье, погода пасмурная, и мне сегодня не так трудно работать.

Вот видишь, Зайчик, ведь тебе хуже стало не от Денниса¹, а от моего письма – как же я могу чувствовать в тебе опору, если довольно, чтобы я написала одно кислое письмо – и мой Зайка скис. Значит, маме я должна писать так, чтобы ее не расстроить, Заиньке – тоже, маленького Лапсенка отняли – ну кому же я могу похныкать? Да еще на лирические темы! Не на лирические можно выговориться по адресу Веры, которая отсюда уехала на Даль-

ний Восток, но и ее нельзя было особенно нагружать, потому что она никак не могла устроиться на работу и сама «психовала». Сейчас, кажется, все уже хорошо, по крайней мере, пришла телеграмма: «Работаю, все хорошо».

Мне не совсем понятно, почему Деннис произвел на тебя такое тяжелое впечатление. Мне кажется, там немножко больше хорошего, чем плохого.

Очень жду письма от Коли, мне кажется, у них уже должно было кончиться. Посылаю тебе предыдущее его письмо, может быть, дойдет. Ничего серьезного в нем нет.

Я все время думаю о тебе и Диме. Господи, если б ты мог быть у него, я, вероятно, даже здоровее сразу стала бы, хоть и было бы мне страшно больно не видеть тебя еще какое-то время. Но я уверена, что это время было бы не длинное, а только при этом варианте я была бы спокойна.

Я написала несколько очень скверных писем старикам, ты будешь меня ругать. Но я больше не могу выносить сочетания явной недобросовестности Прокуратуры, Дюканушкиного легкомыслия и маминой истерики.

Вот уже и обед. Мы не уходим, нам привозят сюда, и я – я! – съедаю все до капли и еще ем хлеб. Очень загорела и посвежела, но буду рада, когда всего этого не будет. Заинька, как я рада, что ты согласен в кино обуваться! Я так мечтала о том, что мы вместе увидим некоторые фильмы, и вдруг – пожалуйста! – босой Заяц, с которым нельзя идти приличной и далеко не молодой даме! И еще этот Заяц недоумевает, почему другие находят опору в его метафизических построениях и сложном и тонком духовном опыте, а у очень усталого Козленка копытца скользят на такой нетвердой почве. Я устала, родной, и, хотя ровно ничего хорошего не жду и совершенно убеждена в том, что вынесу все, что угодно, конечно, иногда пишу.

Знаешь, Солнышко, начинает накрапывать дождик.

Так и вышло. И вот я дописываю это письмо, забравшись в стог сена. Никак не ждала, что меня ждут еще и такие приключения! В стогу я устроилась с комфортом, но – увы – дождь проходит, и сейчас придется идти на работу. Целую родненького.

Листик

¹ Деннис Юджин (1904–1961), деятель американского рабочего движения; в 1950–1955 гг. отбывал тюремное заключение. Д.А., прочтя «Письма из тюрьмы» Денниса, писал А.А.: «Сильно разволновался... прочитав Юджина Денниса» (СС, 4, 396).

77

15 июля 1956

Родной Зай!

Вчера был короткий рабочий день, пришли с поля в 2 часа, и я получила 2 маминых письма. Прочла обычную порцию отчаяния, слез и скуления и сообщений, что Дюканушка опять болен своим нервным колитом (значит, опять волновался из-за меня), разозлилась и от злости отпросилась с девочками в лес за ягодами. Нам повезло: до ягодных мест нас доставила машина, которая случайно ехала в ту сторону. Лес тут гораздо лучше, чем там, где я была, но необходимость шляться по нему стадом лишает его главного обаяния. Сегодня я осталась дома, написала письма, побыла одна (больше этого не бывает), отдохнула, а ягод принесли девчонки.

Знаешь, Зайка, насчет раскаяния. Причем тоже не в порядке доказательства, а в порядке изложения точки зрения. Я не говорю, что надо «обходить стороной», а я считаю, что на сделанное надо очень правдиво и внимательно взглянуть, сделать выводы, и не стороной, а прямо перешагнуть. Я убеждена, что судьба, или что хочешь, обязательно подсунет мне для развязывания все узелки, не забыв и не пропустив ни одного. Так чего же я буду раньше времени волноваться? Сунет, так буду развязывать, а «переживаний» и так достаточно, и сердце и нервы и так истрепаны. Причем я не верю, чтоб в основной план входила вся эта нерво- и сердцетрепка. Я не прячусь от того, что я сделала, но не хочу страдать, не принимаю страдания и очень не люблю людей, которые страдают, как дело делают – добросовестно и с серьезным лицом. Это, кстати, ничуть не про тебя. Есть у меня такая приятельница еще с Лефортовских времен (я оставила ее на 1, и она

скоро освобождается). Она, кстати, кончала гимназию вместе с Димой¹ и была влюблена в те годы в его друга и хорошо помнит очень юного Диму. Так вот с этой старушкой (она держится и выглядит лет на 15 старше своего возраста) я вечно спорила из-за этой ее манеры «застревать» грехи прошлого с проникновенным и деловым лицом. Знаешь, родненький, я в прошлом письме, написанном в поле, хотела прислать тебе Колино письмо, а когда пришла домой – забыла. А теперь думаю, что не стоит, я его сохраню, а ничего в нем нет такого, что было бы тебе очень нужно. Кстати, может быть, я попадаю пальцем в небо, но если были между ним и З<еей> какие-нибудь шероховатости, то возможно, что я понимаю, в чем дело. Напиши мне, кто кого не любил и приблизительно – за что. Я очень ценю Колю за его отношение к тебе и никогда не забуду, что благодаря ему имею «Рух», но есть в нем очень национальные (я ведь их много знаю) и очень плебейские черты. Если это вызывало в З<ее> резкую реакцию, а эта реакция, в свою очередь, вызывала у них недоброжелательство по отношению к З<ее>, тогда мне многое понятно. Не удивляйся тому, что я так много об этом думаю, увидимся – объясню.

Увидимся!.. А если не скоро? Ну, что ж делать! Повторяю: хочу только с тобой к Диме, но Дюканушку это убьет. Значит, хочу, чтоб ты к Диме, а я потом.

О ребенке моем ненаглядном – ничего. Не знаю, что это за узел я распутываю, но знаю, что связана с ней бесконечно давно. Ты понимаешь, вот так, как мы с тобой как-то очень гармонично и одинаково любили друг друга, так вот было и с ней, именно – одинаково, с одинаковыми глупостями, одинаковыми чашечками, без опасения, что чего-то слишком много, без расчета. Ничего не умею объяснить! А последнюю спокойную ночь, перед тем как мы узнали о разлуке, она уже спала, когда я пришла спать. Спала на своей кровати, а длинненькие детские ножки положила на мою. Я, наверное, тебе это писала, но у меня из памяти нейдут эти теплые ножки и курносый нос на подушке. Хватит с меня такого развязывания, чтобы я еще сама себе устраивала мученья!

А комариная жидкость приготовлена на глицерине, бесцветна, ничем не пахнет и действует несколько часов, а потом можно повторить.

Целую тебя, голубчик мой родной.

Твой Листик

¹ Екатерина Алексеевна Ефимова.

78

19 июля 1956

Родной мой!

Насчет прически: если тебе эта так не нравится (по-моему, она лучше), то я буду носить прежнюю, если даст Бог быть вместе дома. Но для этого нужна завивка, иначе я ничего не могу поделаться со своими хвостиками, которые за эти годы не стали лучше. Вот и июль на исходе, и нет ни телеграммы от Дюканчика, ни телеграммы от тебя, и ничего от девочки.

Я больше ни о чем не мечтаю, не строю никаких планов и даже не размышляю о трудностях возможного будущего – так я не уверена, что это будущее будет.

Что делается с З<еей>, мне страшно не нравится. И вдвое не нравится, по аналогии с девочкой, которой объяснить, конечно, не могу.

Ты, с моей точки зрения, несправедлив к Юрке. Ведь он никогда и не был близким и никогда не говорил никаких красивых слов. Сейчас, после единственного, но какого-то такого, как я люблю и понимаю, письма, он мне гораздо ближе, чем был в 46–47 году. Моя нелюбовь к словам и теоретическим высотам, возникшая у меня в связи с Сереей, удесятерилась.

Да, к прошлому у нас действительно очень разное отношение. Я люблю только то, что имеет смысл, а именно этого у меня в жизни было мало. Кажется, смысл сохранился только в годах жизни с тобой и в твоей любви. Кстати, я понимаю, что тебе, как настоящему мужчине, больно и оскорбительно, что ты не смог «защитить» меня в 47-м,

но мне интересно, как бы ты сумел это сделать?! Еще могу тебе сказать одну вещь, но боюсь, что опять ухудшится состояние сердца. Знаешь, в чем корни того, что я чувствую как отсутствие защиты? В Навне, Лиурне и т. д. Конечно, ты считаешь это самым главным и ценным в себе, и ты, вероятно, прав, но чем дальше ты уходишь по этому пути, тем меньше я чувствую опоры и защиты.

Я представляю себе и понимаю все возмущение, недоумение, все, что в тебе вызовет это «сообщение», но ничего не могу сделать. Я хуже, чем надо быть, чтобы уметь опираться на такие вещи. Помнишь, я всегда хныкала о маленьком счастье, имея большое. Это – результат идиотски прожитой молодости. В моей жизни не было того простого и маленького, что мне очень нужно. Было и есть и большое счастье, и большой (со времени встречи с тобой) смысл, но постоянно всплывает на поверхность все то же скуление о маленьком.

Как хочется увидаться и говорить с тобой, ненаглядный, и каким мне это сейчас кажется далеким! Через две недели придет твое следующее письмо, и опять будет все сначала. Впрочем, лучше уж так, чем как-нибудь хуже.

До свиданья, хороший, милый, очень любимый Заинька. Не пишу об инвалидном доме, потому что замехлюндилась совсем, не верю в освобождение, но протестую по-прежнему.

Твой Листик

79

23 июля 1956

Золотой мой Зайчушенька!

А в кино я вчера зря пошла. Эту картину – «Капитан корабля» – я уже видела, она плохая, от второго раза ничуть не выиграла, а ко всему еще здесь очень плохой аппарат. Вместо звука или тихое шипение, или рев, в котором нельзя различить слова. Я ушла после третьей части.

Ты спрашиваешь, есть ли у меня сейчас кто-нибудь близкий. Нет. Джониного места, вероятно, никто никогда

не займет. Вера – близкий товарищ – уехала в невероятную глушь, о которой я тебе писала. Екатерина Алексеевна – та, которая кончала гимназию вместе с Вадимом, – осталась на 1 и, кажется, уже освободилась. Сравнительно близкие отношения у меня с одной молоденькой украиночкой. Она милая, порядочная и приятная. Сейчас все отношения строятся на том, что мы переживаем одно и то же, пищим, скулим, ноем, иногда плачем, и все, приехавшие с 1-го и ждущие решения судьбы, очень терпеливо выслушиваем друг от друга все это нытье. Завтра уедет еще 6 человек, стоят на пороге (дождались дел и едут на Комиссию) еще трое, и будет нас 12. Это – из 640. Плохих среди приехавших сюда было две, вернее, одна (она едет на Ком<иссию>), а вторая – ужасная дура (она уезжает завтра), а остальные, какие б ни были, сумели быть очень заботливыми друг к другу и солидарными в общем всхлипывании и выслушивании жалоб друг от друга. А выглядело это иногда очень забавно; ползем по свекле, дергаем бурьян и вдруг все садимся на землю и начинаем дружно скулить. Поскулим, отведем душу, иногда даже рассмеемся над собой – и ползем дальше.

Я была бригадиром, и моя бригада выполняла норму на 34%, остальное – жалобы и слезы.

Сегодня я первый день работала художником. Я думаю, что именно ты мог бы мне посочувствовать относительно того, как мне смертельно надоела эта работа. В поле гораздо лучше, но физически я поля выдержать не могу.

Данилочка, как мне нравится «Жан-Кристоф»! Он у меня есть с «Бунта», и я полюбила его, как живого, дорогого друга. Как жаль, что душевная зрелость, тонкость, богатство, понимание приходят тогда, когда физически совсем не соответствуешь этому богатству! Это тоже старая песня – ненавижу старость. Кстати, я не представляю себе тебя опустившимся. Я просто не имею иллюзий относительно того, насколько ты внешне изменился. Смотрю в зеркало, вижу, как страшно изменилась я (этого только ты не замечаешь), и понимаю, что ты изменился ничуть не меньше.

Ты спрашиваешь о Бише, о Нэлли. Откуда же теперь я могу знать? Ведь и то, что я узнала, мне сообщили чужие

люди, а он не написал ни слова. Думаю, что муж Нэлли жив, потому что иначе она не была бы материально обеспечена и не могла бы помогать Шуре и взять к себе Бишу.

«Святые камни»¹ у меня есть. Я очень хочу знать, есть ли у тебя что-нибудь просто лирическое или ты у меня совсем занесся в небеса и глубины?

О З<ее> ничего не слышно? Вот где мы друг друга понимаем.

Пожалуйста, не экономь деньги, это не нужно, месяца на три деньги будут. Напиши, много ли ты куришь? Я тебя очень люблю, Зай.

А.

Посмотри на конверт и вспомни Измайлово².

¹ «Святые камни» – цикл стихотворений Д.А., открывающий «Русские боги».

² Имеется в виду дача Тарасовых, друзей Д.А., в Измайлове, где Андреевы гостили в 1945 и 1946 гг.

80

29 июля 1956

Милый мой!

Сегодня, совсем неожиданно, был очень хороший день, я рада, что так получилось на Мумкины именины. С утра было много всяких волнений, но потом наконец выпустили в лес.

Знаешь, дорогой, вот когда бываешь в лесу раз в неделю, видно, какими огромными шагами идет лето. Прошлого воскресенье оно было в зените, только слишком сильное наполнение всего говорило о переломе. А сегодня явственно звучит осень. Чуть желтеют листья, очень много малины, причем она вся спелая, зеленых совсем нет, и воздух осенний, именно воздух, запах, какое-то неуловимое ощущение.

Совсем шутя набрали втроем по литровой банке малины и грибов – сумку и мешочек. Дельных, правда, мало, но мы, не смущаясь, подбирали всякие волнушки, чернушки, свинушки и очень много опят. Едва с ними сладили, когда пришли, и сейчас страшно объелись. Хорошо было то, что я

много удирала от компании и бродила совсем одна. Рыжики совсем не прячутся под елки, а целыми семьями вылезают из-под прошлогодних листьев, которыми плотно устлана вся земля в лесу. Мухоморы стоят, как в сказке, а еще – тоже, как в сказке, – я нашла огромный муравейник, вокруг которого, как венок, стояли чернушки – целым хороводом.

Заинька, как ты переделал «Янтари»¹? Я их очень любила. Есть у тебя циклы просто стихов, без – ну, я не знаю, как выразиться, понимай сам. Я вообще немножко взволновалась, родненький. Ну, давай спать, Зай.

Листик

(уже не зелененький, осенний).

¹ «Янтари» (1942) – цикл стихотворений Д.А.

81

1 августа 1956

Хороший мой, Саша находится в Zubovo-Полянском инвалидном доме. Это значит: на свободе и вместе с Галиной Юр<евной>. Освобожден ли он Комиссией или наконец попал под указ об инвалидах – не знаю. У него сейчас есть полная возможность писать и мне, и тебе, мою открытку он получил. Если он, так же, как Биша, даже не считает нужным известить меня о деловой, общей для нас всех стороне жизни, – не знаю, какие там тонкости ты хочешь, чтобы я понимала. Скоро три года, как я и Дюканушка как сумасшедшие бьемся обо все пороги, требуя и выключившая пересмотр, который нужен всем, а эти люди настолько бессовестны, что не только не стараются выпутаться и вытащить других, как делаю я, но даже не сообщают, что с ними. Если я, по наивности, слабости, неопытности и прочим «не», запутала дело 9 лет тому назад и все делала не так, как надо (причем они вели себя ничуть не лучше), то я достаточно покрываю уже два с половиной года эту вину своими хлопотами об общем деле, причем я себя ни от кого не отделяю и персонально для себя не выискиваю ничего смягчающего, отдельного от них. Если этим эгоистам, слю-

нявым и самовлюбленным, ничего этого не видно, это просто хамство, впрочем, для них неувидительное.

Прости меня, дорогой, опять тебе будет больно, но я не буду больше ни с кем ничего пытаться устанавливать – никаких связей. Когда будешь иметь возможность – сделаешь, что захочешь, но я считаю, что имею право позволить себе роскошь поддерживать отношения только с теми людьми, которые меня любят. Во всяком случае, с правом или без такового, но я собираюсь так делать.

Ты вот пишешь о Юрке, не считаешь его моим братом. А я была ему такой хорошей сестрой, чтобы иметь право сейчас обижаться? Любой из этих милых «друзей» видел от меня в 10 раз больше тепла, внимания и пр., чем брат. И теперь, когда я написала Юрке, он откликнулся сразу и очень хорошо. Не забывай еще всегда нелепого маминого поведения: я написала Юре под тем предлогом, что мне нужны ноты, и мама меня за это ругала: «Зачем ты беспокоила Юру, он так занят». А Юрка прислал то, что я просила, причем должен был это переписывать, перечислил все модные в Москве эстрадные вещи и предложил мне переписывать и присылать мне все, что мне нужно. Понимаешь, мы – вся семья – люди деятельные. Нам нужно делать, а не сочувствовать. Сейчас я получила от него второе письмо. Без всяких проникновенных слов, но очень хорошее для меня, совсем не похожее на письмо Биши, прощающего меня с высоты своей, почти ангельской, сущности – а за что, собственно? Это Биша, к которому я 10 лет так относилась, что хоть каплю бы этого отношения родному брату. А Юрка, ничего хорошего от меня не выдавший, после 9 лет полного отсутствия связи сразу схватывает самый для меня приемлемый тон отношений – доброжелательства без лишней пылкости. А Сережа? По-твоему, можно найти какое-нибудь оправдание его поведению? А во время последней «встречи» – ты бы слышал, как он у меня просил прощения! Слова и «переживания» непредставимой глубины – и никакого толка.

Ну, хватит, и так тебя расстроила, бедненького.

Вчера у меня был очень наполненный день, я тебе все напишу. С утра я страшно раскисла из-за Джони. Не знаю,

что на меня напало. Понимаешь, если девочка погибнет сейчас, в этом есть очень пугающая меня логика. Такая у нее яркая, чистая и такая наполненная жизнь, что мне страшно, что будет. У нее было все: и подвиг, и прекрасная любовь, и такая дружба, как наша, и идея, которой она принесла в жертву всю жизнь. И, знаешь, было у нее качество, бесконечно для меня ценное: отсутствие позы. Героизм без позы, единственная, глубокая любовь – без «храмов» и постного вида и дружба без эгоизма. И все проникнуто одним: детским весельем и радостью. Вот над таким мысленным некрологом я и плакала вчера до обеда над своими лозунгами.

А после обеда, совершенно случайно, удалось вырваться в лес, причем надолго, надо было собирать грибы для всех. Я собрала очень много, первый раз в жизни видела, как растет на болоте клюква и голубика, видала медянку (!) и, может быть, в ответ на мои мысли, нашла несколько лисичек (она ведь у меня лисичка) и маленький, милый подосиновичек с рыжей головкой. А лисички ведь еще и заячьи ушки! Помнишь? Ну, тут я совсем успокоилась, находилась по лесу, устала, но пришла в нормальном виде. А вечером пошли в кино, и – надо же! – журнал «Рижское взморье» – море моего ребенка! А картина была «Мастера грузинского балета». Как мне хочется пойти с тобой в кино, мой хороший!

Я все читаю «Жана-Кристофа» и все больше и больше люблю его. Причем, если б ты допустил такие литературные промахи, я, вероятно, страшно рычала бы на тебя. Но это оттого, что мне хочется, чтобы у тебя все было прекрасно. А Кристоф становится таким дорогим другом, как любимый живой человек. Как я ничего не понимала в молодости, когда читала эту книгу первый раз! Три тома, которые я имею, – мои собственные (к сожалению, у меня нет первых трех книг – одного тома), может быть, ты будешь читать эти книги. Если б Роллан написал только эту книгу, он все равно был бы одним из самых лучших людей в мире.

Я уже начинаю ждать твоего следующего письма, родной.

О деле писать не хочется – все то же. Руденко еще ничего не решил, у тебя, я думаю. Комиссия пройдет с тем же

результатом, что и у меня, т. е. никак, отложат, и все, и будем ждать решения из Москвы. Может быть, только к тебе, как к инвалиду, подойдут так, как к Саше.

Ну, спокойной ночи, мое Солнышко.

Листик

82

27 августа 1956

Золотой мой Заинька!

Прежде всего объясняю, почему письмо заказное и в него положены деньги. Эти деньги я должна была передать тебе, когда приезжала. Положила их в карман и, когда увидела тебя, – позабыла. Вероятно, их вообще надо было передавать вместе со всей передачей, а я оказалась такой растяпой! Вот теперь и посылаю их заказным письмом.

Мне вообще сейчас кажется, что я тебя мало приласкала, мало пожалела, мало расспрашивала про здоровье, моего хорошего, бедненького. Я звонила Вл<адимиру> Ал<ександровичу>¹ и Ольге Дмитр<иевне>², они меня спрашивают о твоём здоровье, а я долблю свое: он совсем живой, совсем хороший! Это так всегда и с твоими письмами было – я так радовалась письму, что чуть не на третий день до меня доходило, что ты очень болен.

Только мне так хочется скорее быть с тобой, мое родное Солнышко!

Доехала я из Владимира очень хорошо. Дорога очень красивая, и я все время думала о том, как я тебя повезу домой по этой дороге, какая она будет. Домой, в Подсосенский, я пришла в половине десятого вечера, был довольно сильный дождь, я устала, конечно. В ящике для писем – телеграмма от Веры: «Поздравляю, письмо получила» – и извещение о какой-то еще телеграмме. Только я успела раздуматься над тем, что это может быть за телеграмма и стоит ли за ней идти по дождю, как, с интервалом минут в 15, принесли эту телеграмму и позвонил Дюканушка узнать о поездке и сообщить тоже о телеграмме. Оказывается, умный Лапсенек на два адреса извещает о своем

появлении в Москве в субботу 25-го утром, т. е. – на следующее утро. Я осталась ночевать в Москве и, ожидая ее с поездом 10:25, на всякий случай пешком прибежала на Казанский вокзал к первому поезду – 5:45, с которым она приехать не могла, т. к. на него наших не сажают. Пришла пешком, потому что метро – с 6, а автобусы и троллейбусы хоть и должны уже работать, но еще спят. Москва вообще поздно просыпается. Выхожу на перрон, подходит поезд, я тихонько иду, даже не очень внимательно вглядываясь в пассажиров, потому что пришла просто на всякий случай, и вдруг – худенькая рыженькая фигурка в кожаном пальто (это пальто мы ухитрились соорудить там). Оказывается, это кожаное пальто помогло ей, одной из всех, получить билет на поезд, на котором обычно не едут.

И вот тощий ребенок, весь в веснушках, уже третий день сидит со мной в Звенигороде. К сожалению, через несколько дней она уедет, потому что здесь прописывают только москвичей. Как все сложится дальше – не знаю.

Вчера мы сделали очень большую прогулку, сегодня Дюканчик в Москве, а мы отдыхаем. Последнее необходимо, что ты можешь заметить по тупости моего письма. Пока хожу и болтаю – ничего, стоит начать читать или писать, как начинаю клевать носом и пищу, буквально едва раскрывая слипающиеся глаза. Думаю, что в Москву поеду послезавтра, 29-го; позвоню Гале и пойду в Прокуратуру. Вчера пришло письмо от Ирины Усовой – она очень хочет повидать меня. Я это как-нибудь устрою, напишу ей, и встретимся в Москве.

Родной мой, хороший, любимый, как я хочу тебя все время видеть! Девочка передает тебе «такой, вот такой привет» и скоро напишет.

Крепко целую тебя, мой Заинька.

Листик

¹ В.А. Александров.

² Ольга Дмитриевна Навроцкая, знакомая В.А. Александрова, отбывавшая заключение во Владимирской тюрьме.

83

30 августа 1956

Субботу, воскресенье, понедельник, вторник и среду мы прожили в Звенигороде. Два раза гуляли (два с половиной), а остального времени я не помню – это было то самое странное, полусонное состояние, о котором я тебе писала. Мама нас закармила в основном какими-то ужасно приторными вещами, замучила своим не поддающимся описанию характером, и вот, в результате этого, вчера (в среду) вечером мы сбежали в Москву. Приехали в половине одиннадцатого, посмотрели у Белорусского вокзала памятник Горького (по-моему, плохой); купили, после маминых муссов и печенья, какой-то племейской копченой рыбы и колбасы; постеснялись купить водки, о чем дома жалели; на троллейбусе доехали до пл. Маяковского, а оттуда дошли пешком до пл. Революции. Я хотела показать Джони ул. Горького вечером. Впечатление неплохое, но небольшое, как у нее, так и у меня. Памятник Долгорукому – хороший. На улице чисто, а больше ничего. В витринах освещение «дневной свет», которое мне нравится меньше нормального электричества: в электрическом освещении есть какая-то театральность, очень подходящая для витрин и для вечернего города, а этот «дневной» свет имеет какой-то кладбищенский оттенок.

Сегодня и завтра будем носиться, как песики, по всяким делам, начиная с Прокуратуры. Не сердись на меня за то, что я проторчала на даче столько времени: в понедельник были дела, во вторник приезжал в гости Дюкин, товарищ, от которого неудобно было сбежать, а среду мы утром проспали, правда, я нарочно проспала, потому что видела, что Дюканушке очень грустно оттого, что я уезжаю. Он очень хороший, но мама!!!

С Джони все очень тяжело – ей некуда ехать. По ряду соображений, которых у нас не было, пока она не побывала в Риге, очень не хочется, чтобы она ехала в Прибалтику, и все же, вероятно, придется. У нее 250 р. денег и больше ничего – ни здоровья, ни родных. А я, москвичка, с такой обеспеченностью, как у меня, имею сейчас меньше, чем

имела недавно, потому что нет ничего по-настоящему своего. Очень скверное состояние, надо тебе сказать.

Сегодня вечером буду звонить Гале. Мама очень волнуется о том, что я забыла тебе сказать, что как-то тут приезжал Люська и передал для тебя 100 рублей. Посылка, которую ты должен был получить вскоре после моего приезда к тебе, какая-то коллективная, толком не знаю, кто там участвует. Организовывала, по-видимому, Ирина Усова. Я ей еще не написала, потому что надо назначить свидание, а это мне очень трудно сделать, потому что все приходится улаживать, лавируя между мамиными настроениями. Кроме того, конечно, очень волнует Джоничкина судьба. Просто совсем не знаем с ней, что же нам придумать.

Не беспокойся, дорогой Заинька, я очень осторожно хожу по улицам.

До свиданья, хороший мой, Солнышко мое.

Твой Листик

Очень большой привет от Джони. Она очень хочет сама написать и делает это, когда немножко хоть что-нибудь у нее прояснится.

84

30 августа 1956

Родненький мой!

Мы с Лапсенком целый день бегали по Москве, ужасно устали, вернулись домой, купили четвертинку водки, выпили вдвоем и сейчас сидим в Подсосенском очень пьяные и пишем письма. Сейчас я звонила Гале и Зое. Не бойся, Гале звонила еще не пьяная, а с Зоей мне даже легче было в таком виде разговаривать. С Галей все так, как надо, на мой вопрос о том, что тебе передать о ней, она ответила: «Скажите, что я какая была, такая и осталась». На вопрос о семье ответила: папа умер, остальные все живы. Ты понимаешь, что, при ее стиле, это все, что я могла услышать. Алеша был у нее месяца полтора тому назад, она не смогла сразу найти его адреса, найдет потом, и я ему напишу. Он свободен, но не может жить в Москве. Я ее пря-

130

мо спросила, что он говорит о тебе? Она ответила: говорит, что, если б встретил, пожал бы руку. Я сказала ей, что это самое главное, потому что около нас крутится ерунда, разведенная Добровыми и Коваленскими, стоившая нам много нервов. Я думаю, что через несколько дней я увижу Галю и еще напишу о ней. Заинька, я не могу с ней хитрить. А с Зоей я говорила в другом плане. Теперь я могу тебе сказать, что, я думаю, с нелегкой руки Вл<адимира> Ал<ександровича> и мамы, о тебе поползла «параша», что ты не то чтобы сошел с ума, но немножко в этом роде. Все это было так сильно, что я была совершенно готова увидеть тихо помешанного и почти умирающего человека. Теперь я долблю им всем о том, что ты живой, живой, умный, хороший, пусть физически слабый, но душевно совсем сильный и хороший. Милый мой, родной, любимый мой Заинька, только когда я смогу подробно все рассказать тебе, ты поймешь, как я рада.

О делах пока можно сказать в двух словах: была в Прокуратуре, иду завтра опять, добиваюсь свидания с зам. Военного прокурора.

Была в МОСХе, надо принести туда копию справки о своем освобождении со снятой судимостью. Справка была у меня взята для прописки и отдана в милицию, завтра начну ловить ее хвостик.

В МОСХе я так перенервничала (зря), что оттуда нам с девочкой была одна дорога – в зоопарк. Там очень, очень хороший слон и ужасные обезьяны.

Милое мое Солнышко, спокойной ночи. Еще надо написать Вере, от которой сейчас пришло два письма, я не знаю, что у меня из этого выйдет.

Конечно, и Галя и Зоя передают большой, большой привет, мой хороший.

Листик

[На полях:] После этой Комиссии будет вторая, контролирующая работу первой и подчищающая остатки. Имей это в виду.

131

85

6 сентября 1956

Здравствуй, родненький мой, я опять в панике: нет от тебя письма. Я решила, что оно придет 5 сентября, а оно не пришло и 6-го. Конечно, у тебя могут быть причины подождать с его написанием, но я уже почти уговорила себя, что ты заболел, мой хороший.

Я, конечно, простудила голову, но это пустяки, а все остальные болячки притихли, подтверждая мое мнение, что основной их причиной был физический и душевный климат места, в котором я находилась. Интересно, что у Дюканушки, с момента получения первой моей телеграммы, не было ни одного спазма, которые так его замучили.

Я очень рада, что ошиблась насчет Сережи. Представляешь себе, даже Олег звонил и был очень хорош. Шляпы они, больше ничего, – ждали, чтоб я начала разговаривать, а сами не могли – Сережа, видите ли, считал себя чумовым и не хотел никому ничего плохого. С ним тоже говорили и писали. Он, конечно, объяснил, какая это все была чепуха. Вообще ничего не было. Скоро все должно доехать до тебя и потом вернуться в Москву. Интересно, что очень ясны две вещи: недоброжелательство по отношению к тебе и [ко] мне, вызванное в основном количеством материала, данного нами, и явное желание все это кончить. Меня очень упрекали: «Зачем Вы всю эту ерунду рассказывали?», я, конечно, сердилась, потому что основным занятием в течение 13 месяцев были беседы со мной с вытаскиванием ерунды, из которой виртуозно стряпалось нечто. Учти основное – желание кончить и развязать этот узел и сделать все, что можешь, даже больше, чем себе представляешь. Меня и тревожит в основном то, что ты себе не представляешь всей ситуации. Ничего, мой хороший, главное, береги здоровье и нервы, говори поменьше, тебе нельзя волноваться, мой родненький. Постарайся объяснить основное – принцип стряпанья из обыкновенного человека, творческого человека и фантазера, но абсолютно безвредного, – того, что было состряпано. И пойми, что это не только реально, но этого от тебя ждут и хотят в равной мере обе стороны.

132

Я совсем запуталась в количестве передаваемых тебе приветов – от всех, кого я встречаю. Кстати, постарайся ты припомнить, кто такой Коля Баскаков¹ – опять его жена просила передать тебе от него привет, я уж только улыбалась в ответ. Даже Кирилл Швейцер² остановил меня на улице и спросил о тебе. А про Ирину Усову, Анну Сергеевну и Евгению Петровну³ и говорить нечего. Биша в Москве, где не знаю. Он явно не хочет видаться. Он звонил в Левшинский и просил Евг<ению> П<етровну> и Ан<ну> Серг<еевну> приехать. На днях переедем в Москву, и начнется опять беготня по всем местам и по всем знакомым. Надо еще восстанавливаться в МОСХе и писать ужасное количество писем.

С девочкой доживаем вместе последние дни – она уезжает, но я не могу думать, что это будет очень надолго, мы должны быть вместе. Она так же думает и чувствует. Что с З<еей>? Вл<адимиру> Ал<ександровичу> и Ольге я тоже, поросенок, давно не звонила.

До свиданья, Солнышко. Привет от Дюканчика, мамы и девочки. Сейчас будем пить чай вместе, а пока Дю раскладывает пасьянс, мама хозяйничает, а Лапсиня тоже пишет письма.

Твой Листик

¹ Коля Баскаков – неустановленное лицо.

² Кирилл Швейцер – неустановленное лицо.

³ Евгения Петровна Межибовская, соседка Андреевых и Добровых.

86

11 сентября 1956

Хороший ты мой!

Вчера пришло твое письмо. Оно дождалось моего приезда из Звенигорода. Солнышко любимое мое, как же ты не понимаешь, что самое для меня главное (нет, не самое главное, но ужасно нужное) – то, что ты считал чуть ли не смешным писать мне. Ну, при чем тут возраст и положение? А мне-то что, 16 лет, что ли? Всегда мне это было нуж-

133

но, а теперь нечего и говорить. И еще одно: не думай, что для меня что-нибудь значат теперь сплетни о друге Олега. Значили раньше и, конечно, сидели как гвоздь в душе, но это было раньше.

Сегодня мы с девочкой были в широкоэкранном кино – очень хорошо. Взяли ей билет на Ригу. Насколько это для меня тяжело, я не могу здесь и написать, увидимся, все расскажу. Очень жаль, что ты не написал для нее несколько слов. Я всегда могла бы переписать и послать ей, а ей так нужно тепло и ласка – маленькому, больному, одинокому ребенку, который теряет сейчас последнюю опору в жизни – меня.

Сегодня вечером, сейчас, играли с Дюканушкой в чепуре руки, сейчас он никак не может оторваться от роля.

Как мне разрываться на части – не знаю. Понимаю, что нужна старикам, но что такое мама, ты не имеешь даже отдаленного представления. Без тебя просто не могу быть, вот так, как ты, – хочу быть с тобой, и все. И чтобы никто не мешал. За девочку изболелось сердце совсем, это нужно рассказывать, а не писать. Хотя около меня и нет радио, но письмо будет гораздо бестолковее твоего, потому что кругом нечто совершенно не поддающееся описанию.

Родной мой, хороший, скоро я к тебе приеду и, конечно, ничего не успею рассказать, но хоть посмотрю на тебя.

Едва вырвалась от Дюканушки, чтобы хоть капельку написать тебе. Ты спрашиваешь о Зое. Она чувствует себя хорошо, то страшное ее заболевание прошло (я считаю, что это – климактерий), дома все живы.

О других еще пока ничего сказать не могу, кроме того, что Лева Хорошкевич¹ умер этой зимой. Умер у себя в комнате, причем трое суток этого не знали. Рассказал мне это Сережа, с которым пока хорошо складываются отношения. Тебе привет от Алеши, приславшего мне чудесное письмо. Меня очень тревожит, получил ли ты мои большие письма. Что ты написал Ворошилову – ничего, все равно он перешлет в Прокуратуру, лишь бы написал то, что надо, т. е. просьбу о полной, по всем пунктам, реабилитации.

Родной мой Зайчушенька, завтра хотим пойти на выставку индонезийских художников (ради тебя; Сережа по-

слал их куда-то далеко, а я сказала ему, что напишу об этом тебе, он очень испугался).

Целую тебя, родной, любимый, привет от Дю и Му и от родной моей бедной девочки.

Листик

¹ Хорошкевич Леонид Николаевич (1902–1956), художник; друг Д.А. и С.Н. Ивашева-Мусатова, учился в той же гимназии Е.А. Репман; умер 25 января 1956.

87

12 сентября 1956

Дюкины именины – Александр Невский

Родненький мой!

Пишу тебе опять деловое письмо, мой хороший, хоть и плохо у меня получается все, что относится к делам.

Видишь ли, тот факт, что в 1947-м тебя взяли в работу без официальной и очень серьезной психиатрической экспертизы, в то время, как ты был инвалидом II группы, есть нарушение социалистической законности, должностующее аннулировать все, не только Лефортовское, но и Лубянского. Это очень важно, потому что даже показания, кажущиеся ответственными, давались часто больным человеком, в состоянии частичной невменяемости, когда невозможно все, как надо, контролировать. Я видала Сережу, и мы вместе с ним удивлялись: когда же это, всем явно надоевшее, надоеет до конца? Спрашивали его о романе, о его отношении к этой вещи. Очень талантливая вещь, написанная ярко, с острыми психологическими коллизиями, но неоконченная, так что никому не была ясна ее окончательная направленность. Он мало мог вспомнить конкретного, вспомнил спор между отрицательным персонажем – Серп<уховским>¹ – и обрушившимся на него героем. Он, между прочим, встретил там Бишу, который постарался поменьше о себе сказать, ни о ком не спросил. Ну, теперь быстренько отвечу на основные вопросы твоего письма. Да, еще вот что: все теребят «настроения» и «ожидания»

16 октября². Я так почти ничего об этом и не помню. Перехожу к письму.

О стариках. Дюканушка очень хороший, закопавшийся в книгах до полной потери слышимости. Мама очень тяжела и суматошна. Оба они – удивительное сочетание друг друга исключаящих качеств. Юрка – даже моя девочка признала это – явно сдвинутое, смешное существо. Смесь доброжелательности и какого-то прямо патологического эгоизма. По хозяйству мама крутится почти одна (самую трудную физическую работу ей делает дворничиха), очень устает и никому не дает помочь себе, всех гоняет. Ты спрашиваешь, как у нас все течет. У нас не течет, а кувыркается через голову. А соседей я почти не знаю, их можно не касаться – вся жизнь течет в комнате, в начале которой отгорожено хозяйственное помещение, в котором, кстати, я и сплю.

Твое радио и меня бросает в дрожь, потому что я очень ясно представляю себе, насколько это невыносимо. И еще меня бросает в дрожь блокада Вишневого. Во-первых, это ужасно мучительно; во-вторых, я в нее не верю; в-третьих, она очень сильно действует на сердце, и, в-четвертых, не может ли тебе быть особенно скверно из-за незаращения дужки последнего позвонка? Я думаю, что с этим многое связано. Тат<ьяна> Вл<адимировна> в Москве, реабилитирована полностью, с Ириной в ужасных отношениях, Мар<ия> Вас<ильевна>³ умерла чуть ли не в 48-м и ничего при ней не было. Мусю Калецкую я не видала, а Сережа рассказал, что ее, в разговоре с ним, очень упрекали (официальные лица) за то, что она абсолютно не хлопотала о Сереже. О Ракове⁴ я тебе уже писала, что у него все хорошо, Кенигов⁵ еще не видела, как-нибудь увижу, конечно, мне не очень интересно. О Желабовских ничего не знаю.

Ты не удивляйся, что я приготовилась к твоему «нездоровью», которого не оказалось, бывает ведь по-всякому, а маму и все, что она говорит, ты себе даже не представляешь. Говорю тебе – один из самых добрых и самых невыносимо тяжелых людей, каких только я знаю. Пол<ина> Алекс<андровна>⁶ жива, но совсем впала в детство. Настолько, что не узнала пришедшего к ней Олега. Я писала

Алеше письмо, в котором попросила его, если может, простить мне то, что я наделала. Получила в ответ такое чудесное письмо, что в следующем своем перепишу его тебе.

Голубчик мой дорогой, целую тебя. Если З<ея> еще там – поцелуй его. Привет от Джонички и от моих.

Листик

¹ Герой «Странников ночи».

² Речь идет о панике в Москве 16 октября 1941 г.

³ Мария Васильевна Усова (1885 или 1886–1948), переводчица; мать Т.В. и И.В. Усовых.

⁴ Раков Лев Львович (1904–1970), историк, искусствовед; однокамерник Д.А.

⁵ Кениги – семья тети А.А.

⁶ Полина Александровна Ивашева-Мусатова (1874? –1959), мать С.Н. Ивашева-Мусатова.

88

23 сентября 1956

Солнышко мое.

Ты не волнуйся, что я мало пишу. Я очень много бегаю, хлопочу о тебе. Мне чрезвычайно деятельно помогает Александра Львовна¹, собственно говоря, благодаря ей все и делается. Отношение я везде встречаю прекрасное, ну, а что из этого выйдет серьезного – увидим. Верить, как всегда, боюсь. Пока подробностей не рассказываю, думаю, что приеду к тебе в среду или в четверг (26–27 сент.).

Теперь о другом. Ты, Зайка, бездарный писатель, если за столько времени в стольких письмах не сумел дать мне понять, какое обаятельное существо «друг Олега»². Если б у меня и оставались какие-нибудь сомнения, достаточно одного взгляда на эту чудесную мордочку, чтобы все плохое просто не нашло себе места. Это такое сочетание милой детскости и утонченной культуры, блестящего, в плоть и кровь вошедшего умения держаться и подлинной человеческой цены, что я совсем растаяла. А если б я увидела вас вместе, там, где вы вместе были, я бы плакала над такой парой в три ручья.

Очень печально, если я дала тебе о моей девочке такое же бледное представление, как ты о своем мальчике. Он уехал в Грузию, его повез туда Симон³, который тоже меня по-своему очаровал.

Приеду, расскажу подробнее. От Джони получила сегодня письмо уже с места – хуже некуда. Подробно не могу.

Родной мой, письмо кончаю, надо ехать к Ал<ександре> Льв<овне>, а потом, очевидно, еще в одно место.

Не волнуйся и пойми главное: если тебя спрашивают, помни, что никогда ничего не было и что от тебя ждут именно этого, а не выкладывания твоих сомнений и соображений. Очевидно, скоро ненадолго заедет в Москву Анечка, по тем же делам.

Кончаю, дорогой.

Твой Листик

¹ Александра Львовна (Гублёр) Горобова (1907–1985), писательница, журналистка; первая жена Д.А.

² Зей Рахим.

³ Симон Леванович Гогберидзе (1905?–1970), грузинский общественный деятель; сокамерник Д.А.

89

2 октября 1956

Зайчик мой дорогой!

Могу себе представить, как ты волнуешься о мальчишке! Я сама уже нервничаю. Сейчас написала сестре Симона¹, прошу написать мне, приехали они куда-нибудь или нет. Ты подожди волноваться, дорогой, вернее всего, что сначала они очень устали и мальчик не хочет писать, пока что-нибудь не прояснилось.

Теперь о нашем нескончаемом деле, беденький мой. Я придумала одну вещь и сегодня советовалась с юристом, который хорошо знает всю эту волюнку. Оказывается, нужно именно то, что я и придумала, а именно: обстоятельное и четкое твое заявление с изложением сегодняшних точек зрения на роман, на высказывания и т. д. Так как от тебя нечего этого требовать, то заявление от твоего имени на-

пишу я с помощью этого юриста и пришло во Владимир капитану. Он тебя вызовет, ты прочтешь и подпишешь и пошлешь в Военную Прокуратуру, Кировская, 41, где есть, по словам этого юриста, все нужные бумаги, кроме твоего толкового заявления. Я думаю, что к капитану можно обратиться с такой просьбой, она вполне законная. Бедный ты мой, хороший, какие я тебе пишу скучные письма! Я ни о чем не могу думать, родной, кроме твоего освобождения, мне стыдно по сторонам смотреть. Никуда не хожу, не пошла на гастроли Французского театра, ничего не лезет мне в голову, кроме Зайки. Я знаю, что это неправильно, и обещаю тебе, что, когда сделаю всё, что считаю необходимым и находящимся в пределах моих возможностей, я возьму себя в руки и перестану быть одержимой. А сейчас никак у меня это не выходит, хороший мой.

Чтобы не думать всё время об одном и том же, я пыталась читать приключенческие книги, но получилось неудачно: взяла «Королеву Марго» – как теперь принято выражаться, «фальсифицированный судебный процесс»; взяла «Черный тюльпан» – еще пуще; даже «Роб Рой» не помог. Примусь опять за «Жана-Кристофа», хватит развлекаться.

Маленький Лапсенек, объявив о своем вступлении на картофельное поле и на режиссерское поприще, замолчал. Уже три дня нет письма.

Солнышко мое, родное, как тебе сейчас трудно! Хоть бы эти несчастные путешественники объявились, чтобы я могла тебе написать.

Ты как-то спрашивал о Кенигах. Галя больше не танцует – занимается с самодеятельностью. Её глухонемая дочка – ужас. Очень способная к скульптуре, но вообще производит страшное впечатление.

Я очень хочу, чтобы Зей и Джони были с нами вместо детей, потому что ни во что другое не верю. До свиданья, родной, не сердись на твоего отупевшего

Листика

¹ Гогберидзе (Жгенти) Нина Левановна.

90

16 октября 1956

Я вчера ухитрилась уехать уже с двухчасовым автобусом и в 8 часов вечера была дома¹. Сразу же принялась звонить: Ольге Дмитриевне, Владимиру Александровичу, Александре Львовне и Владимиру Павловичу². Позвоню еще Гале, но ей мне хотелось бы рассказать не по телефону. Владимиру Павловичу я передала от твоего имени так в ответ на его вопрос: принимать какое бы то ни было кардинальное решение ты сразу не можешь, надо подумать. О том, чтобы со стариками была похоронена Александра Филипповна³, не только нечего говорить, а это само собой разумеется, так и должно быть. Его звание «хозяина» этого участка тебя ничуть не волнует, наоборот, успокаивает, за прошлое ты ему глубоко благодарен. Оказаться человеком чужим по отношению к Добровым совсем не хочешь, а ущемлять Александра Викторовича в каких-либо его планах не собираешься. Что ты окончательно решишь, я не знаю, но мой тебе совет: попроси, чтобы до весны ничего не переменилось бы, а весной право посещения могилы и ухода за ней было признано в равной степени за четверьмя людьми: Сашей, тобой, Бишей и Владимиром Павловичем. Разве это несправедливо?

Сегодня случайно встретила Ивановского. Эта вареная макаронина до сих пор не раскачалась до того, чтобы подать заявление о реабилитации. Его жена выделена из нашего дела (я и не знала, что она была в нем) и реабилитирована. Я ему велела завтра же идти в Прокуратуру. Сегодня этот полутруп настолько ожил, что спросил о тебе и твоём здоровье и просил членораздельно и почти осмысленным голосом передать тебе привет. И добавил, что зол, собственно, не на тебя, а на Витю⁴. Ты не беспокойся, я с ним не ругалась.

Конечно, я очень беспокоюсь о том, что за поэму ты напишешь по моему черновику. Я ведь все понимаю, Зайка, гораздо лучше, чем ты думаешь. Мне кажется, ты все-таки должен признать, что я постараюсь сохранить чувство твоего достоинства.

140

Сегодня пришло еще одно очень милое письмо от Симона. Он еще раз просит не беспокоиться о Зее. Получила и от девочки теплое-теплое письмо. Она все-таки остается в Латвии. Письмо, полное такой любви и ласки, что я еще больше почувствовала, как мне не хватает моего милого Лапсёночка. Она мечтает до весны обзавестись какой-нибудь своей норкой (чистой и без клопов), чтобы я «притащила Даника» к ней и мы бы с тобой будем «целый день шляться в лесу, что здесь очень много» – это значит, леса много. Значит, дело только за тем, чтобы я зарабатывала, ездить есть куда.

Дома – ад. Мама больна: простудилась из-за собственного упрямства. Очень сильный бронхит, а она кричит – буквально кричит, так, что уши звенят, – что у нее сейчас будет второй инфаркт и она умирает. А папа с серьезной мигренью молчит и возится с ней. Когда она еще раскричалась, чтобы мы не смели ей возражать (это мы ее заставляли лечь), я вспылила и заорала, что ее давно надо было палкой бить.

У меня ненормально обостренное восприятие того, что называется «аурой» и «флюидами», исходящими от людей. Так вот, аура нашего дома такова, что со времени переезда из Звенигорода, где я спала прекрасно, я хорошо спала одну ночь: во Владимирской гостинице.

Родненький, Ольга Дмитриевна рассказала мне, что такое больница: умоляю тебя, если можно, перейди туда, иначе будешь все время простуживаться. Только с кем ты там будешь? Если опять с каким-нибудь говоруном, так ведь сбежишь.

Спокойной ночи, мой хороший.

Твой Листик

У тебя, наверное, уже совсем разорвался свитр?

¹ Речь идет о возвращении из Владимира после свидания с Д.А.

² Владимир Павлович Митрофанов (1896–1979), юрист; автор воспоминаний о Л.Н. Андрееве, родственник Добровых.

³ А.Ф. Доброва, умершая в лагерной больнице от рака 9 февраля 1956 г. и похороненная в Потье, была перезахоронена в могиле родителей на Новодевичьем кладбище 6 сентября 1957 г.

⁴ Речь идет о В.М. Василенко, дружившем с А.М. Ивановским.

141

91

19 октября 1956

Родное мое Солнышко!

Сегодня видела Сережу. Просто позвонила и вытащила на бульвар на свидание, потому что до меня дошло то самое, на что жаловались все уехавшие: страшное одиночество, чувство потери почвы под ногами и тоска. Пришла открыточка от Зеи на эту же тему, и я ему ответила в том же стиле. Пройдет это не скоро, особенно у меня, потому что у меня столько детей, за которых никогда не успокоишься. С Сережей мы очень хорошо повидались, с ним как-то легко сейчас. Он отказался говорить со мной о Навне, но отказался по-хорошему, чем меня очень обрадовал и успокоил: ты его знаешь, – говорит, что это настолько значительно, что надо говорить специально. Как характерно для него, правда?

Я, прочитав несколько «развлекательных» книжек, вернулась к Жану-Кристофу. Жаль, что совсем скоро придется с ним уже расстаться. Я его полюбила, как самого дорогого друга. Просто удивительно, как Роллан сумел создать такого человека, такого нужного, близкого и огромного. Он для меня более живой, чем многие действительно жившие.

Время летит с поразительной быстротой и я, ничего не делая, ничего не успеваю.

Коля прислал письмо, пересылаю его тебе. Сегодня в 8 ч. утра раздался телефонный звонок: приехал он и решил не беспокоить маму. Звонок произвел впечатление взрыва. Я, едва лепеча, договорилась с ним о свидании на Павелецком вокзале в 4 часа и зря ждала его там полчаса, а дома меня ждала телеграмма: «Я в Домодедове, встреча отложена. Николай». Сейчас телефон закутан в вязаную кофту, чтобы, если завтра он догадается звонить в 6 ч. утра, мы бы не очень пугались.

В Трубчевск написала.

Страшно скучаю по тебе – это совсем не то слово. Вообще, Листик скис. Джонька 4 дня молчит, пугает меня, обезьянка.

Я мало просила поблагодарить за орнамент и розочки.

Спокойной ночи, Заинька.

Дохлаый Листик

[Письмо Николая Садовника:]

Дорогой и забываемый друг Даниил Леонидович!

Самый сердечный привет Вам и крепкое рукопожатие как мое, так и моей жены Тамары Устимовны.

Даня! Я бесконечно рад, что на мою долю все-таки выпало счастье и я наконец после такого длительного времени скитаний и переживаний могу чувствовать себя относительно спокойно. 8 октября я побывал у Вас дома, где меня встретили очень хорошо. Особенно я признателен Алле Александровне за ее внимание и полное понимание. Ее душа, сердце и отношение неопределимы. Собственно Вы счастливы, имея такую супругу. Теперь вкратце о себе. Выехал я из Мордовии 3 октября, 4-го был в Москве, прогулял там 5 суток и 9-го приехал к Тамаре. Встреча была очень радостная, и все осталось довольны, главным образом мы с ней. Все сомнения канули в прошлое. Теперь мы с ней уже зарегистрированы в браке и являемся нераздельной четой, притом счастливой, несмотря на все трудности, которые нас окружают и которые предстоят. Сегодня 13 октября, выеду я к старикам 15-го, потому что долго нельзя задерживаться, т. к. и туда надо съездить. Где буду работать, пока неизвестно. Потом все сообщу. Я взял слово с Аллы Александровны, что Вы обязательно приедете к нам погостить, и прошу от Вас того же.

Думаю, что Вы в этом мне не откажете. Мы обое будем очень рады видеть Вас у себя.

Теперь передайте от нас обоим самый теплый привет Пете. Пусть он не обижается, что я не писал ему, но это не по моей вине. Оттуда нельзя было писать в Ваш адрес. Я послал ему два письма через Александрова, но не знаю, получил он их или нет. Если Петя будет еще там, пока мы устроимся, то мы постараемся заехать к нему с Тамарой в том случае, если разрешат свидание.

Об остальном Вам расскажет Алла Александровна. Будьте здоровы и счастливы. Не волнуйтесь, не болейте, держите себя в руках. Скоро встретимся. Жмем Вашу руку обое. Ваш друг Николай.

13.X.56 г.

92

22 октября 1956

Солнышко мое дорогое!

Было еще коротенькое письмо от Зеи. Мальчик все время повторяет, что одет, обут, снабжен всем необхо-

димым. И повторяет в каждом письме об ужасной тоске. Я присоединяюсь. Сегодня звонил Ис<аак> Марк<ович>¹ (он выехал 13.X), и один из первых его вопросов был – как со стеклянной стеной? Я ее полностью почувствовала. А «доходила» она до меня так долго, благодаря хлопотам о тебе: была занята, некогда было чувствовать, и отовсюду мне встречалось тепло и радушие первых мгновений и «острых ситуаций». А теперь напряжение прошло. Письмо отослано Руденко. Послал или не послал ты заявление – я уже ничего не могу сделать. Везде была. С работой пока ничего не ладится. В МОСХе остановка – еще не собралось новое правление. И вот наконец реакция.

Конечно, когда-нибудь все наладится и утрясется, но сейчас налицо полное исчезновение почвы под ногами. Сегодня собиралась в баню и поймала себя на том, что вспоминаю, как весело мы бегали в баню с девочкой, помогали друг другу мыться, в мастерской нас ждала кошка около печки и горячий чай, который почему-то был вкуснее здешнего. И какая радость была постелить чистое белье, забраться «в норку» и тихо болтать. А о сцене нечего и говорить...

Девочка прислала решительное письмо. Никуда не едет, остается в Латвии. Идет работать колхозным электромонтером, чтобы получить жилье и привести его в человеческий вид к твоему освобождению, чтобы мы могли приехать и отдыхать. Не сомневаюсь, что Зоя в Махарадзе мечтает о том же. Когда ты приедешь, ты будешь рваться к своему длинному мальчишке, а я – к моей курносой девочке. А самое главное, что я должна заработать на все эти путешествия, а у меня ничего из этого не выходит! Зоя просит тебя поцеловать, Ис<аак> Марк<ович> передает привет. Он зайдет, или я к нему зайду через несколько дней. Николай провалился в Домодедове, и я живу в страхе перед его появлением или несвоевременным звонком.

Джоничка тоже передает привет.

Кончила «Жан-Кристофа», прочла глупую книжку «Записки психиатра», а сейчас читаю «Слово о словах»² – симпатичная детская книжка, популярная лингвистика. Читаю много, очень наголодалась без книг, т. е. без чте-

ния, – книги-то были, времени не было. Опасно много письменных долгов. Привет от Кемницев – написали.

Спи, мой Заинька родной, храни тебя Господь.

Твой Листик

¹ Исаак Маркович Вольфин (1912? – 1986 или 1987), дипломат; педагог; сокамерник Д.А.

² Книга Л.В. Успенского, многократно переиздававшаяся.

93

24 октября 1956

Солнышко мое родное.

Большое письмо от мальчика. Переписываю то, что для тебя важно.

«Махарадзе окружен с трех сторон горами с снежными вершинами. Город буквально утопает в зелени. Чистенький город. Дороги асфальтированы. Моя комната 9 кв. метров, вход с коридора (передней). В комнате одно окно с занавесками, дверь одна, одна кровать, стул, стол, скамейка, керосинка, электроплитка. На столе скатерть, пепельница, книги, журналы, чернильница, ручка, карандаши и кувшин (фаянсовый) с водой. Под столом (на полке) чай, чайник и всякая иная посуда. Вот сейчас у меня очень тепло. На мне черный двухбортный (непростой – так здесь называют шерстяные костюмы) костюм, белоснежная сорочка и синий свитер. На ногах шелк. носки и желтые полуботинки. Питаюсь в столовой. Мясо начинает надоедать. Упиваюсь горячим чаем (это обязательно напишите Дане).

Из вышеописанного Вы видите, что мне неплохо. Я описал Вам все точно и подробно. Надеюсь, что Вы и Даня успокоитесь.

Даню нужно вытащить любой ценой. Скажите или напишите ему, что я его прошу сделать все, что он может, для этого.

Меня удивил Ваш вопрос об Ожегове¹, я же Вам в Москве говорил, что он жив, здоров и чувствует себя прекрасно.

Передайте мою любовь Дане, что я с ним хочу встретиться скорее, что ужасно по нем скучаю. Напишите Дане, что у меня, как было еще раньше, давно-давно, нет перхоти и лицо совершенно очистилось без всякого лечения. У меня румянец во всю щеку и чистая кожа, что мне очень вредит. Так как все мне дают только 25 лет, и это меня очень, даже больше, чем очень, огорчает. Выгляжу совершенно мальчишкой».

Я тебе переписала то, что для тебя. И для меня тоже. А остальное только для меня – вот тебе.

Сегодня пришла ко мне Соня Витухновская (была у меня когда-то такая подруга). Была она очень хорошо, попробует помочь с работой, но это страшно трудно. Я получаю столько писем, что не успеваю отвечать.

Стеклопанельная стена воздвиглась кругом и высотой до облаков. Чуть ли не выше всего – дома, с Дюканушкой и мамой. Золотко, солнышко, хоть бы случилось чудо и мы оказались бы вчетвером с детьми где-нибудь, где тихо. Я воспринимаю все не органами чувств, а не знаю чем, поэтому слышу не внешнее, а необъяснимое и неопишное.

Ужасно трудно то, что идет от города. Джони говорила, что у меня все нервы торчат кончиками наружу, как шкурка. Бедная моя, маленькая, тепленькая девочка, рыженький огонечек.

Зай, ты не сердись, что я скулю. У меня правда расползлись нервишки – шкурка, и мне плохо. Я хочу, чтобы было тихо и мы были вместе.

Ольга Дм<итриевна> еще просила тебе передать, чтобы ты шел в больницу и был там до конца. Я тоже очень прошу об этом.

Ненаглядный, родной Зайчишка, целую тебя очень, мой хороший. Вялый, тонкий, серо-зеленый, с носом-запечкой, дохлый, раскисший

Листик

¹ Возможно, речь идет о языкеводе и лексикографе Ожегове Сергее Ивановиче (1900–1964).

94

3 ноября 1956

Родной Заинька!

Я вчера так удачно попала на автобус, что не успела даже по городу побродить (даже жалко немножко). Около 7 часов уже была в Москве. Зайчишка, я очень хочу тебя видеть. Дома меня ждало письмо от мальчика с фотографией. Фотографию посылаю тебе, немножко завидую, потому что у него такая милая рожица, что мне тоже хочется такую карточку. По одной моей примете он должен быть музыкальным человеком, у него на всем лице как будто тень от чего-то лежит. Письмо его написано главным образом для тебя, чтобы я переписала.

Я постараюсь переписать завтра, сегодня какая-то очень усталая, и хочется просто поболтать с тобой.

Сегодня и от девочки пришло письмо. Она работает изо всех сил, старается заработать если не деньги, то положение. Пишет, что даже если у нас не будет денег, то она обеспечит нас помещением и самыми простыми продуктами, вроде молока, яиц и картошки. Письмо начинается словами «Любопытная Варнуха», это оттого, что я ее засыпала расспросами о Сереже, как полагается маме. Дальше идут успокоительные ответы – «он мне совсем безразличный и трагедия не какая не будет».

Родненький Зайчик, я вчера долго читала, очень радовалась и скучала о тебе. Теперь целых два месяца ты будешь слушать эту мою пискотню, так и знай. Кроме того, требую: в ноябре два письма и в декабре два письма, а то буду пищать еще больше. Мальчик страшно волнуется о тебе, в частности, из-за третьего этажа. Я тоже. Но я понимаю, как дорога хорошая атмосфера в тех условиях, так что только прошу тебя, будь умником.

Мальчик пишет: «Сейчас возле него никого нет, кто бы удерживал его от резких движений и кого бы он слушался». Зайка, Зайка, ну неужели ты у меня такой бестолковик? Впрочем, я ведь все понимаю, мой хороший, и то, что невозможно все время думать о том, как себя чувству-

ешь, и то, что необходима забота и ласка со стороны дорожного человека. Надо, чтобы кто-то «удерживал», «укладывал» и т. д. Вот и Лапса ругает меня за бессонницу и строго приказывает ложиться вовремя спать и ничего не думать и пишет: «Я приду ночью поглажу по головке и поцелую твоих седых волос».

Мальчик кроме телеграммы послал тебе еще открытку. А письмо очень серьезное, там стихи Заболоцкого и что-то такое научное, на переписывание чего у меня сейчас не хватает умственных способностей.

Я сегодня кончила второй пейзажик гуашью и написала третий. Через несколько дней примусь за другой вариант «Каменного гостя» маслом. Сейчас напишу мальчишке, расскажу, как тебя видела, потом поеду к Лизе¹. Завтра – свидание со старухами, с которыми я была вместе. Их восстановили в КПСС, и я буду с ними консультироваться о дальнейших военных действиях по освобождению Зайца из капкана. А в понедельник иду к Ирине Усовой. Целую, родной, и глажу седую щетинку на головке.

Листик

¹ Елизавета Константиновна Сон (1903–1984), преподаватель художественного чтения; одноклассница Д.А.

95

3 ноября 1956

Солнышко мое!

Ты должен получить извещение о том, что дело Прокуратурой рассмотрено и передано на окончательное решение в Военную коллегия Верховного Суда. Это значит, что Руденко подписал опротестование приговора. Все радуются, а я боюсь верить хорошему. Ответ из суда не раньше, чем через месяц, а может быть, и через четыре. Конечно, шансы на реабилитацию повысились, но время какое-то уж очень неудобное, так что я стараюсь ни о чем не мечтать. Одно точно: ближайший месяц мне в этом отношении нечего делать, и я буду рыскать насчет работы.

Второе, что тебя обрадует: я была на рентгене, и вот результат. Легкие, сердце, желудок, аорта, пищевод и кишечник – абсолютно здоровы.

Теперь перехожу к письму мальчика.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Подобный огненному зверю,
Глядишь на землю ты мою,
Но я ни в чем тебе не верю
И славословий не пою.
Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небесах чертила знаки
Страданья, крови и войны.

(по-моему, он тут что-то пропустил)¹

Кады над крышами селений
Всегда охватывала нас!
И был он в руку – сон зловещий:
Война с ружьем наперевес
В селеньях жгла дома и вещи
И изгоняла семьи в лес.
Был бой, и гром, и дождь, и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,
И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.
И над безжизненной пустыней,
Подняв ресницы в поздний час,
Коварный Мир из бездны синей
Смотрел внимательно на нас.
И тень сознательности злобой
Кривила смутные черты,
Как будто дух звероподобный
Смотрел на землю с Высоты.
Тот дух, что выстроил каналы
Для неизвестных нам судов
И стекловидные вокзалы
Средь марсианских городов.
Дух, полный разума и воли,
Лишенный сердца и души.
Кто о чужой не страдает доле,
Кому все средства хороши.
Но знаю я, что есть на свете
Планета милая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.

И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не утратили
Души естественной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта милая планета –
Земля воскресшая моя.

Н. Заболотский²
«Новый мир», №10, стр.104–105

(Дальше для меня труднее, потому что ты знаешь, какой я пенёк в научном смысле.)

Поль Дирак³ недавно выступил с публичной лекцией в Большом зале лектория Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Он задал вопрос – что такое электрон? И сам же ответил: электрон есть частица, переносящая электричество. А на вопрос (им же поставленный) – что же такое электричество? – ответил: электричество есть то, что переносится электроном.

Дальше цитирую по-своему (не я, а мальчик). Мы привыкли считать, что пустота – это место, где ничего нет. Казалось бы – что может быть проще! Но профессор Дирак пришел к другому выводу. Он допустил предположение, что пустоты в природе вообще нет. Мир, по его взглядам, заполнен безбрежным океаном материи в виде частиц, которые, однако, в обычных условиях никак не обнаруживают своего присутствия. Что же это за неощутимая материя?

Любое из окружающих нас тел обладает какой-то энергией. Она содержится в каждой частице и проявляется в ее движении. Энергия эта может быть и очень большой, и очень малой, почти равной нулю.

Это понятно. Но трудно уяснить возможность существования частиц, обладающих энергией, которая еще меньше, чем нуль. Отрицательная энергия! Как это ни парадоксально, из теории Дирака логично вытекала возможность существования в мире таких частиц.

Дирак указал способы экспериментальной проверки своей теории. По его идее, при очень сильном воздействии можно перевести частицу с отрицательной энергией (не обычное понимание отрицательного электричества, а отрицательная энергия, значит, по ту сторону нуля) в состояние с положительной энергией. Другими словами, из «пустоты» можно как бы «выбить» обычный электрон! В «пустоте» же тогда останется «дырка».

Как это, на первый взгляд, нелепо звучит: дырка, оставшаяся в пустоте! Но вспомните, что, по Дираку, самой-то пустоты не существует. Дырка получается в бездонном океане электронов отрица-

тельной энергии. И ведет себя эта дырка как частица с положительной энергией.

Итак, теория Дирака вела к утверждению: из пустоты можно «выбить» пару частиц – положительный и отрицательный электроны. Слово было за физиками-экспериментаторами.

Вскоре американский ученый Андерсон получил подтверждение теоретического предсказания Дирака. Рождение пары частиц – положительного и отрицательного электронов – удалось зарегистрировать в космических лучах и даже сфотографировать. То был подлинный триумф научной мысли. Положительный электрон получил название позитрона. Спустя много лет искусственным путем Беркли удалось получить частицу антипротон. И совсем недавно на том же ускорителе получена предсказанная Дираком частица – антинейтрон.

Итак, Даник! Начинает понемногу приоткрываться взаимодействие различных измерений. И, вероятно, скоро будет введено понятие – антиматерия.

Вот, родненький, не буду тебе хвастаться, что все понимаю. Желаю тебе понять лучше. Я ужасно тупа во всем касающемся физики.

¹ Действительно, дальше следует искаженная строка и пропуск, правильно:

Когда над крышами селений
Ты открывала сонный глаз,
Какая боль предположений
Всегда охватывала нас!

² Правильно: Н. Заболотский. По свидетельству сына поэта, стихотворение написано «в связи с осуждением культа Сталина» (*Заболотский Н.* Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 316). В публикации «Нового мира» очевидна подцензурная правка, в позднейших публикациях последние строки:

И эта малая планета –
Земля злосчастная моя.

³ Дирак, Поль Адриен Морис (1902–1984), английский физик-теоретик.

96

6 ноября 1956

Вечером была у Усовых – Налимовых¹. Познакомилась с Васей. Впечатление хорошее, милый, серьезный, очевидно, в глубине интересный и умный человек. Очень

скромный. Жаль только, что в глаза не смотрит дольше секунды – отводит или опускает. Это не всегда значит плохое, часто так поступают люди очень застенчивые, с очень глубоко скрытой внутренней жизнью. Ирина очень добра и прекрасно относится, только уж очень ограничена и скучна! Но это свинство так говорить. Тебе, конечно, привет от них и всякие хорошие слова.

Я много читаю, сразу несколько книг. Начала книжку Ив<ана> Алекс<еевича> Новикова – очень почтенно, но что-то скучновато. С наслаждением читаю рассказы Генри – какой хороший писатель! Еще одну книжку прочла – ту, о которой ты говорил. Не прочла, а проглотила, как индюшка, потому что не могла остановиться. Тебя, вероятно, удивит отсутствие возражений относительно изнанки мира, но представь себе, что это так. Дело в том, что я об этом много, хотя, как всегда, неконкретно, знаю. Не думай, что я не вижу собственной непоследовательности. Вижу, дорогой, и сама удивляюсь.

Целую тебя – за все, а за три маленьких кусочка, теплых-теплых, своего родного Заиньку отдельно.

Как мне хочется скорее много-много говорить с тобой!

Сегодня послала мальчику англо-русский и русско-английский словари. Остался еще японо-русский. Я нашла еще один за 50 руб., но этого тоже сейчас не имею. Получила от него очень хорошее письмо. Жаль будет, если моя девочка не понравится тебе так же, как мне – твой мальчик. Она ведь совсем другая, но для меня – чудесная, родная, смелая и добрая доченька, сестричка. Тебе никогда не мешает мое отношение к ней? Мне твое – никогда.

До свиданья, родной, любимый.

Твой Листик

Дописываю поздно: был Юрка, и мы опять с ним много пели. Я всегда пою для тебя, представляю себе, что ты сидишь на диване и слушаешь.

¹ Имеются в виду И.В. Налимова (урожд. Усова) и Налимов Василий Васильевич (1910–1997), математик и философ; см. *Налимов В.В.* Канатоходец: Воспоминания. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.

97

9 ноября 1956

Роднущенька мой, письмо из Трубчевска!

Письмо от Жени¹: «Дорогая Алла Ал<ександровна>! Ваше письмо принесло мне большую неожиданную радость – осенью 1954 г. до меня дошел смутный слух, что Даниила нет в живых. Прошу Вас передать ему от меня привет и сообщить, что я и Володя возвратились год тому назад. Все остальные живы, шлют Вам и Даниилу привет. Нет в живых мамы и Игоря², утонувшего в 1950 году. Когда будет Даниил дома?»

Дальше она просит передать привет Т.Н. Волковой, если я ее встречу. Очевидно, они были вместе.

Из Зининог³ письма уточняется, что их мама умерла в 1948 году⁴, что Протас Пантелеевич на пенсии, что Женя не работает и много болеет, а Зина работает в школе.

Ты подумай, и Женя, и Протас Пантелеевич⁵ живы!

Перехожу к очередному письму мальчика (я теперь уже окончательно спустилась на обязанность секретаря).

«Я второе ноября провел большей частью один. Я сидел у себя в комнате и воображал, что он со мной. Говорил ему всякие ласковые слова. Читал ему вслух стихи Заболотского, Лорка⁶. И его удивительно мерцающие глаза были со мной».

Мальчик был на неважном египетском фильме и так увлекся пейзажами и музыкой, что почти начал танцевать, опомнился только тогда, когда на него начали смотреть. Очень хвалит роман Дудинцева «Не хлебом единым» и Ремарка «Время жить и время умирать».

Еще из его письма: «Напишите Дане, что я живу в известном смысле так, как жил до тюрьмы и в тюрьме. Хотя это труднее, чем казалось и чем раньше. Даня как-то сказал, что никакая грязь не может ко мне пристать. Он оказался прав. Я Вам не могу писать, что было. Но, может, Даня так поймет».

Думаю, что ты все поймешь, а для меня все является поводом интуитивно и наполовину интуитивно волноваться за всех дорогих.

Я тебя порадую: пишу эскизы к «Двум Веронцам». Приблизительно то изображаю, что много было сделано в Потье. Пусть останется. Пока написала один и начала второй, а будет четыре.

Вечером 7-го была в гостях у Юрки, познакомилась с его новой женой. Из огня да в полымя, говоря прямо. Вместо пустой эффектной Риты – совершенная серость. Простоватая донельзя, с внешностью домработницы, полуполька-полунемка. Дома я постаралась все смягчить, потому что довольно уже этих трагедий. Юрка совершенно всем этим терроризован (боится эту жену показывать маме), потому я и была приглашена, чтобы как-то все улаживать и увязывать.

Золотой мой, хороший, любимый Заинька. А вот тебе всякие пустяки: утеплено мое пальто, куплен пушистый мех на воротник и муфточку, стряпаю себе шапочку (лоб будет закрыт, но одно ухо открыто) и из-за этого ужасно запустила письменные дела. Чтобы ты имел представление о размере моей переписки, напишу тебе, кому я должна написать ответ кроме этого письма: Мальчику, Лапсине, Лапсину папе, Вере, в Трубчевск, одной приятельнице по Потье, одной из тамошних начальниц, Кемницам, еще трем приятельницам, Николаю.

Дюка надо мной смеется, а я требую секретаря. Николай прислал письмо с извинениями и всякой мелкой ненужной ложью, вроде того, что не смог дозвониться (это тогда, когда я три часа сидела у телефона). Мальчик мне пишет часто, и очень хорошие письма. От девочки – короткие письма (занята была подготовкой к празднику) и совсем отчаянные, несмотря на желание меня утешить. Тебя все страшно любят и очень ждут. Перчатки на Заячьи лапки мама купила. Завтра Ирина посылает коллективную посылку, я сказала, чтобы послали корицу. Достану еще воск и папиросную бумагу и пошлю вместе с перчатками бандеролью. Ужасно хочу говорить, говорить, говорить с тобой. После каждого свиданья больше и больше.

Целую родную головку мою.

Листик

¹ Левенок Евгения Протасьевна (1899–1975), педагог; с трубчевской семьей Левенков Д.А. связывала многолетняя дружба.

² Левенок Игорь Протасьевич (1920–1950).

³ Левенок Зинаида Протасьевна, педагог.

⁴ Левенок (урожд. Пономарева) Неонила Стефановна (?–19 декабря 1948), жена П.П. Левенка.

⁵ Левенок Протасий Пантелеевич (Пантелеймонович; 1874–1958), художник, педагог.

⁶ Лорка, Гарсиа (1898–1936), испанский поэт.

98

12 ноября 1956¹

Родненький, сейчас послала тебе бандероль: перчатки, курительная бумага и та фотография, которую ты просил. Письма от тебя нет, и я очень беспокоюсь о твоём здоровье. Может быть, нужны какие-нибудь лекарства, ведь сейчас самые тяжелые для тебя месяцы, мои дорогой.

Целую тебя. Листик

¹ Открытка.

99

16 ноября 1956

Родной мой!

Если ты и твоё сердечко второй раз не разорвалось, то ты очень злой Заяк, раз до сих пор не пишешь.

Я волнуюсь так, что не знаю, что выйдет из этого письма.

Получила очень сердитое (конечно, в безукоризненной форме) письмо от Зеи. Он пишет, что я, очевидно, не поняла его слов, что тебя пребывание на третьем этаже убивает и что я должна была пойти к капитану и просить о переводе тебя в больницу.

Это все так? Я действительно должна была, несмотря на твои слова, что ты сам сейчас не хочешь в больницу идти и просить? Ольга Дмитриевна хватается за голову от мысли, что ты не в больнице. Исаак Маркович буквально взвыл, узнав, что ты все еще на третьем этаже.

А ты не пишешь.

Если в понедельник не будет письма, даю телеграмму. А потом приеду. Я знаю, что ты можешь писать чаще, чем раз в месяц, что же мне остается думать, зная состояние твоего здоровья?

Ну, попробую переключиться.

Тебе привет от Федора Константиновича¹. Он был взят через 2 года после нас, пробыл 4 года в лагерях на Алтае и вернулся по амнистии 53 года (у него было 5 лет). У него была встреча с Игнатом и Мусей – такая, как у тебя с Тат<ьяной> Влад<имировной>². Где они сейчас – не знаю. Фед. К. реабилитирован. Игоря я видела у него, про Алешу забыла спросить, но, по-моему, все благополучно, иначе он сказал бы. Жалуется на здоровье, но выглядит точно так, как 9 лет назад.

Еще привет от Адрианы. Я никак не могу вспомнить ее фамилии. Магидсон³? Твоя школьная приятельница. Я ее встретила в «Художественном фонде». Я попала в целую компанию моих старых приятельниц и сначала не узнала пожилую женщину, которая меня очень рассматривала. Потом она подошла ко мне и спросила о тебе. Тогда я ее узнала – по больным глазам. Она тоже участвует в посылках тебе. Просила тебе передать, что все старые друзья тебя ждут.

Родной мой, я больше не могу ничего писать. Не сердись. Если моя паника напрасна и ты не умер и не умираешь, пиши до 6 января по два раза в месяц – ты же сам мне это обещал.

Целую моего хорошего.

Листик

¹ Федор Константинович Константинов (1882–1964), художник, друг семьи Добровых с дореволюционных лет.

² Имеется в виду встреча на следствии во время очных ставок на Лубянке.

³ Магидсон Адриана Соломоновна (1906–1980), театральный художник и живописец; одноклассница Д.А.

100

18 ноября 1956

Зайка-паникер, здравствуй!

Письмо, которое ты начал писать 10-го, я получила сегодня, доволювавшись до предела. Солнышко, я никуда не уеду. У каждого свой «псих»: у тебя – апокалиптические – ну, скажем – опасения; у меня – твоя внезапная смерть от второго инфаркта. Ничего я обдумывать раньше времени не собираюсь. Ты спрашиваешь о деловой стороне. Пока – никак. На бутафорскую фабрику буду еще звонить. Относительно Влад<имира> Ал<ександровича> ты ошибаешься: сам он ничего не сделал, хотя я говорила, что ищу работу. Когда О<льга> Д<митриевна> «поднажала» – порекомендовал меня на эту фабрику, а больше ровно ничего, хотя он не только знает, до какой степени мне это нужно, но даже видел, когда был у нас в гостях на встрече с грузинскими родственниками, то, что редко бывает видно: меня, совсем раскисшую и расстроившуюся, и именно из-за отсутствия работы.

Солнышко, мама очень хочет, чтобы ты приехал. Очень. Каждый день гадает и ждет тебя, конечно, сюда. А мучить она всегда будет всех, она и одного папу мучила. Я, между прочим, знаю, что с ней: очень ясный и четкий случай одержания хорошего, но не крепкого человека какой-то мелкой нечистью. Если случится какой-нибудь хороший «вдруг», прошу действовать следующим образом. Добираться (если я не успею сразу приехать) до гостиницы «Владимир» – от твоей гостиницы это 2 или 3 остановки на троллейбусе – и там ждать меня. Почта и телеграф в гостинице, номер, конечно, бери отдельный. Дальше этого никуда один не двигайся. Номер стоит 18 рублей в сутки, если администратору расскажешь положение, никаких осложнений не будет. Телефон уже писала, пишу еще раз: К7-37-96.

Зайка, воск я забыла послать, а про мундштук ты ничего не говорил. Исправлю это на самых ближайших днях.

Я Сереже уже сама сказала, что концертный зал – его. Про волка – чудное! – скажу Ирине¹.

У меня есть такая же фотография мальчика, как у тебя, только маленькая. У него чудесное лицо: красивое, милое, чистое, юное и глубокое. Сейчас буду переписывать ему твое письмо. А теперь буду ругаться. Я столько тебе писала, так ждала твоего письма и волновалась! Я ничуть не обижена, что непосредственно мне написано только две странички, но из них одна – это только паника, а самое главное – ты, оказывается, не собираешься писать раньше декабря!

А почему нельзя написать в конце ноября, в начале декабря и в конце декабря? Тебе нечего мне писать, противная обезьянка? Ну, за то, что я для тебя уже почти только живая связь с миром и друзьями, кончаю письмо и не расскажу, что мы с Дюканушкой сегодня были на спектакле Шанхайского классического театра и что это было совершенно замечательно. И что написала три эскиза к Веронцам – не скажу, и вообще, целую крепко дорогую головочку и начинаю писать твоему мальчишке. А ты перечти мои письма и покрасней оттого, как ты мне мало написал на все, что я тебе писала. Вот.

Листик

Посылаю тебе Джоничкино письмо. Дозвонилась сейчас Ольге Дмитриевне, она не хочет присылать фото. По-моему – зря, я ее просила послать, она обещала еще подумать. Но оригинал не стоит таких чувств, я ведь ее очень хорошо знаю, мы были вместе. Красивая девушка, но больше ничего.

¹ Имеются в виду стихотворения Д.А. «Концертный зал» (1950), посвященное С.Н. Ивашеву-Мусатову, и «Весельчак» (1950), вошедшие в «Русские боги».

101

19 ноября 1956

Ты посмотри, какая я растрепа: забыла вчера положить в конверт Джоничкино поздравление, а написала, что положила. Ночью, забравшись в свой уголок, читала «Лес-

158

ную кровь». Как я ее люблю, Заинька, и если б ты знал, как мучительно я пыталась хоть что-нибудь вспомнить целиком! И всплывали в памяти только отдельные строчки. Очень хочу скорее все дальше, чтобы видеть, что ты еще прибавил, что изменил. Про луну мне очень нравится.

Я вчера не на все успела ответить в твоём письме. О работе. Солнышко, трудно написать подробнее: зацепки есть в нескольких местах, где-нибудь в конце концов выйдет. Дело не в моей «специфике», а в отсутствии работы. Ее мало даже у тех, кто все эти годы никуда не уезжал и не терял никаких связей. Товарищи встречают очень хорошо, поэтому я и думаю, что какая-то работа найдется. Японское стихотворение, конечно, сочинено самой Ириной. О впечатлении от Васи я тебе писала.

Относительно дуализма – полностью принимаю и совершенно так же чувствую. Сережу видела слишком мало и коротко, чтобы серьезно говорить с ним.

Я, кажется, сильно задела тебя рассказом о сплетнях. Я на такие вещи теперь реагирую иногда сильно и горячо, но коротко и неглубоко. Я к сплетням привыкла, знаю, что они были, есть и будут кругом меня, и наплевать мне на все это, если уж очень не переходят границы.

Я думаю, что карточку, которую ты просил, ты уже получил – она была послана вместе с перчатками.

Я вчера немножко бестолково написала об Элеоноре, просто меня поразило, что это именно она – ее карточка – так нужна. Плохого в ней тоже ничего нет. И серьезного и хорошего – тоже. Веселая, легкомысленная, красивая, милая и неглубокая венка. У меня с ней были очень хорошие отношения, но мне жалко мальчишку: «пустой номер». Дело в том, что ведь и О.Д. – просто очень милая дама. Только не подумай, что я что-нибудь плохое говорю, а ты поймешь «не так», а ты выходишь чепуха.

Я переползаю из одного волнения в другое. От тебя пришло письмо – можно успокоиться, теперь девчонка молчит. Потом от нее придет – настанет очередь мальчика. Как хорошо, что у нас нет маленьких детей, я бы серьезно сошла с ума.

159

Вчера звонила только что вернувшаяся из Крымской экспедиции Галя, спрашивала о тебе. Приветы, само собой разумеется, – от всех.

Вот, Зайчишка, я тебе стараюсь все внимательно писать, а ты на столько мне не ответил! Будешь плохо писать – приеду раньше 6 января.

До свиданья, родненький.

Листик

102

25 ноября 1956

Голубчик ты мой ненаглядный!

Опустила вчера деловое, но довольно бессвязное письмо, сегодня заволновалась, что плохо написала, решила скорее писать новое, и вдруг – подарок! – твое письмо. Ясненький, родной мой! Сначала я тебе все-таки напишу то, что вчера не дописала, а потом примусь за твои вопросительные знаки.

По моему вчерашнему письму, я боюсь, что ты можешь подумать, что я чем-то в тебе недовольна. Родненький, это совсем не так! В письме, естественно, могли быть нотки досады; ты подумай – дотащить такую махину до конца и на самом хвостике увидеть, что нет полной удачи из-за собственного (ну – твоего) промаха! Ведь все старое распутано совершенно, осталась одна клякса – нескладное твое заявление! И не думай, что я тебя обвиняю. Во-первых, я еще в 50 году написала заявление просто глупое. Во-вторых, я и дальше далеко не всегда соображала и писала очень много, но не очень умно. А самое главное: если ты так держишься за некоторые вещи, я спорить не буду и, конечно, никаких требований не выдвигаю. Очень нужно очень серьезно поговорить – так, как сейчас невозможно. Я думаю, что ты согласился бы со мной, но, повторяю, если и не согласишься – я это пойму. Больше, чем пойму и понимаю, но это, конечно, тема для большого и серьезного разговора. Имеет значение еще одна вещь трагикомического порядка: люди, решающие сейчас относительно нас, были

160

бы счастливы с нами распутаться, а ты этому мешаешь. Я теперь многое поняла. Мы сами – больше ты, но также и я – очень задержали весь пересмотр. Мы могли бы быть здесь вместе, по крайней мере, год тому назад. Мне не хочется, чтобы ты задерживался до февраля. Что-нибудь мы бы придумали, а ведь еще очень много скучных, нудных, но необходимых формальностей и утрясок. Ну, перехожу к Зайкиным вопросам.

Мое здоровье. Увы! – это все-таки только нервы. Была «надежда» на малокровие, но у меня никогда в жизни не было такого хорошего анализа крови, как сейчас. Ничего не поделаешь, дорогой, мне тоже не очень нравится неуловимое «расстройство вегетативной нервной системы», но придется с ним жить.

Что Авсюк¹ в Антарктиде – знаю и, к счастью, «в свое время» по отношению к ним тоже не была виновата.

Ис<аак> Марк<ович> только звонил уже раз пять, но не заходил. Что говорит Федор о Ков<аленском> и Саше? О Саше – ничего, а о Бише говорит так, как некоторые говорят обо мне, т. е. льет на него всё, что может плохого, и считает виноватым в своей судьбе. Я сказала ему (Федору), что он неправ и что никого не надо считать виноватым. «Там» никто не был умен. О вине перед Сашей поговорили потом, но я буду повторять одно: никого не считаю виноватым перед собой или перед тобой и себя не считаю такой уж сволочью, как некоторые думают. Смешно и мелко при огромном пожаре выискивать, кто уронил спичку, а кто положил не на место бумагу, а кто не обратил внимания на дым, а кто просто растерялся.

К Волковой, Зай, схожу, ну, право же, я не виновата! Приедешь – увидишь, сколько дела.

К Федору я зашла случайно: шла мимо и зашла. Он не работает – хлопчет о пенсии.

Относительно Игната и Муси. Кажется, там в основном «вина» Коваленских. Федор был умнее нас и играл роль Т<атьяны> В<ладимировны>, а те двое, главным образом Игнат, – твою. Не так все, конечно, но «что-то вроде».

Левенкам я написала просьбу о более подробном письме, жду ответа.

161

Золотое Солнышко, я пишу в приемной зубной поликлиники, и бумага, которая была с собой, – кончилась.

До свиданья, родной, милый, любимый.

Твоя Алла

¹ Авсюк Григорий Александрович (1906–1988), физико-географ; близкий знакомый Д.А. и Коваленских.

103

27 ноября 1956

Золотой Заинька!

Сегодня полдня шлялись с Сережей по делам. В результате: отдали в МОСХе в отдел кадров справки о реабилитации. И так все: чтобы продвинуть какое-нибудь дело на сантиметр, нужно без конца ходить и толкать. Но я к этому отношусь очень спокойно.

Теперь я перейду к твоим вопросительным знакам. Знаешь, а я «Пушкина в Михайловском» читала на Лубянке. А сейчас читаю «Писатель и его творчество». Там вот что: «Слово о полку Игореве» и Пушкин – в отношении к нему. Тургенев периода «Записок охотника». Толстой периода «Севастопольских рассказов» и Чехов в очень симпатичном разрезе. Хорошая книжка. У Ивана Алексеевича¹ хороший дар: уметь заставить полюбить и почувствовать совсем живым писателя, о котором он пишет. Моя любовь к Пушкину определенно началась с «Пушкина в Михайловском».

Я сама боюсь насчет Розы. Тем более что в конце Мистерии я уже начинаю глухо ворчать и подтягивать. Очень осторожно, правда, помня про Лиурну...

Спасибо за девочку, родной. Она мне пишет очень много, и такие письма, что все ее ясное сердечко как на ладони. А Индонезию я часто пою для тебя. Про испанцев потом поговорим. Надо тебе сыграть Мексиканские песни, тогда будет ясна линия от испанцев через Южную Америку.

Заинька, все друзья будут принимать тебя хоть в купальном костюме, если хочешь, тем более что это произво-

дит совершенно одинаковое впечатление. А по улице и в метро как поедем?

Во вчера отправленной посылке участвовала вернувшаяся из Ташкента Александра Львовна. От нее – вишневый сироп, рыба, икра, вафли и сладкое сгущенное молоко. Она меня совсем купила отношением к тебе. Мы много судачили, и среди всего прочего она сказала, что давно всем, знающим тебя, известно, какой ты необыкновенно добрый человек и что тебя нельзя не любить, если знаешь тебя.

Еще она меня сразу поняла и очень поддержала, когда я сказала, что – по-моему – у тебя гипертрофия честности и совести. Пожалуйста, не фыркай. Я знаю, что ты меня считаешь слепой и глухой от любви, но ты очень неправ: не слепа, не глуха, вполне объективна. И не теряю надежды кое в чем переубедить тебя, когда будем вместе.

О твоей фотографии. Ты и раньше не любил смотреть в зеркало. Теперь, глядя на прежнюю фотографию, можешь судить, как был неправ. Так же неправ и сейчас.

Слушай, я хныкала из-за сна с церковью, вот и вышла опять с тобой закорючка! Только никак одного не пойму: так я всегда радуюсь этим снам, и почему они всегда предвещают продолжение «переживаний»?!

Из «Гамлета» я потом что-нибудь вспомню. Не плачь об эскизе с тропинкой: у папы цел большой, написанный по нему пейзаж. В Художественный фонд я носила три только что написанных гуашевых пейзажика, и их не приняли. Я не очень огорчена: рада, что они остались у меня. В начале декабря должно выясниться кое-что с работой. Тогда и напишу – из суеверия. Вл<адимир> Ал<ександрович> – пустое место (в этом смысле).

Милый Зай, глюкозы 9 ампул, а не 10 оттого, что я взяла последнюю в аптеке коробку с одной разбитой.

Умоляю в ушки сначала класть вату, а потом воск!

А знаешь, мне издание руководства по стихосложению совсем не кажется полной химерой. Путей к осуществлению этого я еще не вижу, но, когда приедешь, подумаем, может быть, что-нибудь получится. Когда приедешь, тебе придется, чтобы знакомиться с моими друзьями, читать гору писем, которые я для тебя храню. Джонькины пись-

ма – шедевры, в смысле обращения с русским языком (это именно «обращение», а не «употребление»). Например, «подряд» она пишет: «по дрят», «попроси» – «папросы», «Варнушечка» и «любо питсво» («любопытство»).

Вот, солнышко мое родное. Ты пишешь, что не умеешь писать мне стихов, а я не умею писать тебе, как тебя люблю. Дураки, лишаем друг друга большой радости. Я и о наших свиданиях не умею рассказывать: ко мне пристают – «ну, как он, ну, что он?» А я отвечаю – «видела, он ничего, по-прежнему». И ничего не могу людям рассказать. Целую, хороший мой.

Листик

Плохая фотография? По-моему – плохая.

¹ Речь идет о писателе Иване Алексеевиче Новикове (1877–1959) и его книгах.

104

1 декабря 1956¹

Заинька, вышло так, что письмо еще не отправила по глупой причине: дома не было конвертов. Сейчас сию в большой очереди в райжилотделе.

Я хочу написать тебе кусочек из Сашиного письма ко мне и мой ответ на этот кусочек, чтобы потом чего-нибудь не выдумывали. К сожалению, Сашино письмо осталось дома, так что пишу на память, но я его сохраню до твоего приезда.

У него примерно так: он спрашивает о твоём здоровье, потом пишет: «спрашиваю об этом Вас, так как Вы, вероятно, единственный человек из его родственников, относящийся к нему искренно и прямо со всеми вытекающими из этого, хорошими и плохими, последствиями. Но плохое постепенно уходит в прошлое, а хорошее должно остаться».

Не могу сказать, чтобы это было ясно выражено. Вот мой ответ:

«Здоровье его (твое) очень плохо, состояние сердца такое, что никогда нельзя знать, жив ли он сегодня или

нет. Следующая моя поездка к нему зависит от дела: если узнаю в Прокуратуре что-нибудь, что надо ему сказать, – сразу поеду.

Душевное его состояние – прекрасное. В этом сказывается его подлинная, очень большая человеческая ценность. К счастью, Вы ошибаетесь в одном: я совсем не являюсь исключением в своем к нему хорошем отношении. Родные – понятие условное. Не считая моих стариков, помогающих ему десятый год, хлопотавших за него и ждущих его, все старые друзья, которых я видела здесь, буквально со слезами радости узнавали от меня, что он жив. А те, что знали это раньше, уже давно понемногу ему помогают. Все его очень ждут. Что же касается людей, с которыми он познакомился за эти годы, они к нему относятся с трогательной теплотой, уважением и любовью, т. е. именно так, как он заслуживает».

Потом я еще написала, что мне много помогла Александра Львовна.

По-моему, ты не должен на это сердиться, родной.

Меня очень тревожит, как твое сердечко выдержит все цирковые номера, которые происходят с нашим делом.

О моем приезде я написала Саше так, как есть. Если ничего особенного не узнаю в Прокуратуре, то приеду 6 января. Если же будет нужно – приеду раньше. Одно есть осложнение: 6 января – воскресенье. Когда же быть у тебя – 7-го? Может быть, можно прийти в воскресенье вечером? Вряд ли, ведь это выходной у служащих.

Не жди от меня скорого отчета в жилищных хлопотах, это очень долгая история, и даже при благополучном течении ее первый ощутимый (морально) результат – взятие жилотделов на учет – достигается терпением и напористостью.

Целую тебя, хороший мой. Боюсь, что всегда волнуемую своими письмами, очень уж жизнь неоранжерейная!

Листик

¹ Продолжение письма от 30 ноября 1956, см. СС, 4, 432.

2 декабря 1956

Мой родненький!

Сегодня мне позвонила Нэлли Леонова. Сказала, что хочет со мной говорить и Алекс<андр> Викторович хочет со мной говорить. К сожалению, я не могла сегодня поехать, потому что незадолго до ее звонка сговорила с Галей Русаковой, что приеду к ним. Возможно, что к Нэлли поеду в следующее воскресенье. Нэлли просила передать тебе привет, сказать, что она никогда тебя не забывала и хочет видеть и т. д. А самое поразительное вот: Биша хочет приехать к тебе на свидание. Я сказала, что напишу тебе, и ты выяснишь, дадут ли вам это свидание, и напишешь. Я думаю, что должны дать, ведь он – муж сестры, но толком не знаю. Биша, оказывается, удивлен, что ты не ответил на его письма. Я сказала, что эти письма тебе отдали месяца два тому назад, а не тогда, когда они были написаны, и что ты можешь писать раз в месяц. Она сказала, что для такого ответа можно пожертвовать письмом мне. Не волнуйся, я не вспылила, а только повторила, что ты недавно прочел эти письма. Может быть, в конце декабря ты напишешь письмо пополам – мне и ему? И подумаешь насчет свидания? А если ты хочешь, чтобы он быстро приехал, и узнаешь, что это свидание дадут, попроси разрешения в ответ на это письмо написать открытку в несколько слов: «Прошу Бишу приехать» – и все.

Я еще сказала Нэлли, что ты всех помнишь, с большой любовью и теплом ко всем относишься и спрашиваешь обо всех. Сказала о состоянии твоего здоровья и о душевном состоянии.

Моих комментариев ко всему этому писать не буду. Когда я рассказала Гале и Викт<ору> Фед<оровичу>¹ об этом разговоре, Галя раскрыла глаза, изумленно помолчала, а потом сказала, что это ее крайне удивляет.

У Русаковых была очень хорошо и много их смешила, хоть и рассказывала невеселые вещи, все о нашей нескончаемой эпопее.

Все, Заинька, страшно волнуются за тебя, всё понимают и очень просят быть умным. На днях я надеюсь что-нибудь толковое узнать в Прокуратуре, кроме того, придет твое письмо, в котором уже будет реакция на мое сообщение. Может быть, я сразу приеду, но только в том случае, если это будет нужно. Хотя, конечно, рвусь повидать тебя без всяких случаев.

Очень жду писем от мальчишки, ему вчера послали полторы страницы горячей мольбы писать всегда и все время. Очевидно, он замотался, но, может быть, в результате все утрясется с работой, тогда это лучше.

Ужасные письма от девочки. Бедный ребенок умоляет приехать. Я приехать не могу, понимаю, что с ней делается, и просто передать тебе не могу, как из-за этого мучаюсь.

Сегодня принялась рисовать эскиз портрета автора «Слова». Маленький, карандашом на бумаге. Что буду делать с лошадьми – не знаю. Совсем не могу их нарисовать, получается помесь змей с собаками, а на них все построено, и иначе нельзя. И еще есть одна трудность. У меня все время крутится в голове и никак ни во что не воплотится какой-то особый стиль живописи – и не реализм, и не условность. И никак не могу поймать, как тут быть. Да и что тут поймаешь: на свете немного таких не располагающих к искусству (особенно живописи) людей и мест, как мама и комната, где она живет. Юрка рассказывал мне смешную историю о том, как с мамой отказался жить котенок: метался по комнате и все кружил, пока его не унесли.

Я боялась им рассказать, что последняя неудача вызвана собственным твоим заявлением, но потом рассказала, и – представь себе – все хорошо и понятно!

Спокойной ночи, Солнышко мое.

Листик

Я не забыла о Волковой: была в Чистом пер., она там не живет. Была у Миклашевской² (та, что живет внизу), она часто видит Т<атьяну> Н<иколаевну>. Я попросила передать мой телефон. Звонка нет. Все живы, все в Москве, Ирина работает художником в Казани (ездит туда). Ваня кончает техникум в Лен<ингра>де. Т<атьяна> Н<иколаевна> живет с Андреем³.

3 декабря 1956

Открытка от мальчика – скоро надеется устроиться. Письмо из Трубчевска – там всё благополучно, подробно в след<ующем> письме.

¹ Виктор Федорович Еремеев, муж Г.С. Русаковой.

² Миклашевская (урожд. Кропоткина) Вера Александровна, друг семьи Муравьевых.

³ Ирина Николаевна Угримова (урожд. Муравьева; 1903–1994), театральная художница, друг детства Д.А.; Ваня – Иван Гаврилович Волков, Андрей Гаврилович Волков (1931–2009), статистик, демограф; сыновья Т.Н. Волковой.

106

4 декабря 1956

Родной мой Заинька, приступаю к очередному отчету. Сегодня – открытка от мальчика от 29.XI. Идет в приемную Предсовмина по вопросу трудоустройства и обещает о результате написать немедленно.

Трубчевские дела: все очень расстроены состоянием твоего здоровья и, конечно, шлю привет. Женя и Всеволод¹ вернулись по амнистии. Всеволод работает в Ленинграде в Институте истории материальной культуры Академии наук. Прошедшим летом провел экспедицию по Десне. Среди ученых-археологов становится все более известным. Собирается писать кандидатскую работу. Рад, что ты жив. Оказывается, слух о твоей смерти (и даже о моей) был довольно широкий.

Женя живет у сестер и хозяйничает дома. Чем больна – не пишет.

Жива твоя бывшая квартирная хозяйка², но погребло одно из грушевых деревьев, второе – есть. Нет уже даже забора между ней (хозяйкой) и Левенками. Протас Пантелеевич совсем стар, но «остатки бодрости еще у него есть».

Вчера я была в Левшинском, нужна была справка из домоуправления. Видела Вас<илия> Вас<ильевича> и Лешку – взрослого, семнадцатилетнего, белобрысого Лешку и двух дочек Ламакиных – Надю, родившуюся при

168

нас, и Олю³. Надя хорошенькая и на Вас<илия> Вас<ильевича>, как предполагалось, не похожа. Видела Рину⁴ и ее мужа и их пятилетнюю дочку – Аленушку. Представляешь себе: Рина, очаровательная, хорошенькая, милая и очень обаятельная молодая женщина, заплетает косички своей дочке!

Галя мне рассказывала о Тамаре Патер⁵: процветает, защитила кандидатскую диссертацию, работает старшим научным сотрудником с большой зарплатой. Презирает Галю. Вот, кажется, сплетни все.

Дюканушка болен. Первый раз со времени моего возвращения случился с ним этот его спазм кишечника, который так его мучил. Мы с мамой думаем, что он перенервничал на работе; он теперь завсектором, вместо Парина⁶, и, конечно, хлопот больше.

У меня страшная бессонница, которая меня злит: все годы лагеря спала, как полено, а теперь – пожалуйста! Целый день хочу спать, хожу с дурной головой, а как только потушу свет – разеваю глаза в черный потолок и несколько часов смотрю фильм: ты, комната, Прокуратура, Лапсиня, работа, ты, Прокуратура, мальчик, комната, ты, мальчик, Лапсиня, Прокуратура и т. д. А утром не могу подняться. Возмущает это меня страшно, такое расслабление воли, и ничего не могу поделать.

Солнышко мое, я думаю, ты понимаешь, что я очень далека от мысли мешать налаживанию твоих с Бишей отношений. Но я прошу, очень серьезно прошу: если увидите, не проси прощения до беспамяти. Каждое твое сказанное или написанное не мне слово становится достоянием бесконечных пересудов, обрастает, как снежный ком, видоизменяется и принимает совершенно фантастический вид. Я так и не понимаю, в чем и почему ты считаешь себя таким перед всеми (или перед некоторыми) виноватым. Может быть, это моя тупость, а может быть, я знаю больше, чем ты. Отложим это до встречи, родной, а пока – учти болезненный к тебе интерес и ужасное свойство людей все перевернуть и преувеличивать. Кстати, я очень протестую против одной вещи: «Без заслуг»⁷. Она будет – в таком виде – совершенно неправильно понята, не только не так,

169

как есть, но и так, как ты совсем не хочешь. Вообще такая глубокая и такая интимная лирика – вещь трудная. (Почему, когда я тебя как-то спросила о лирике, ты решил, что я с тебя требую любовных стихов?) По-моему, все-таки должно быть большее расстояние от дневника до читателя, а то все будет понято не так.

С эскизом автора «Слова», как и со всем, что приходит мне в голову, просто беда: ужасающий разрыв между тем, что приходит в голову, и полным отсутствием – не мастерства, а элементарного умения.

С работой плохо, но не безнадежно. Зацепки есть в четырех местах, неужели везде сорвется! Мешает еще конец года, возможно, что в январе станет легче.

Послезавтра опять пойду в Прокуратуру, постараюсь узнать, что они собираются сделать, но думаю, что мне ничего не скажут. Я очень боюсь, что тебе не избежать серьезного разговора с каким-нибудь официальным лицом и ты опять скажешь что-нибудь «не то» и «не так». Логика искать, конечно, безнадежно: десятый год можно держать в тюрьме человека, для обвинения которого, по мнению той же Прокуратуры, «не было никаких юридических оснований», – такие действия «органов» считаются возможными. В то же время целый взрыв негодования, ужасную затыжку в рассмотрении и какой-то неудобнообходимый юридический крючок делают из написанного два года тому назад, в условиях изоляции, заявления больного, вышедшего из себя, доведенного до естественного в таких условиях раздражения человека. Разве не так? Что им теперь надо? Чтобы ты писал заявление, что отказываешься от заявления? Удивительно какая-то односторонняя юрисдикция. Но факт остается фактом: в официальные места надо писать о действиях или отсутствии таковых и не касаться никаких чувств и мыслей. И в разговоре тоже. Нет ни фашистских, ни монархических, ни террористических убеждений, значит, есть честные, демократические убеждения. И пусть отстанут. Ну вот, расписалась! До свидания, родной.

Листик

Очень рада, что скоро кончится 56 – високосный – год. Только бы дожить декабрь, всегда плохой месяц.

Ольга Дм. покрасила волосы в бронзовый цвет, ногти в сиреневый – и очень хочет выйти замуж, но это сейчас трудно: мало мужчин.

¹ Е.П. Левенок была в заключении с 1946 по 1955 г.; Всеволод Протасевич Левенок (1906–1985), археолог; был арестован органами МГБ в январе 1951-го, а в октябре 1955-го освобожден по амнистии.

² Шавшина Марфа Федоровна.

³ Речь идет о семье соседей Добровых и Андреевых – Ламакиных; Ламакин Василий Васильевич (1903–1937), геоморфолог и геолог; Ламакин Алексей Васильевич – сын Ламакиных; Ламакина (в замуж. Виноградова) Ольга Васильевна, географ; Ламакина Надежда Васильевна – дочери.

⁴ Межибовская (в замуж. Горихина) Викторина Григорьевна (р. 1932), скульптор – соседка Добровых и Андреевых.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Парин Василий Васильевич (1903–1971), физиолог; академик АМН СССР (с 1944); был сокамерником Д.А.

⁷ «Без заслуг» (1950) – стихотворение Д.А.

107

13 декабря 1956¹

Голубчик, наконец послала тебе сегодня посылку. Безобразно задержала ее, потому что никак не могла понять, привезут тебя сюда сейчас же или нет. Ничего нового не узнала, но больше нельзя Зайку оставлять голодным. Начала работать на фабрике театральной бутафории, пока ерунда, годится только как переходная стадия на короткое время. Посмотрю, что дальше. Привет от Кемницев, от Алеши, от всех. Нэлли так и не звонит. Боюсь, что зря я тебя еще добавочно переполошила с этим Бишиным предложением ехать к тебе. И так довольно волнений. Ненаглядное солнышко мое, крепко тебя целую и страшно волнуясь.

Листик

Очень прошу: если будешь писать Бише, пиши в моем письме, я не в состоянии не иметь сейчас от тебя никакой весточки. Просто не могу. Я едва держусь душевно.

¹ Открытка.

Алла АНДРЕЕВА

**О себе, о выставке
«Земля, открытая Богу и Небу»**

Я родилась в 1915 году в Москве и прожила в Москве всю жизнь, кроме девяти с лишним лет сталинских тюрем и лагерей.

Закончила в 1938 году Институт повышения квалификации художников. Училась у трех педагогов: В.Н. Бакшеева, Б.В. Иогансона и Л.Ю. Крамаренко.

Первое участие в большой выставке – 1939 год. До этого участвовала в выставке самодеятельных художников. Моя работа – пейзаж – была отмечена в прессе и куплена для какого-то музея, совершенно не помню, где она может быть.

Член Московского союза художников с 1943 года – сначала живописной, потом графической секций. Работала художником всю жизнь, даже в лагерях, где это было искаженной работой. Я писала лозунги, чинила кукол, делала елочные игрушки для детей лагерного начальства, красила гробы, – но все это была механическая работа, совершенно не занимающая ум и душу, во время которой учились роли и стихи, придумывались декорации для наших спектаклей.

Мой дебют как театрального художника состоялся в лагерном спектакле «Урок дочкам» И.А. Крылова, где декорации я писала плохой акварелью на старых газетах.

Этот текст написан А.А. для каталога выставки ее живописи и графики, посвященной поездкам на Памир и в Монголию, «Земля, открытая Богу и Небу», проходившей в Государственном музее Востока с 26 мая по 8 июня 1997 г.

По возвращении на свободу участвовала во многих выставках, московских, российских и всесоюзных. Где находятся договорные работы, на этих выставках экспонировавшиеся, не знаю.

В 1974 году состоялась первая групповая персональная выставка. В ней участвовали семь художниц; моих работ было представлено около 100. Позже было еще несколько персональных выставок. На них были куплены и куда-то отправлены циклы работ, посвященные Воркуте, Полярному Уралу, Прибалтике. Другой цикл – 23 работы, посвященные Воркуте, – передан мною в общество «Мемориал».

Знаю, что много моих работ находится в Государственном музее Запорожья, в московской галерее «Никор», в музее г. Тарусы. Также в частных собраниях за рубежом.

Много лет работала в технике линогравюры в Комбинате Графического Искусства. Сколько сделала линогравюр, никогда не считала.

Награждена званием и медалью Ветерана труда по МОСХу.

Теперь об этой выставке.

Мои работы очень просты. Я ни в коей мере не принадлежу к авангарду. Более того – не принадлежу ни к какой школе, ни к какому течению. Это – принципиальная установка.

Я – категорическая противница широко исповедуемой сейчас точки зрения на творчество как на способ самовыражения художника. Для меня главное в окружающем меня мире то, что этот мир создан Богом. Я – художник, в меру своих способностей, Им же мне данных, стараюсь передать ту красоту, ту гармонию, то величие, которое способна увидеть и бледно, слабо, частично его отобразить. Больше никакой цели в моих пейзажах нет.

Выражаю ли я себя при этом? Конечно, если есть, что выразить. Если художник в любой области искусства сложился в то, что можно назвать личностью, эта личность, воспринимающая Божий мир, несомненно выразится в работах без всякой заботы автора об этом.

Ни как человек, ни как художник, я не представляю своей жизни без моего мужа Даниила Леонидовича Андреева, крупнейшего русского поэта.

Даниил до тюрьмы и освобождения видал только Крым, а я – Кавказ в наименее величественном его выражении. Вместе мы видели только начало Северного Кавказа, Горячий Ключ, где Даниил заканчивал книгу «Роза Мира». Несмотря на это, в свои предсмертные месяцы Даниил сказал мне, что горы будут иметь большое значение в моей жизни художника.

Я вспомнила эти слова, попав на Западный Памир в 1982 году, когда со смерти Даниила прошло 23 года.

Господь в каждой травинке, в каждом листке. Но, видимо, каждый человек встречает Его там, где сам сможет. Для меня эти горы, эти рядом сияющие звезды, эта особая тишина были совсем близко к Вседержителю, и я молча, как умела, рисовала.

В Монголии я была в 1989 году. Мы поездом проехали с Запада на Восток почти через всю Россию и на узике три тысячи километров по степным дорогам Монголии, совершенно особенным, разбегающимся по земле, как артерии. Других дорог там нет, и жизнь, кроме двух или трех городов, такая же, какой была при Чингисхане. Своими глазами я видела на празднике, как из дверей храма выходила процессия ламаистских монахов, напоминающая из-за их одежд поток расплавленного золота, а на празднике Десяти Тысяч Коней – действительно такое количество этих прекрасных животных.

Я не была в Южных морях, не была ни в Австралии, ни в Антарктиде, о чем очень жалею. А Сибирь и Монголия сказали мне, что наша часть Земли, та, которую мы знаем, вся утыканная домами и захватанная людьми, жива только потому, что там, на Востоке, Земля еще распростерта, открытая Богу и Небу.

Конечно, не в моих силах было передать эту тишину, это величие, это смиренномудрое терпение древних просторов. Я сделала очень мало – то, что смогла.

1997

Даниил Андреев и музыка

Интервью с А.А. Андреевой

Мы встретились с Аллой Александровной, чтобы поговорить на тему «Даниил Андреев и музыка». Тем, кто читал его книги, ясно, что повод для встречи не надо было придумывать специально.

Марина РАКУ

А. А. – Представьте себе – он не был музыкальным человеком!

М. Р. – Это легко представить, помня о Блоке.

– Да! Вот именно! И в то же время его стихи, конечно, необыкновенно музыкальны. Больше того, в черновиках сохранилась выразительная запись. Вот маленькая тюремная тетрадоочка. На ней стихи написаны вдоль и поперек, потому что было мало бумаги. А сбоку те значки, которыми поэты определяют ритм. И надпись: «Детская тема «Солнечной симфонии»».

– Вот, кстати, эта приверженность к определению «симфония». Оно все время встречается в стихах. Что это для него означало, как вы думаете?

– Что это не поэма, не цикл стихотворений. Что это – «симфония». Кстати, четырехчастная. Например, «Симфония городского дня» или «Рух» – «Симфония о великом Смутном времени».

Впервые опубликовано под заглавием «Причастник музыкальной вселенной» в журн. «Музыкальная жизнь». 1999. № 11.

– А может быть, он слышал за этим действительно какую-то свою музыку?

– Я думаю, это музыка слова. Кстати, очень интересное его детское воспоминание: Даниил очень хорошо говорил, но ни за что не выговаривал слово «вуаль» (а тогда дамы носили вуали). Он всегда говорил: «валь», «твоя валь». Его поправляли: «Даня, вуаль». Он опять: «валь»! А засыпая в кроватке, шептал: «Ву-а-аль». Это звучало так красиво, что этого нельзя было произносить при людях...

В его детских тетрадях сохранились бесчисленные космические эпопеи: с религиозными построениями, с историей, с именами мореплавателей, императоров, войн, выдуманных стран, выдуманных рек. Такое количество придуманных названий стран, рек, городов, императоров, императриц, военачальников, что по этому уже можно судить, какой была жизнь ребенка в стихии звуков. Но звуков не музыкальных, а поэтических. Даниил очень долго писал по старой орфографии – года до 30-го. Он возмущался этими изменениями, оплакивал их. Он говорил, что это совершенно другой язык!

– Но это и случилось в результате!

– Это и случилось в результате... Я, например, очень хорошо помню, как он говорил: «Слушай, ты не представляешь себе, какое счастье написать: “Дыша духами и туманами, вошла и села у окна”. “Села” через “ять”!»

Как он мне читал Лермонтова: «Слушай, слушай:

...В тени чин-ары
Пен-ну сладких вин-н
На узорн-ные шальвары
Сон-ный льет грузин-н.
Дальше веч-но чуждой тен-ни
Моег желтый Н-нил
Раскален-ные ступен-ни
Царствен-ных могил...

Ты понимаешь? Понимаешь?! Эта инструментовка – на “н”!»

Ведь в древности музыка и поэзия были одно, абсолютно одно: они вместе рождались, вместе звучали. А Даниил вообще поэт в том, древнем понимании. Это ключик к его произведениям. Он поэт по Божьему замыслу и по своему исполнению – насколько у него хватило сил, конечно. Я это поняла недавно. Мы знаем начало Евангелия от Иоанна: «Вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог». Это было то слово, которое было слито со смыслом и с музыкой.

– В драматургии его отца Леонида Андреева музыке отведена особая роль. Возможно, она образует отдельный символический пласт его пьес. Не доводилось ли вам слышать от мужа что-либо об отношении Леонида Андреева к музыке?

– Я боюсь, Леонид Николаевич был еще менее музыкально одарен, чем Даниил. Сохранилось об этом много веселых рассказов. Ну, например, полагалось, что бал после свадьбы открывают новобрачные. Но перед свадьбой родителей Даниила оказалось, что это немыслимо, потому что Леонид Николаевич настолько немусыкален, что он ничего станцевать не может, тогда как Александра Михайловна была очаровательна, грациозна, изящна и прекрасно танцевала. Наконец сообразили. Был такой танец – падепатинер. Это полный примитив, ну полный. Так вот свадебный бал Леонида Николаевича и Александры Михайловны открывала пара новобрачных танцем падепатинер, потому что это была «вершина», с которой мог справиться Андреев.

– А между тем два «немусыкальных» человека – отец и сын Андреевы – оба вовлечены в стихию музыки самой эпохи. Видимо, воздух ее был в такой степени насыщен музыкальными импульсами, что никто не мог остаться незатронутым ими. Сегодня во многих интеллигентных домах, где обязательно присутствие книг, вовсе отсутствует музыка. Классическая музыка. Почему-то сильнее всего в катаклизмах нашей истории пострадала именно она. Но вернемся к детству Даниила Андреева.

– Его, конечно, пытались учить играть на рояле, как и всех нас: так полагалось. Однажды была такая сцена, Даня сидит за роялем, что-то играет и страшно врет. А Филипп Александрович (врач по специальности, его дядя) – чело-

век очень музыкальный и прекрасно играющий на рояле – несколько раз ему делает замечания. Безрезультатно! Тогда Филипп Александрович говорит: «Ну, пусть, я сейчас тебе сыграю, и ты услышишь, как надо». Садится за рояль, играет, увлекается, забыв о том, что он хотел просто мальчику показать. И вдруг из-под рояля раздается отчаянный, восторженный вопль: «Дядюшка! У рояля ноги как у динозавра!» Ну, после этого, конечно, Добровы поняли, что надо человека мучить.

– Он воспитывался не у отца?

– Нет. Он у отца никогда не жил. Дело в том, что Леонид Николаевич через два года после смерти матери Даниила женился, и там была уже своя семья. Даниила воспитывал дядя, который полностью заменил ему отца. Вероятно, никогда в жизни Леонид Андреев не был бы таким отцом Даниилу, каким ему был Филипп Александрович Добров. Недаром он его так любил, хотя называл «дядя», потому что знал, что отец жив. А свою тетушку – она была ему крестной матерью, – Елизавету Михайловну Доброву, родную сестру его матери, он звал «мама». И у него было очень веселое и очень счастливое детство.

– Музыка много было в доме?

– Да, музыки в доме было много, потому что, повторяю, Филипп Александрович играл. Рояль звучал постоянно. Кроме того, у Добровых был открытый для всей Москвы дом. А гости и в связи с Добровыми, и в связи с Леонидом Андреевым бывали всякие: актеры Художественного театра, Шаляпин, Горький (крестный отец Даниила), Скрябин – все, все.

Соседней комнатой с залом была спальня Добровых. В замочную скважину этой спальни Даниил наблюдал тот мир, потому что тогда не было обычая, чтобы дети болтались под ногами у взрослых, ребенку место в детской. И когда в гостиной собирались гости, мальчик пролезал в соседнюю спальню и подсматривал! У него, например, сохранилось такое воспоминание: он слышал, как играл

Скрябин – в доме Добровых, на том рояле, который я еще застала. И у Скрябина было такое выражение лица, что Даниилу было как-то стыдно на него глядеть. Вот такое странное детское впечатление.

– А почему стыдно, он не объяснял?

– Есть объяснение в «Розе мира»: «В искусстве (как, впрочем, и в науке) встречаются и такие тёмные вестники, которые лишены тёмных миссий и становятся глашатаями тёмного просто вследствие личных заблуждений. Ярким примером такого деятеля может служить Скрябин. В Бога он веровал, и по-своему Его любил, самого себя считал Его вестником и даже пророком, но с удивительной лёгкостью совершал подмены, стал жертвой собственной духовной бесконтрольности и превратился в вестника Дуггура. Мало кто понимает, что в “Поэме экстаза”, например, с поразительной откровенностью рисуется именно тот демонический слой с его мистическим сладострастием, с его массовыми сексуальными действиями, с его переносом импульса похоти в космический план, и, главное, рисуется не под разоблачающим и предупреждающим углом зрения, а как идеал. Естественно, что чуткий слушатель “Поэмы экстаза”, сначала смущённый, а потом замороженный этой звуковой панорамой космического совокупления, под конец ощущает как бы внутреннюю размагниченность и глубокою протрацию».

– А какую музыку любил Даниил Леонидович?

– Он любил ту музыку, за которой возникают литературные образы: любил Вагнера, любил Римского-Корсакова – «Сказание о невидимом граде Китеже». Вообще для него образ града Китежа был одним из центральных. И конечно, «Лоэнгрин», конечно, «Парсифаль». Потому что это едино с поэзией, едино с образным восприятием мира, свойственным поэту вообще.

– На одном полюсе – Вагнер, а на другом полюсе, если это, правда, не тот же самый полюс, – Корсаков? Это сейчас мы их разве-ли. А для вас, понимаю, это была одна и та же сфера...

– Никаких полюсов! Вагнер – это немецкое, Римский-Корсаков – это русское. На Западе – Монсальват, а у нас – Китеж. Эти «полюса» были объединены единой человеческой культурой.

– Весь Римский-Корсаков был равно нужен и близок?

– «Китеж».

– И только?

– Нет! Не только! Я его всего очень любила. Даниил – «Китеж». Он мне читал вслух либретто Бельского...

– Отдельно от музыки?

– Отдельно. Для него это было просто отдельное произведение. Он очень любил либретто и считал, что это замечательная поэма.

– Очень интересно! А «Град Китеж» удалось смотреть в Большом театре?

– Ну, это я девочкой слышала, потом был очень большой перерыв. Насчет Даниила я не уверена, просто не помню. Но на концертах в 20–30-е годы часто играли фрагменты из «Китежа».

– Не чувствовали ли вы тогда внутреннего выхолащивания религиозной темы «Китежа»? Или, наоборот, эта тема подспудно существовала для вас всех, слушателей этих концертов?

– Конечно! Потому что все равно «Китеж» помнили! Мне впервые папа играл его, он же меня взял в Большой театр, с партитурой, – меня, десятилетнюю дуреху. Он мне показывал: «Слышишь, поют? Вот оно – это место. Вот, смотри».

БОЛЬШОЙ ТЕАТР
СКАЗАНИЕ О НЕВИДИМОМ ГРАДЕ КИТЕЖЕ

Темнеют пурпурные ложи:
Плафоны с парящими музами
Возносятся выше и строже
На волнах мерцающей музыки.

И, думам столетий ответствуя,
Звучит отдаленно и глухо
Мистерия смертного бедствия
Над Градом народного духа...

– Алла Александровна, вы в каком году встретились с Даниилом Андреевым?

– В 37-м.

– О, Господи! Какие времена!

– Ужасные, ужасные!

– И тем не менее – какую музыку в то время слушал Даниил Андреев, где бывал?

– Вы знаете, мы все ходили в Большой зал консерватории так, как ходят в церковь. Дело в том, что надо еще разбираться – и не мне! – каким образом разорвалась связь русской интеллигенции с православной церковью. Это началось в Серебряном веке.

– Может быть, еще раньше, еще в 60-е годы прошлого века?

– Да, но «Народную волю» хоть можно не любить, а Серебряный век невозможно не любить.

– Поэтому у вас с ним особые счеты?

– Да, это так. Но вернемся в 30-е годы. Это, может быть, странно слышать, но что такое был для нас Большой зал консерваторш, сейчас непредставимо. Мы ходили туда компанией по десять человек. Мы ходили действительно как ходят в храм. И обязательно на весь цикл вагнеровских концертов и на все симфонии Бетховена.

– А Вагнера много играли в 20–30-е годы?

– Очень много! Каждую зиму – обязательный цикл вагнеровских концертов.

– А кто дирижеры?

– Очень разные. Никогда не забуду Клемперера; играли Вступление и смерть Изольды. Впечатление было та-

кое, что вас взяли как котенка за шкурку, держали, а потом бросили на стул. Дышать было невозможно. Помню, как приехал Мравинский, высокий, худощавый, стройный, золотоволосый, и первое, что мы у него слышали, это была увертюра к «Лоэнгрину». Хотя вся программа была вагнеровской, но почему-то наверняка воспоминание слилось с увертюрой к «Лоэнгрину». Через столько лет это воспоминание, как жемчужина, лежит в руке, как драгоценный камень.

– У вас было ощущение, что существует серьезная, глубокая вагнеровская традиция в России?

– Конечно, Вагнер был для нас тем же, что Бетховен, и тем же, что Пушкин и Толстой... Можно кого-то из них любить, не любить, кто-то – ближе, кто-то – дальше. Но это была единая культура, в чем абсолютно никто и никогда не сомневался.

– Алла Александровна, как вы восприняли Даниила Андреева, когда познакомились с ним? Был ли он для вас своего рода Лоэнгрином, то есть человеком, пришедшим, в сущности, ниоткуда?

– Вы знаете, в какой-то мере да. Мне с ним было легко всего во всем добровском доме. Почему-то с ним сразу как-то было тепло и просто. Но что он совершенно необыкновенный, его одаренность – она сразу была ясна мне: что он весь откуда-то «оттуда» и с этим «оттуда» связан, это, конечно, было видно сразу. Только я никак не думала, что я могу быть рядом.

– Как вы считаете, какую роль вагнеровские образы играют в поэзии Даниила Андреева?

– Очень большую! Но я не знаю, было ли это влияние Вагнера или это было поразительное совпадение, начиная с юношеской неоконченной поэмы «Песнь о Монсальвате». Ведь это же совершенно тот же сюжет, в конце концов. Да и «Королева Кримгильда», и вообще очень многое.

– «Песня о Монсальвате» или «Кримгильда» – это, видимо, влияние не только Вагнера, но вообще существования в той культу-

ре, где есть и рыцари «Круглого стола», и весь эпос о нибелунгах... И все это абсолютно естественно воспринимается как некая часть самой жизни.

– То есть абсолютно неотъемлемая! Мы с этим росли. У меня, например, недавно вышел странный разговор, когда меня спросила очень хорошая женщина и прекрасный поэт, с какими писателями я росла. Я потом поняла, какого ответа она от меня ждала. А я «ляпнула» правду: с Диккенсом и с Гофманом.

– Я тоже росла с Диккенсом и детям своим сейчас его всячески подсовываю.

– Ну конечно, конечно! А она страшно удивилась и расстроилась.

– А с кем вы должны были расти?

– С Пушкиным.

– Но я думаю, вы и росли с Пушкиным, ведь это же воздух!

– Да! Совершенно так! А что касается вагнеровских мотивов... Дело в том, что «Королева Кримгильда» родилась не из Вагнера. Она родилась из очень забавной вещи: был немой фильм «Нибелунги». Вы его не знаете. Первая серия называлась «Зигфрид». Пауль Рихтер играл Зигфрида, и мы, девчонки, млели. Нам было лет по восемь, по десять, может быть.

– Хорош был?

– Он был Зигфрид! Понимаете, я знаю, что видела Зигфрида! А у Даниила было еще смешнее! Вторая серия этого фильма называлась «Мечь Кримгильды». И Даниил в эту Кримгильду влюбился. Но как! Мне, наверное, в это время было лет двенадцать, ему – двадцать. Он каждый вечер ходил на этот фильм, пока в Москве его показывали. И эту вторую серию вместе с Кримгильдой он видел 70 раз, не пропуская ни одного дня! Поэтому была во время войны им начата поэма «Королева Кримгильда».

– Через столько лет?

– А все равно – это так и осталось. Как для меня Зигфрид и Лоэнгрин сливались в образе рыцаря, так и для него это тоже слилось в образ удивительной женщины.

– А что такое вагнеровская «вечная женственность» в понимании Андреева?

– Думаю, что тут он отошел от Вагнера, потому что даже в «Песне о Монсальвате» уже не вагнеровский сюжет. Там начинается характерная для него тема, которая проходит, например, и в романе «Странники ночи», – это богоборчество героя. В «Песне о Монсальвате» король идет завоевывать Грааль, чтобы принести счастье людям. Королева Агнесса понимает богохульность этой затеи. Как верная, любящая жена, она идет за королем, но для того, чтобы всеми силами помешать этому. Но поэма оборвана, ничего этого нет. В «Странниках ночи» один из героев – Адриан – полон богоборческого замысла: умереть и воскреснуть для переделки мира, потому что Христос, по его мнению, этого не сделал – Христос не внес в мир справедливость и счастье. И он одержим этой идеей. Любящая его женщина, Ирина, идет с ним, молясь о том, чтобы этого не было. Кончается тем, что он уходит, и она знает, что больше его никогда не увидит, что с этой своей кощунственной идеей он расстался. Он уходит неизвестно куда. Она жертвует своей любовью, чтобы спасти душу возлюбленного. Вот это, собственно говоря, тема Даниила. «Песнь о Монсальвате» у него превращается в женскую тему. А вершиной женственности для Даниила является Феврония из «Китежа». Тут уже отход от Вагнера.

– Ну в этом смысле, может быть, ближе всего Сента?

– Мы мало знали «Летучего голландца». Его тогда очень мало играли. Знали только хор прях, по правде говоря, и ничего больше мы не слышали. Я думаю, как бы он реагировал на Сенту: вероятно, так, как вы говорите. Как бы был невстретившийся образ.

– Но все равно угаданный.

– Да! А знаете, что интересно? Приблизительно в то время когда Даниил пишет о неосуществленном замысле короля Бургундии завоевать Грааль, примерно к этому времени относится безумная затея Гитлера организовать экспедицию на поиски Грааля, о чем мы не имели никакого представления. Ну, ни малейшего!

– Поразительно, как миф выстраивает историю! И так, 30-е годы. С одной стороны, жизнь в мире Римского-Корсакова, Вагнера, с другой стороны – новая музыка Шостаковича, которую мы услышали.

– Новой музыки в нашей жизни было очень мало. Собственно говоря, Пятая симфония Шостаковича. И то мы пошли потому, что дирижировал Мравинский. Как-то плохо мы понимали современную музыку.

– Пятая симфония в 37-м году стала для вас первым знакомством с Шостаковичем?

– Слава Богу, что мы лично с ним не познакомились! Шостаковича «взяли» бы с нами.

– А когда писался роман «Странники ночи»?

– С 37-го по 47-й.

– То есть во время знакомства с симфонией Шостаковича?

– Нет! Это было начато раньше, и в романе она появляется где-то в середине первой части.

– И случилось так, что эта музыка резонировала с событиями романа.

– Это был сюжет параллельный. Вообще, роман писался в 37-м году о 37-м годе.

– Пожалуй, так же, как и симфония... Вот вы сказали раньше, что современную музыку почти не знали и мало ею интересовались. А Пятая симфония – сочинение с совершенно современным языком, который и сегодня кажется вполне современным. Не было ли зазора между вашими непосредственными переживаниями, ощущениями в

жизни и тем, что искусство говорило каким-то, в общем, достаточно чуждым вам языком?

– Не было. Может быть, благодаря Мравинскому. Но это сразу вошло как что-то совершенно свое, сегодняшнее. Мы воспринимали Пятую симфонию Шостаковича как сегодняшний день, как непосредственное наше состояние: чудовищную, все раздавливающую демонстрацию, и все равно не раздавленную душу, которая молится.

– Я вас так подробно расспрашиваю, потому что думаю, что это не только ваше личное суждение, но, наверное, это суждение того круга людей, к которому вы принадлежали.

– Я думаю, да. И впоследствии был не один допрос на эту тему: о Пятой симфонии Шостаковича и о том, откуда эта расшифровка взята в романе «Странники ночи», и что, мол, эта расшифровка дана Шостаковичем и известна по Москве как программа Пятой симфонии. Слава Богу, нам удалось доказать, что нет! Что это наши собственные фантазии на тему Пятой симфонии, а с Шостаковичем мы незнакомы, и что он при этом думал, мы не знаем, о чем он писал, мы не знаем; это мы вот так поняли, а может быть, совершенно неправильно.

Шостакович был на волосок от ареста – за абзац в конце одной из глав «Странников ночи», где дана очень талантливая интерпретация Пятой симфонии. К сожалению, я не могу ее пересказать: рукопись была уничтожена. Но этого кусочка было довольно, чтобы Шостаковича «прицепили» к нашему делу.

– Герои романа, которые так неожиданно сошлись в момент звучания этой музыки, были связаны с теми мятежными надеждами, которыми все вы жили?

– Да! Они были членами антисоветской группы. Но самая-то фантастическая история заключается в том, что в это же время была в действительности такая группа, очень похожая. И что самое страшное – они жили где-то в районе Якиманки, там, куда поселил Даниил Леонида Федоровича Глинского, и совпал даже адрес: Даниил-то взял бывший Литературный музей, мезонин в доме. А потом в

лагере я встретила с вдовой расстрелянного руководителя этой группы. Причем, что совсем странно, у нас в лагере встретились эта вдова и женщина из органов, которая выследила и выдала эту группу. Она нам все сама рассказала, но той – Надежде Николаевне – мы не сказали.

– Она рассказала потому, что у нее не хватило сил молчать?

– Она не выдержала!

– Да, действительно жизнь – не роман.

– Все эти переплетения фантастические, никакой писатель не придумает.

– А после выхода из лагеря в первый приход в филармонию звучала опять симфония Шостаковича. У вас был какой-то специальный интерес к этому автору?

– Да! Именно из-за Пятой симфонии! Я думаю, что, вероятно, это была осень 57-го, а позже Даниил уже просто больше не мог подниматься в зал. Мне кажется, что на этот раз звучала Четвертая симфония Шостаковича.

– Это тоже было каким-то особым впечатлением для Даниила Леонидовича?

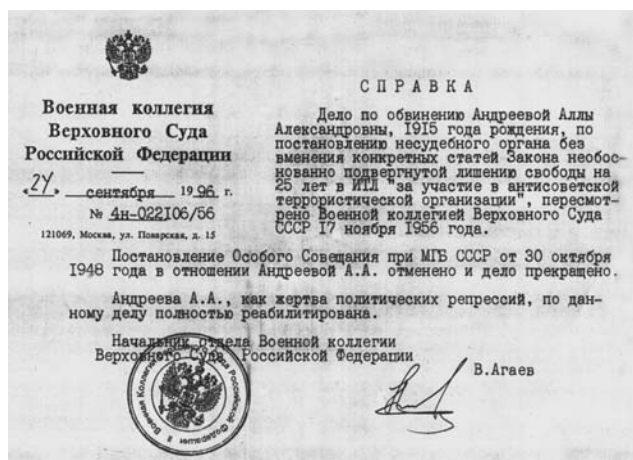
– Да! Но оно было не только музыкальным. Это было связано с особым осознанием свободы: консерватория, музыка, орган. Освободился!

– Я слушаю вас и думаю о том, с каким постоянством музыка осеняла крестный путь Даниила Андреева, да и всего вашего поколения. И кто знает, скольким она помогла выжить и выстоять. Стихами, написанными им в тюремной камере, я и хотела бы закончить нашу беседу:

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

Вступаю в духовные волны,
Под свод музыкальной вселенной,
Причастник ее вечерам,
Где смолкшими звуками полны
И воздух, и купол, и стены,
Как хорами стихшими – храм.

Только одна ты, подруга и спутник

<...>

Люблю эти беглые блики
На струнах и лаке, а справа –
Сверканье серебряных жерл,
Когда океан многоликий
Замкнуть берегами октавы
Готов демиург – дирижер.

Люблю этот трепет крылатый
Пред будущей бурей аккордов
Вокруг, надо мной и во мне,
И этот, закованный в латы
Готических образов, гордый
И тихий орган в глубине.

Он блещет светло и сурово,
И труб его стройные знаки
Подобны воздетым мечам
Для рыцарской клятвы у Гроба, –
Подобны горящим во мраке
Высоким алтарным свечам.

<...>

И слушают молча колоссы
В своих вознесенных овалах
Сквозь отзвуки жизни былой –
Что здесь, на земле стоголосой,
Еще никогда не звучало:
Эдем, – совершенство, – покой.

<1999>

Алла АНДРЕЕВА

Всякое дыхание...

Я расскажу о трех волшебных зверюшках, Божьих зверьках.

Считается, что люди должны пожениться или стать любовниками, и у них появляются дети. Конечно, все так, но не все – так. Бывает иногда совсем иначе, потому что наш мир, тот, в котором мы живем, сложен и многообразен.

У меня был друг. Мы не были мужем и женой, любовниками тоже не были. Дружба же наша была очень красивой, результатом глубокой душевной близости.

И появилось трое сыновей.

Первым родился львенок, Оша.

Потом родился волчонок. Его называли Нелепик. Имя возникло потому, что волчонок с самого момента рождения был совсем лишен каких бы то ни было черт хищности. Как и львенок.

Третьим, младшим, появился на свет очень маленький, черный, как уголек, котенок. Сначала он был довольно бестолков, за что и получил имя Тупик. Так за ним и осталось, хотя очень скоро выяснилось, что никакой тупости в нем нет, что он очень умен, как и все остальные.

Эти дети, эти зверьки – волшебные. Они немного подросли, но остались по-прежнему львенком, волчонком и котенком. Растут они иначе – душевно взрослеют, душевно складываются в три разные, очень особенные существа.

У львенка коротенькая гривка, красивые мускулы, покрытые тонкой золотистой шкуркой. Волчонок, конеч-

но же, серебристо-серый с пушистым хвостом. У львенка же на конце хвоста, конечно же, кисточка. Как выглядит маленький черный котенок, и так все знают.

Рассказать надо о глазах. У львенка Оши они похожи на глаза отца, того моего друга. Он мало знает о своих детях, хотя по-своему их любит.

Только заглядывая в эти глаза, так похожие на глаза человека, видишь совсем иной мир, чем тот, в котором живем мы. Он и есть иной. Глубокая тайна мира.

У волчонка Нелепика глаза серебряные и светятся удивительной прямоотой и честностью. Эта прямоота тоже не наша, тоже особенная.

У черного котенка на черной мордочке глаза яркие, темно-голубые, как незабудки.

Братики очень дружны между собой. Так и должно быть, ведь волшебные дети рождаются не от почти случайного неуправляемого соединения ген, а от того, что в близких людях лучшее, от их бережности и тепла по отношению друг к другу, лучшее, что было в тех, от кого они возникли.

Оша, Нелепик и Тупик добры, умны и веселы. И, конечно, очень любят шалить и весело озорничать, особенно младший. Этого своего младшего старшие очень оберегают и никогда не оставляют одного.

Он, как и полагается котенку, бегают, прыгает, карабкается на что попало, но очень скоро устает и сразу засыпает. Лев и волк сразу прибегают и садятся около уставшего озорника, пока он не проснется.

Как известно, лев и кот – родственники.

Оба они умеют мурлыкать, только львенок мурлычет баском и погромче. Они решили научить мурлыкать волчонка, чтобы было музыкальное трио, но из этого ничего не вышло: вместо мурлыканья волчонок начинал подвывать.

У них все равно получалось или мурлыканье, или мяуканье, и все трио заключалось в том, что все трое смеялись – это они умеют, и очень хорошо умеют.

Как всё волшебное, они очень легко, мгновенно переходят из нашего мира в один из тех, что существуют рядом с нами. И так же легко приходят сюда. Как это делается, я не знаю, знаю только, что им ничто не грозит – в одно

мгновение они отсюда переходят в милый, теплый мир, где совсем нет зла.

Оттуда они приходят по-разному. Иногда шагом вместе, даже торжественно. Иногда бегом, вприпрыжку. А иногда одновременно, но каждый по-своему.

Львенок любит подходить сзади: на плечо вдруг ложится круглая, теплая лапа, а в ухе горячее дыхание, иногда тихое мурлыканье.

Волчонок все делает прямо и бесхитростно и подбегает всегда спереди, глядя в лицо, и первым делом теплым язычком лижет тоже прямо лицо с подбородка вверх.

Как у всех подростков, у них нарушены пропорции, лапки чуть-чуть велики, но это зверей совсем не портит. У Оши лапки сильные, круглые, а у Нелепика очень изящные, узкие, длинноватые, уже немного приближающиеся к нашим ладоням. Котенок пропорционален с самого рождения. Шалостям его и выдумкам нет предела, и появляется он самыми разными способами, но всегда вместе со старшими.

Можно сунуть руку в карман и наткнуться на мягкий комочек, откуда через мгновение раздается звонкий, как колокольчик, очень тихий смех. Он может обнаружиться на голове, на шее, за шиворотом, и никогда не знаешь где.

Очень любимая шалость такова: собрались гости, накрыт праздничный стол, налито вино в бокалы. Звери невидимы, поэтому никому и в голову не приходит, что посреди стола прохаживается черный котенок с веселыми, все больше озорными глазами. Он тихо подталкивает все, что лежит на столе, и опрокидывает чей-то бокал, обычно у самого скромного и застенчивого из гостей. Он ведь знает, что я не скажу ни слова, ему просто хочется пошалить.

Волчонок слепо обожает Тупика и никогда не останавливает его шалостей. Оша любит маленького не меньше, но он самый серьезный из них, поэтому, когда младший совсем выходит из берегов, львенок просто берет его в свою пасть. Это очень нравится всем, Тупику тоже. Он помещается в львиной пасти так, что с одного бока торчат уши, с другого свисает хвост, и всем весело.

Еще одно приключение – купание. Старшие плавают, ныряют, очень любят душ. Но вода – не котячья стихия.

Все они очень чистенькие, старшие вылизывают младшего, но все же купаться иногда надо, и это целое представление.

В маленький тазик наливается теплая вода, туда помещают котенка, один из братиков его моет, другой держит – лапками ушки.

Потом ребенка вынимают, очень сухо вытирают полотенцем – это делают уже четыре лапы – и завертывают в чистую простынку и чистое одеяльце, завертывают с головкой так, что видна только недовольная мордочка. Ничего неприятного во всем этом нет, недовольное выражение мордочки просто входит в игру.

Надо рассказать об их любимых занятиях.

Котенок очень любит цветы, особенно маленькие полевые цветочки. И также бабочек. Нет, никого из них он никогда не трогает и не обижает, просто любит и разговаривает с ними.

Особенное пристрастие волка – птички. Именно те большие, с ними просто дружеские отношения, а именно мелкота – воробьи, синички, ласточки. Такие птички видят землю сверху или очень близко, из травы. Поэтому, ко всеобщей радости, Нелепик сажает эту мелкоту себе на спинку, сколько влезет, и очень быстро бегают с ними. Восторг наездников выражается в чириканье, пiske, стрекотании и, к сожалению, в том, что все свои маленькие делишки они от радостного волнения делают на спине волка. Тупик возмущается, читает им воспитательно назидательные проповеди, но те, от смущения, ведут себя еще хуже.

А лев? Я не знаю пристрастий Оши. Скорее всего, это что-то связанное с какими-то пространствами.

Котенок пахнет теплым, живым зверьком. Волчонок всегда пахнет чистым снегом. А от львуши Оши исходит запах нагретой солнцем земли, степных трав.

Теперь я понемногу подбираюсь к главному.

В том теплом, светлом мире, где живут мои дети, на невысоком, покрытом изумрудно-зеленой травой холмике они выстроили уютный бревенчатый домик, на первом этаже которого располагается гостиная с камином, в котором всегда горит красивый огонь, а на деревянном полу перед ним лежит большая белая шкура.

Вот что очень важно: в том мире ничто не погибает. Огонь ничего не сжигает, для того чтобы была уютна шкура, никого не убили, для строительства бревенчатого домика не срублено ни одного дерева. Каким образом так получается, я не знаю, но это именно так.

Я приду к детям, когда умру, и мы лежим в обнимку на шкуре перед камином, и я наконец их увижу.

Звери очень любят резвиться и шалить на зеленой полянке перед домиком.

Игр много, одна из самых любимых – такая: Тупик свертывается черным клубочком, а двое старших ногами перекатывают его, как мячик друг к другу. Всем троим это очень нравится, помеха только одна: котенок очень смешлив, и когда начинает смеяться, как тихий звонкий колокольчик, шарик разворачивается, и малыш хохочет, лежа на бочку, другие двое тоже начинают смеяться и кататься по траве.

И вот однажды они вот так веселились, и вдруг...

И вдруг перед ними появился Ангел!

Он был прекрасен, и весь он состоял из сияющей радуги. Это был тот самый Ангел из радуги, которого я маленькой девочкой видела во сне – мой Ангел-Хранитель.

Звери опешили – лев, катавшийся по траве, встал торжественно и прямо. А волк, учившийся прыгать через цветы, сел. А котик пошел вперед к явившемуся, посмотрел и сказал:

– До чего же ты красив! Подари мне перышки!

И Ангел подарил ему маленькое, радужно сияющее перышко.

Звери встали вместе, рядом, и Ангел обратился к ним со словами. Он сказал, что в очень высоком мире, который не знают те, кто не там находится, состоялось решение относительно трех зверьков.

А решение таково.

В будущем они станут звериными ангелами. Они должны оставаться такими же простыми, добрыми, любящими и веселыми, как сейчас. И такими же шалунами.

Во Вселенной не хватает именно веселых шалостей и доброго озорничания, поэтому не надо становиться серьезными, не надо делаться унылыми, мрачными, печальными.

Надо оставаться такими, как сейчас, но в глубине своих милых головок, в глубине своих добрых сердечек надо хранить мысль о своем будущем, о будущем звериных ангелов.

И исчез...

Когда кто-то или что-то появляется у нас из другого мира, никто не может понять, как это происходит. И как-то странно не совпадают масштабы этих разных миров.

Оставшись одни, дети еще посидели и помолчали, потом пошли в дом.

Обычно они ходят рядком, маленький посередине, но на этот раз шли иначе, очень торжественно. Тупик шел впереди, на задних лапках, в передних нес сияющее перышко, от которого шел свет. Вторым шел Нелепик, совершенно изумленный. Замыкал шествие Оша, высоко подняв голову львенка с очень задумчивыми глазами.

Перышко поставили в маленький хрустальный стаканчик и поместили на камине. Оно мягко освещает всю комнату и всегда напоминает детям-зверькам об удивительном происшествии.

Еще надо сказать о крыльях. Да, им разрешили отрастить себе крылышки, но они должны быть спрятаны, прижатые к бочкам, и раскрываться редко, в случае необходимости. Крылья разные. У льва – прямоугольной очень древней формы. За его любовь к птичкам. Волку разрешили отрастить крылья как у ласточки. Котишка же, постоянно любующийся бабочками, получил крылышки как у бабочки, но когда они раскрываются, видна ярко-голубая изнанка. Это очень красиво! Но развертываются редко, только в случае необходимости.

Конечно, они бывают в Церкви. Иногда со мной, иногда одни. Очень серьезно относятся к посещению храма, вылизывают друг друга, причесываются немножко.

Котенок придумал завязывать на шейку бантик. Волчонок, подчиняющийся любой выдумке младшего, был согласен на все, но на шейке не получилось, и бант завязали на хвосте. Когда Тупик подошел с лентой ко льву, тот посмотрел очень внимательно и сказал:

– Туп, ты когда-нибудь видел льва с бантом?

Тупик подумал и ответил:

– Нет, не видел.

И львенку завязали галстук.

Звери мои убеждены, что, когда в храме звучат возгласы: «Благословите Господа, все дела Его», там обязательно звучит возглас «Благословите Господа все звери Его», только люди по непониманию пропускают. Эти-то трое, они же и есть звери Его!

Кульминацией Богослужения дети считают возглас «Всякое дыхание да славит Господа!», ведь эти слова возглашаются и поются ближе к концу Службы.

Как хорошо, что их никто не видит! Что бы было, если бы увидели, что совсем перед Царскими Вратами стоят трое зверушек с очень внимательными мордочками! Они ведь считают, что нужно очень ответственно относиться к этим словам, нужно славить Господа каждым своим дыханием.

Так мы жили много лет с моими веселыми, ласковыми детьми. Я старалась почувствовать, как они взрослеют и умнеют.

Они давно переросли меня в понимании жизни Земной и жизни Вселенной.

Я не знаю уже, чем они заняты хrome веселых игр. Может быть, помогают больным людям и животным. Может быть, встречают убитых зверей, окружают их лаской и жалостью. Но знаю, что они полны добра, излучающегося из всех их шкурочек.

Не знаю, как я их воспитывала, наверное, просто очень любила.

Я поняла, что должна отдать их. Всякая мать должна отдать детей в их путь по жизни. Так и я.

Я попросила своего Ангела-Хранителя, того, который весь из сияющей радуги, чтобы он взял их к себе, сохранил от всякого зла и научил быть крошечными искорками, песчинками Воли Божьей.

Они теперь у него, укрытые его чудесными крыльями.

И в своем домике. И на своей лужайке.

И бывают, по моей просьбе, у драгоценного для меня, очень большого человека.

Он, конечно, не знает их. Но, может быть, чувствует иногда тихое прикосновение мягкой лапки или слышит

Сквозь тюремные стены

тихий колокольчиковый смех, а иногда тихое мурлыканье около уха, конечно, всегда не вовремя.

И меня Хранитель разрешил не оставлять совсем. То перед сном, то утром, то в самые неожиданные моменты они находятся около меня.

<2003>

Вместо послесловия

К публикации этой сказки Аллы Александровны имеют отношение дружившие с ней Ирина Николаева, которая передала мне текст, и Марина Виноградова, написавшая о том, как сказка создавалась и кому посвящена:

«Эту сказку А.А.А. писала в Крыму, когда мы все вместе там были. Она писала при мне, то на ступеньках Солнечной обсерватории или просто на траве, а я при этом пыталась рисовать акварелью. Потом вечером мы вместе расшифровывали ее записи. Осенью, уже в Москве, я набрала сказку на компьютере. Вместе отредактировали текст.

Алиса эту сказку посвятила Петру Наумовичу Фоменко. Мы торопились передать ему эту сказку до декабрьских гастролей его театра во Франции. Но что-то не сложилось с их встречей. Сказку передала уже я Петру Наумовичу, но на поминках, после ее гибели. Текст этой сказки я потом раздала многим, но с его позволения. Он даже думал поговорить с Юрием Норштейном, замечательным мультипликатором, об этой сказке. Но, видимо, не успел.

Это последнее произведение Аллы Александровны, очень искреннее, с подготовкой к своему будущему Пути».

В сказке слышится живая, трогательная интонация Аллы Александровны, знакомая всем, кто ее знал. И конечно, в сказке очевидно присутствие Даниила Андреева – его видение и слышание соседних миров, его одухотворенное отношение к миру детства, к зверям и зверюшкам, его Вселенная, в которой все доброе бессмертно.

Б.Р.

ТОЛЬКО ОДНА ТЫ,
ПОДРУГА И СПУТНИК

Даниил АНДРЕЕВ

Стихотворения

* * *

А. А.

И вот закрывается тёплый дом,
И сени станут покрыты льдом,

Не обогреет старая печь,
И негде будет усталым лечь.

Часы остановятся на девяти.
На подоконник – метель, мети!

Уже сухари, котелок, рюкзак...
Да будет так. Да будет так.

Куда забросит тебя пурга?
Где уберечься от бомб врага?

И где я встречу твои глаза?
И всё же поднял я руку *за*.

На хищный запад, гнездовье тьмы,
Не ты пойдёшь, а солдаты – мы;

Доверю жизнь я судьбе шальной,
И только имя твоё – со мной.

Кроме представленных здесь А.А. посвящены стихотворение «Ватсалья» (1955) и поэма «Навна» (1955): «Моей возлюбленной, жене и другу, Алле Андреевой, посвящаю эту вещь. Даниил Андреев. Вторую вещь, посвященную ей, «Плаванье к Небесному Кремлю», я написать не успел. 28.II.59. Москва».

Только одна ты, подруга и спутник

Теперь, быть может, сам Яросвет
Не скажет демону русских «нет»:

Он вложит волю свою в ножны,
А мы –
 свою –
 вынимать должны.

Ремень ложится мне на плечо,
А в сердце пусто и горячо.

Одно ещё остаётся: верь! –
И вот, закрылась старая дверь.

1941–1958

Даниил Андреев. Стихотворения

* * *

Вечер над городом снежным
Сказку запел ввечеру...
В сердце беру тебя нежно,
В руки чуть слышно беру.

Всё непонятно знакомо,
Холмик любой узнаю...
В гнёздышке старого дома
Баюшки, Листик, баю!

Звери уснули в пещере,
Хвостики переплетя, –
Спи в моей ласке и вере,
Ангельское дитя.

Нашей мечтою всегдашней
Горькую явь излечи:
...Там, на сверкающих башнях,
Трубят морям трубачи,

Искрится солнце родное,
Струи качают ладью...
Вспомни о благостном зное,
Баюшки, Листик, баю!

В ткань сновидений счастливых
Правду предчувствий одень:

Пальмы у светлых заливов
Примут нас в мирную тень.

Счастьем ликующим венчан
Будет наш день в том краю...
Спи же, тоскующий птенчик
Синей жар-птицы, баю!

1947

Сочельник

А. А.

Речи смолкли в подъезде.
Все ушли. Мы одни. Мы вдвоём.
Мы живые созвездья
Как в блаженное детство зажжём.

Пахнет воском и бором.
Белизна изразцов горяча,
И над хвойным убором
За свечой расцветает свеча.

И от тёплого тока
Закачались, танцуя, шары –
Там, на ветках, высоко,
Вечной сказки цветы и миры.

А на белую скатерть,
На украшенный праздничный стол
Смотрит Светлая Матерь
И мерцает Её ореол.

Ей, Небесной Невесте, –
Две последних, прекрасных свечи:
Да горят они вместе,
Неразлучно и свято в ночи.

Только одна ты, подруга и спутник

Только вместе, о, вместе,
В угасаньи и в том, что за ним...
Божий знак в этой вести
Нам, затерянным, горьким, двоим.

Январь 1949

Даниил Андреев. Стихотворения

* * *

*Алле Александровне
Бружес-Андреевой*

...И, расторгнув наши руки,
Азраил
Нас лучом Звезды-Разлуки
Озарил.

Врозь туманными тропами
Бытия
Понесём мы нашу память,
Наше я.

Если путь по злым пустыням
Мне суждён,
Жди меня пред устьем синим
Всех времён!

От паденья – кровом брака
Осени!
От успенья в лоне мрака
Охрани!

В персть и прах, в земные комья
Взят судьбой,
Лишь тобою ввысь влеком я,
Лишь тобой!..

Где ни мук, ни зла, ни гнева,
Жди меня.
У престола Приснодевы
Жди меня!

Пусть я отдан вражьей силе
Здесь, в аду –
Лёгкий след твой в млечной пыли
Я найду!

Груз греха отдав возмездью
И суду,
За тобою все созвездья
Обойду.

Дней бесчисленных миную
Череду, –
Я найду тебя! найду я!
Я найду!

Начало 1950

Стансы

А. А.

Порой мне брезжила отрада
В простом – совсем, совсем простом:
Подкрасться полночью из сада
И заглянуть в мой сонный дом.

Окно распахнуто. Гардины
Чуть зыблются... Весна легка,
И отсвет, тонкий, как седины,
Скользит на сумрак потолка.

Над абажуром старой лампы
Так тих светящийся венец,
Так мирны тёмные эстампы,
Ковров тяжёлый багрянец...

Так странно нов, манящ и светел
Знакомых книг над рядом ряд:
Ночь окунула в мягкий пепел
Их слишком праздничный наряд.

Как вы пленительны, как святы,
Друзья, взлелеянные мной, –
Пенаты, добрые пенаты
Родимой комнаты ночной!

Чуть внятный шелест... Шаг... И светом
Вдруг сердце сладко залило:
Как будто в сонной синеве там
Взметнулось белое крыло.

Хрупка, светла, нежна, как иней,
Прошла по комнате она
И стихла в старом кресле синем
С шуршащей книгой у окна.

Вся жизнь полна блаженным ядом,
И изменяет стих певцу,
Чуть подойду с певучим ладом
К твоим глазам, – душе, – лицу.

А счастье – в чём? Под этим кровом
Из-под руки твой взгляд следить
И зовом беглым, лёгким словом
Твой отклик сразу пробудить.

1950

Так было

А. А.

...Всё безвыходней, всё многотрудней
Длились годы железные те,
Отягчая оковами будней
Каждый шаг в роковой нищете.

Но прошла ты по тёмному горю,
Лёгкой поступью прах золота,
Лишь с бушующим демоном споря,
Ангел Божий, невеста, дитя.

Расцвела в подвенечном уборе
Белой вишнею передо мной,
И казалось, что южное море
Заиграло сверкавшей волной.

С недоверием робким скитальца,
Как святень я касался тайком
Этих радостных девичьих пальцев,
Озарённых моим очагом.

Гром ударил. В какой же ты ныне
Беспросветной томишься глуши, –
Луч мой, радость, подруга, – богиня
Очага моей тёмной души?

Оглянись: уже полночь разлуки
За плечами, и мрак поредел, –

Слышу издали милые руки
И наш общий грядущий удел.

И по-прежнему вишней цветущей
Шелестишь ты во сне для меня
О весенней, всемирной, грядущей
Полноте подошедшего дня.

1950

* * *

А. А.

Как чутко ни сосредотачиваю
На смертном часе взор души –
Опять всё то же: вот, покачивая
Султаном, веют камыши,

И снова белый флигель – келейка
Сентябрьским солнцем залита,
Крыльцо, от смол пахучих клейкое,
И ты: такая ж – и не та.

Такими хрупко-невесомыми
Цветы становятся к зиме;
Так лес предсмертною истомою
Горит в червонной бахrome.

Пока не хлынет море вечности,
Пока над нами – бирюза,
Смотреть, смотреть до бесконечности
В ещё лазурные глаза.

Ещё раз нежностью чуть слышную
Склонись, согрей, благослови,
Неувядающею вишнею
Расцветшая в стране любви.

1950

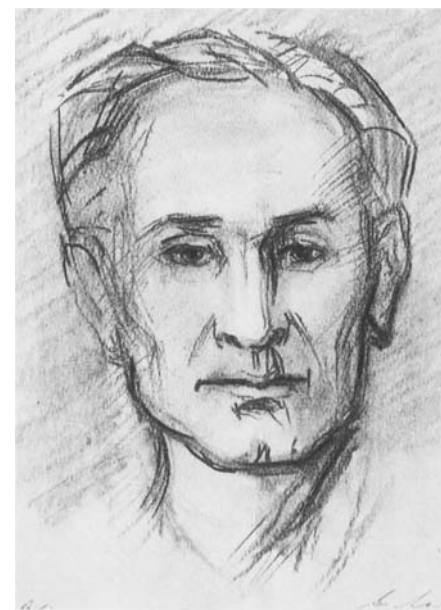
* * *

Когда уснёт мой шумный дом
И тишь вольётся в дортуары,
Я дочитаю грузный том
О чередѣ грехов и кары...
Тогда уснёт мой шумный дом.

Пройду по красному ковру
И пред огнем забудусь молча...
А духи вьюжные в бору
Вдали тоскуют воем волчьим,
Виясь по снежному ковру.

Бесшумная, подходишь ты,
Высокая седая леди.
Ночь впереди – в огнях, в беседе, –
Судьбы прощальные листы...
Кладёшь на плечи руку ты.

Чуть розовеет в полутьме
Просторный холст – твоя работа:
Вершины гор и позолота
Зари по ледяной кайме...
Сон Альп в рассветной полутьме.

В твоих чертах бесплотный свет
Огня сквозь хрупкость алебастра,
Тончайший иней белой астры,
Чьим лепесткам увяна нет...
В твоих чертах знакомый свет.

1950

* * *

А. А.

Другу ли скажешь – нахмурится, вздрогнет
И оборвёт с укором.

Если б он знал,
что столько и дрог нет,
Сколько
потребуют
скоро.

Заговоришь об этом в стихах ли –
«Ты о веселье спой нам!

Пусть –
мы обыватели, хахали, –
Дай хоть пожить спокойно».

Пробуешь
за грядущими войнами
Смысл разглядеть надмирный;
Бродишь в бору
чащобами хвойными,
Дыша тишиной мирной.

Душу воспитываешь – саламандру,
Что не горит в пламени...

Миг –
и опять она
лишь Кассандра,
Гибель рекущая племени.

Только одна ты, подруга и спутник,
Вере верна, как знамени;
Ты лишь одна
пронизала будни
Блеском благого
Имени;

Девочка
с полутелесным профилем,
Ты не рабыня
Времени,
И от тебя уж не скрыть Мефистофелю
Вышний завет –
LEX DOMINI¹!

1950-е

¹ Закон Бога (лат.).

Дома

А. А.

Этот двор, эти входы,
Этот блик, что упал на скамью,
В роды, роды и роды
Помнят добрую нашу семью.

Эти книжные полки,
Досягнув наконец к потолкам,
Помнят свадьбы и ёлки,
И концерты, и бредни, и гам;

Драгоценные лица,
Спор концепций и диспуты вер –
Всё, что жаждется, снится,
Что творится, – от правд до химер.

Эта комната светит
Среди ночи, как маленький куб, –
Ей так мирно в привет
Твоих рук, твоих глаз, твоих губ.

До далёких Басманных,
До Хамовников, хмурых Грузин
Свет годов нерасстанных
Мне – вот здесь. Он – певуч. Он – один.

Но над тёплой крышей
Проплывает, как демон, наш век,
Буйный, вязкий и рыжий,
Будто ил взбаламученных рек.

Звёздный атлас раскрою:
Грозен в чуткую ночь Зодиак,
И какому герою
По плечу сокрушить этот мрак?

Ни границ, ни сравнений,
Как для путника в снежной степи.
Дай зарыться в колени,
Силу знать и молчать укрепи.

1958

Так прими скарабея –
Знак бессмертья, любви и труда.
Обещаю тебе я
Навсегда, навсегда, навсегда:

Может быть, эту ношу
Разроняю по злым городам,
Всё швырну и отброшу,
Только веру и труд не предаю.

1958

* * *

А. А.

Ты ещё драгоценней
Стала в эти крошечные дни.
О моём Авиценне
Оборвавшийся труд сохрани.

Нудный примус грохочет,
Обесмыслив из кухни весь дом:
Злая нежить хохочет
Над заветным и странным трудом.

Если нужно – под поезд
Ты рванёшься, как ангел, за ним;
Ты умрёшь, успокоясь,
Когда буду читаем и чтим.

Ты пребудешь бессменно,
Если сделаюсь жалок и стар;
Буду сброшен в геенну –
Ты ворвёшься за мной, как Истар.

Ты проносишь искусство,
Как свечу меж ладоней, во тьме,
И от снежного хруста
Шаг твой слышен в гробу и тюрьме.

* * *

Когда-то раньше, в расцвете сил,
Десятилетий я в дар просил,
Чтоб изваять мне из косных руд
Во имя Божье мой лучший труд.

С недугом бился я на краю
И вот умерил мольбу свою:
Продлить мне силы хоть на года
Во имя избранного труда!

Но рос недуг мой, я гас и чах,
И стал молиться о мелочах:
Закончить эту иль ту главу,
Пока не брошен я в пасть ко льву.

Но оказалось: до стран теней
Мне остаётся десяток дней:
Лишь на три четверти кончен труд,
И мирно главы в столе уснут.

Хранить их будет, всегда верна,
Моя подруга, моя жена.
Но как бессилён в наш грозный век
Один заброшенный человек!

Ты просьб не выполнил. Не ропщу:
Умеет Тёмный вращать пращу
И – камень в сердце. Но хоть потом
Направь хранителей в горький дом:

К листам неконченных, бедных книг
Там враг исконный уже приник:
Спаси их, Господи! Спрячь, храни,
Дай им увидеть другие дни.

Мольба вторая – на случай тот,
Коль предназначен мне свет высот:
Позволь подать мне хоть знак во мгле
Моей возлюбленной на земле.

Молитва третья: коль суждено
Мне воплощенье ещё одно,

Только одна ты, подруга и спутник

Дай мне родиться в такой стране,
В такое время, когда волне
Богосотворчеств и прав души
Не смеет Тёмный сказать: Глуши!

Дай нам обоим, жене и мне,
Земли коснуться в такой стране,
Где строят храмы, и весь народ
К Тебе восходит из рода в род.

Ночь на 19 октября 1958

В ЕНОК
АЛЛЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
АНДРЕЕВОЙ

Это – тайна

С Аллой Александровной Андреевой меня познакомила журналист Марина Викторовна Тимонина году эдак в 1978-м. Мне было 25 лет, я писал стихи и готовил себя к священству. Знакомство с женщиной, прошедшей ГУЛАГ, связанной с искусством, большой поэзией и одновременно церковно-верующей, доступной для откровенных бесед и достаточно простой в общении, было для меня восторженно дорогим. Стоит ли описывать наши встречи, знакомство с жизнью, личностью и поэзией её покойного мужа Даниила Андреева, творческое наследие, дух и облик которого она сохранила для России? Это и так понятно. Она сама была великой. Великой в делах, мыслях, земных привязанностях и небесных упованиях. И внешне она была величественная!

Ей никогда не надо было никого учить, от неё нельзя было услышать трафаретных или заезженных фраз о добре, правде и т. п. Она была строгим человеком, честно обозначавшим права и правила свои и собеседника, давнего друга или случайного знакомого. Ей достаточно было выпустить из своих глаз кусочек неба, всегда хранившееся там в полном объёме. Ей достаточно было сказать несколько коротких фраз. Или просто прочесть из Даниила. Так, как читала только она. Больше аргументов не требовалось. Это было её богословие. И оно было очень действенным, неопровержимым, бесспорным. И хотя спорщики находились, судьба их мнений была предрешена.

Большие возможности тесного общения, долгих бесед и вообще соприкосновения с этой мудрой, цельной и возвышенной личностью давало мне участие в «плаваньях». Несколько лет подряд многочисленное общество поклонников поэзии Даниила Андреева, философов и друзей Аллы Александровны собиралось поздней осенью на теплоходе и отправлялось в плаванье: по Волге, по Ладоге, на Валаам, в Кижии... Много замечательного можно было услышать от интереснейших людей, увидеть, как прекрасны и подчас неожиданны пути человеческой мысли. Как необъятны возможности духовных озарений. Вдохновителем, личностным и эстетическим центром, а также «теневым руководителем» таких плавучих собраний была, конечно, Алла Александровна.

Бывали и забавные случаи, на которые она резво откликалась. Об одном таком весёлом эпизоде мне хочется рассказать.

В какую-то поездку собравшиеся пассажиры выказали недовольство качеством и организацией питания на теплоходе. Для встречи с пароходным руководством были выбраны наиболее представительные делегаты: историк Владимир Леонидович Махнач, скульптор Валерий Андреевич Евдокимов, философ барон Василий Морозов. В состав делегации был включён и я. На встрече с капитаном, помощниками и породной дамой – директором теплоходного ресторана – нашей делегацией были высказаны общие пожелания и отдельные претензии. В частности, мы просили полноценных блюд для многочисленных вегетарианцев, бесплатную раздачу спиртного желающим или возможности «приносить своё», как это было разрешено на других теплоходах, увеличения порций и улучшения сервировки. В результате переговоров на следующий день на столе у Васи Морозова молоко стояло не в стакане, как у всех, а в изящном молочнике. Перед Евдокимовым на тарелке котлетка была заменена красивой кучкой отварной фасоли. Махначу поставили два стакана вина, а мне принесли два первых и три вторых. Когда я со смехом рассказал это Алле Александровне, она, не улыбувшись, посмотрела вдаль, слегка повела носом и изрекла:

– По барину – говядина, по ... и черепок!

Алла Александровна сама любила угощать гостей. Сейчас, на Святках, хочется вспомнить её Рождественские трапезы.

Всю неделю перед Рождеством Алла Александровна отстаивала все службы в Церкви Воскресения Словоущего на улице Неждановой (ровно наискосок от её дома). А днями заранее готовилась к святочной полунощной трапезе. Возвращалась она из Церкви 7 января часа в 2–3 утра, к этому времени подтягивались и гости. Особенно ярко помню Рождество 1979-го. Именно тогда я впервые отведал её знаменитого борща с грибными ушками в сопровождении остальных 11 из 12 полагавшихся и неизменно готовившихся ею Рождественских блюд. И хотя добрая половина их относилась, скорее, к Сочельнику, разговение Святой ночи удавалось на славу. Кутья; сочиво; маринованная свекла; варёная чечевица с жареным луком; постные пироги с капустой; гречневая каша с жареным луком и грибами; вареники с картошкой; красная икра, заливной судак; жареные карпы; залом с Преображенского рынка, запивались праздничным узваром.

К Старому Новому году готовился уже новый стол...

Как известно, Алла Александровна погибла в возрасте 90 лет в Великую Субботу. Таким образом, её погребение пришлось на Светлую Седмицу. Договариваться об отпевании родственники отправились в церковь Малого Вознесения, куда Алла Александровна ходила последние годы, где она исповедовалась и причащалась. Ко всеобщему изумлению, в этой церкви им объяснили, что отпевать не будут, так как настоятель не благословил отпевание «вдовы еретика». Кем и когда Даниил Андреев был отлучен от Церкви как еретик и при чём тут его вдова – осталось неясным.

Чуть позже стало известно, что отпевание дорогой всем нам Аллы Александровны всё же состоится в церкви Отрады и Утешения, на потоке из судебно-медицинского морга, куда она попала по обстоятельствам своей гибели. Среди огромного количества цветов, принесенных ко гро-

бу её друзьями, в празднично убранном храме, под благоухание освящённого ладана и церковное пение покидала измученное тело светлая и несломленная душа Аллы. При её жизни, какие бы тревоги, волнения и немощи телесные ни сжимались вокруг неё, – от лагерной каторги в молодые годы до слепоты и череды предательств в старости, – никогда душа её не излучала вокруг себя ничего, кроме радости бытия, лучезарного света и нескончаемой безграничной надежды на Царствие Небесное. И теперь путь к её Небесному Кремлю начинался.

Православная Церковь особо относится к покидающим эту землю на Пасху. Христово Воскресение, празднуемое здесь и сейчас, пасхальное ликование, охватывающее всех и вся, даёт зримое и немедленное обоснование нашему собственному Воскресению. Поэтому Церковный Устав определяет особое Последование отпевания на Светлой Седмице. К сожалению, вышеупомянутый мной больничный поток отпеваемых в церкви Отрады и Утешения, видимо, не позволял возвещать каждый раз близким весть о том, что «...из гроба днесь яко от чертога возсияв Христос, жены радости исполни...» и утешать их «пивом новым, не от камене неплодна чудодеемым». И отпели Аллу Александровну обычным чином.

Мне предстояло проводить гроб до могилы на Новодевичьем кладбище. По прибытии туда я почувствовал неодолимое дерзновение отпеть Аллу Александровну вторично. Этому способствовала прекрасная майская погода, всеобщий пасхальный настрой и какая-то недоговоренность, недосказанность о чём-то важном, главном, витавшем среди собравшихся близких. И вот у края могильной ямы, выкопанной рядом с могилой её Даниила, перед её закрытым гробом я отпел Аллу Александровну Андрееву по пасхальному Последованию. Помогал мне в этом нескончаемый пасхальный звон колоколов Новодевичьего монастыря, расстилавшийся из-за стены, отделяющей монастырь от кладбища, прославляющий Христа Воскресшего и уносящий эту весть вместе с душой Аллы Александровны во все пределы.

В тот день я отдал Алле Александровне что мог. Не потому, что так было нужно. Всю жизнь я буду помнить

одну ночь. Как-то засидевшись очень допоздна за чаем у неё дома, распрощавшись, внизу, у лифта, вспомнил, что забыл в прихожей записную книжку, нужную мне с утра. Я снова поднялся. Алла Александровна не запирала в те годы двери своей квартиры ни днём, ни ночью, во всяком случае, если была дома. Я тихонько отворил дверь, зашёл в прихожую и увидел, что из кухни, которая была расположена почти напротив входной двери, исходит необычный свет. Там у иконы стояла Алла Александровна и молилась. Всё вокруг было озарено сиянием, и сама она была молода и прекрасна. Я даже не сразу узнал её.

Никогда я не рассказывал этого ни ей, ни кому-то другому. Это – тайна. И вы, пожалуйста, тоже этого никому не говорите.

Святки 2015

Мария ВИНОГРАДОВА

В сиреновом саду

Впервые я увидела Аллу Александровну Андрееву в конце 1980-х годов в доме-музее академика Николая Дмитриевича Зелинского, великого русского химика, изобретателя первого в мире противогаса. Его сын, кандидат исторических наук Андрей Николаевич Зелинский, работал директором музея. Андрей Николаевич и его жена Юлия Григорьевна Шишина-Зелинская в начале перестройки собирали московскую интеллигенцию на вечера за большим столом с чаем и домашней выпечкой, принесённой гостями. Вечера были посвящены творчеству тех представителей российской литературы, которые были недоступны обществу до наступления эпохи «гласности».

Так на одном из вечеров прозвучало имя поэта Даниила Андреева.

Выступала его вдова Алла Александровна Андреева. У неё появилась возможность открыто читать его стихи, а готова она была к этому уже давно и только ждала такого времени. Поэзия Даниила Андреева, рассказ об их судьбе, а потом их лагерно-тюремная переписка поразили меня светом и красотой любви, которую не смогла растоптать система.

Так хотелось бы, чтобы люди нашего прагматичного времени могли узнать о таких удивительных людях, способных после семи лет разлуки, тюрьмы и лагеря, получить только после смерти Сталина возможность переписки, на-

писать такие слова: «Наша встреча из области мечты и веры передвинулась в область реального будущего», и такое: «...я бесконечно благодарна судьбе за тебя. Да и вообще за всё».

Подойти к ней на вечере я не решилась. Мы позже вспоминали об этом, ведь тогда она ещё видела и могла меня увидеть, а потом она уже совсем ослепла и могла меня представить только внутренним зрением, осязая прикосновением рук, рук художника.

А дальше были очень трудные для меня 90-е годы. Мне пришлось уйти из МИФИ, очную аспирантуру которого на кафедре «Кибернетика» я закончила к тому времени, вела семинары, уже был доклад по моей диссертации, но Высшая школа терпела полный крах. И начались мои мытарства совсем в иных сферах.

Потом, уже через много лет, мы познакомились с Аллой Александровной более близко благодаря Ларисе Патраковой. С Ларисой я познакомилась ещё в 80-х, в Ферапонтове. Алла Александровна щедро оценивала её стихи и принимала большое участие в её судьбе. Во время своих приездов в Москву из Вологды Лариса часто у неё останавливалась.

Я помню прекрасный вечер, когда мы приехали в Брюсов переулок с Ларисой, которую я встретила на автовокзале и помогла доехать с тяжеленными сумками её рукописей, она с ними не расставалась. Помню, как мы пили чай на уютной кухне, беседовали и чувствовали себя и свободно, и радостно, а я любовалась этими двумя прекрасными женщинами, лица которых светились таким добром, духовной красотой, что возраст Аллы Александровны при этом не имел никакого значения. И почему-то не было ощущения, что ты говоришь со слепым человеком. Была полнота общения.

Алла Александровна говорила: «Если бы я не ослепла, то объездила бы весь мир!» Когда я рассказала Алисе, так звали её близкие люди, чтобы не выговаривать длинно «Алла Александровна», о проекте кругосветного путешествия парусника «Крузенштерн», она даже воскликнула: «Я же его когда-то рисовала. Ах, если бы не моя слепота, я бы тоже участвовала в этом путешествии».

Путешествовала она много. Бывала на Брянщине, в Саратове, Смоленске, Новосибирске... Словом, объездила пол-России. И не ради развлечения. Важной частью её жизни были «Андреевские чтения».

Лето 2004 года мы провели с Аллой Александровной в Крыму, в Крымской обсерватории. Поездку задумала она, узнав от Андрея Олейникова, которого все звали Алхимиком, об этом чудесном месте, уговорила участвовать в этом путешествии Федора Синельникова с женой, семью Валеры и Маши Соколовых. Она же через друзей организовала нам номера в гостинице, где мы прекрасно устроились.

Надо добавить, что Валера Соколов и Андрей Олейников познакомились с Аллой Александровной ещё в конце 70-х, когда они, тогда московские хиппи, прочитав фотокопию «Розы Мира» Даниила Андреева и узнав, что его вдова жива, разыскали её, познакомились и стали бывать в её доме.

Она всех нас любила, понимала всех, таких разных, которые друг друга не всегда могли понять. Она же нас и объединила, и мы это чувствуем до сих пор, спустя десять лет, как её самой не стало. Она нам в наследство оставила друзей и прекрасных людей, которых бывает не так просто встретить.

Она самым своим образом жизни и отношением к людям заставляла и нас изменять свой внутренний мир и восприятие окружающего.

Есть люди, которые как будто призваны служить сохранению духовного света в мире. Они способны своей личностью изменить пространство вокруг себя, изменять вокруг себя соотношение добра и зла. Она была такой.

Во время нашего отдыха в Крыму у нас было много интересных экскурсий в горы, пешеходный поход в пещерный город Тепе-Кермен, поездка в Бахчисарай, Успенский монастырь и древний город Чуфут-Кале. Алла Александровна напутствовала нас и не принимала моих возражений, когда я, опасаясь оставлять её одну, предполагала отказать от поездки.

Валера Соколов бывал в студенческие годы в археологических экспедициях в Крыму, он учился на истфаке

МГУ. А я хотя и училась в МИФИ, но летние каникулы проводила так же, как Валера, и в те же 70-е годы в экспедициях Сергея Алексеевича Беляева в Херсонесе, на Мангуп-Кале, была дружна с крымскими археологами и вместе с ними совершала походы по пещерным городам Крыма. Поэтому было радостно посетить эти места спустя почти четверть века.

О наших впечатлениях мы рассказывали Алисе в подробностях.

В более доступные для неё путешествия она отправлялась с удовольствием. Это и прогулка по отрогам той горы, на которой расположена обсерватория, поездка на автомобиле к морю, поход к искусственному озеру на склоне горы и купание в нём. Плавать она очень любила и плавала, наслаждаясь водной стихией, выплывая к берегу на мой голос.

Она время нашего отсутствия использовала для того, чтобы подготовить следующий цикл стихов Даниила, слушая и запоминая начитанные кем-нибудь на диктофон тексты.

Алиса не мыслила жизни без творчества, без деятельности, несмотря на все её проблемы, а, как она говорила, проблема у неё была одна – слепота. Ведь она была замечательным художником.

В её доме в Брюсовом переулке было всегда так удивительно тихо, радостно, несуетливо и, я бы сказала, благодатно, как будто это был островок внутреннего спокойствия, духовного света в самом центре Москвы, на котором можно было забыть о темпе московской жизни, почувствовать глубину и мудрость настоящей духовности, настоящей культуры.

На этот островок стекалось много разных людей, и по делу, и просто поговорить, решить свою проблему. Почти каждый день встречи. Она радостно встречала всех, принимала нас такими, какие мы есть, прощая нам наши недостатки.

Ей всегда были интересны все люди, в каждом она находила то, что было отражением Образа Божьего. Ей, как истинно интеллигентному человеку, были интересны

достойные люди, независимо от национальности и образования. Ей был интересен огородник в Крыму, который выращивал экологически чистые овощи, имея при этом прекрасную библиотеку в одиноко стоящем доме в горах. И она старалась ему помочь, переслать из Москвы необходимые ему для его работы инструменты. Ей была интересна моя старенькая, моложе Аллы на пять лет, неграмотная, но мудрая няня, они даже общались по телефону. Няня, узнав про смерть Аллы Александровны, сказала: «Мы все здесь гости». Теперь уже ушла и моя няня.

Иногда с утра она лежала с тахикардией, но ни за что не отменяла важную встречу, выступление, даже просто визит друзей. А уж посещение спектакля или оперы не отменялось ни при каких обстоятельствах. Истинное искусство она ценила необыкновенно, жила в нём. Наверное, именно поэтому ей удавалось сохранять тот удивительный гармоничный внутренний строй, к которому так тянулись все.

Я счастлива, что судьба подарила мне эту встречу. Она произошла на закате её жизни. Но, значит, так должно было случиться. Алла Александровна очень многому меня научила, и я живу с благодарностью ей за это.

Она появилась в моей жизни в очень трудный для меня период. Сгорела мастерская моего мужа, художника, скульптора, пожар длился десять часов, его не могли погасить, уцелело очень мало живописи и, по счастью, какая-то часть скульптурных работ. Муж попадает после этого в больницу, я ищу юриста, чтобы в пожаре не обвинили нас.

При этом у меня работа, и даже не одна, и к тому же две собаки. Вечером перед сном я брала в руки книгу «Плаванье к Небесному Кремлю». Она подарила мне книгу на Прощеное воскресенье, когда после храма мы вернулись к ней домой и ели испечённые мною блины, так она и подписала. Когда я читала её воспоминания, я убеждалась, что человек может выдержать невероятно много испытаний, если он знает, ради чего живёт.

Её советы оказались просто бесценными. Она мне говорила, что надо идти в Управу нашего района и прямо, объяснив сложность нашей ситуации, просить выделить помещение под мастерскую мужу. При этом не надо искать

окольных путей, каких-то знакомств и связей, а действовать напрямую самим. И я, воодушевившись её советом, сделала именно так. Мы с мужем пришли в Управу и обратились с такой просьбой.

Мы долго ждали ответа. Всё это время я молилась, часто молилась у Иверской иконы Божией Матери в храме Воскресения в Сокольниках.

Решение было принято 25 февраля, в день Иверской иконы и день рождения Аллы Александровны. Так и было отмечено в полученной нами бумаге о предоставлении помещения под мастерскую. Это было просто спасение.

Нас с Аллой Александровной каким-то чудесным образом объединяла Иверская икона. У нас в доме особенно почитали этот Образ. Мы с мамой часто бывали в храме в Сокольниках, а в трудную минуту обращались за помощью именно к ней, к Иверской. Помощь этой иконы мама испытала ещё в юности, в начале войны, и потом в течение нашей жизни по нашей молитве у Иверской совершались удивительные события.

У Аллы Александровны дома был маленький бумажный образ Иверской иконы, который мироточил, частица этого миро сохранилась у меня и благоухает до сих пор.

День рождения Аллы в день празднования Иверской иконы – 25 февраля, и отпевали её во вторник Светлой седмицы (после Пасхи), это тоже день празднования Иверской иконы. А мы так хотели в тот день вместе быть в Сокольниках в храме, где хранится этот образ все годы после разрушения Иверской часовни.

Тогда для меня были большим утешением в моём горе от потери близкого человека слова священника о том, что Господь забирает человека тогда, когда он готов. Алла Александровна была готова.

Она добилась после долгих лет судебных разбирательств возвращения себе авторских прав на издание произведений Даниила Андреева, выпустила свою книгу воспоминаний, уже второе издание, опубликовала наследие Даниила.

В Крыму у нас с ней был разговор о жизни и смерти. Как истинно верующий человек, она была готова к смерти

каждую минуту, но ценила каждую минуту этой жизни и радовалась ей.

Эта удивительная женщина всегда очень любила жизнь, моложе её по духу было трудно представить. Ей всегда было интересно всё, все стороны нашего бытия, нашей жизни. И всегда она давала очень точную, здравую оценку происходящим событиям.

Я часто вспоминаю один день, который мы провели с Алисой в сиреневом саду на ВДНХ, день, когда цвела сирень. Мы отправились туда, решив устроить себе маленький праздник.

Как молодые подружки, сначала зашли в китайский павильон и купили ей красные, как гроздь рябины, коралловые бусы, это был её камень, потом немного вкусной еды, кажется, маслины и копчёный лосось, мы обе это очень любили, и даже по бутылочке хорошего пива. Гулять – так гулять!

И вот мы в сиреневом саду, рядом с небольшой, недавно построенной часовенкой. Она рассказывает мне о давней поездке в Лондон, удивительных английских парках, мы потихоньку потягиваем пиво и наслаждаемся запахом сирени, пением птиц и тёплым весенним солнцем.

Представьте себе женщину почти 90-летнюю, слепую и в то же время необыкновенно молодую, идущую легко и прямо, без всякой положенной для слепого человека палочки, красивую и непринуждённую, вызывающую сразу уважение и даже восхищение. Наверное, никто из знавших её не забудет эту гордо поднятую голову, эти порывистые и пластичные движения, эту открытость всему новому, радость при встрече с людьми.

Она была молода душой, гармонична, эмоциональна и в то же время внутренне собрана. Гармонична, как музыка, без которой она не представляла жизни и которая звучала в её чтении стихотворений Даниила Андреева.

2014

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Просветлённая

Этому цветку – отечество
Только в куцах небосклона,
Ибо он – само младенчество
Богоизбранной души...

Даниил Андреев

Помню, как впервые мне в руки попала «Роза Мира» Даниила Андреева: том бледной машинописи на желтоватой бумаге, однако в добротном бордовом переплёте. Мне охотно дал его на несколько дней (тогда весь самиздат давали либо на ночь, либо – в лучшем случае – на несколько дней) поэт Генрих Сапгир. Я об эту пору служил сторожем в Елоховском Богоявленском соборе (1977 год). Сидел в полумраке привратничьей будки и, портя глаза, но всё глубже погружаясь в это уникальное русское визионерство, читал «Розу Мира». В те времена я ещё ничего не знал о Данииле Андрееве – только то, что, как пояснил Сапгир, он сын знаменитого Леонида. Впрочем, я и Леонида знал худо, зато хорошо запомнил где-то вычитанное высказывание о нём Льва Толстого: «Он пугает, а мне не страшно».

Потребовались годы и годы: эмиграция, возвращение, адаптация, точней, отторжение криминальных 90-х, – чтобы Даниил Андреев стал, пусть и не самым близким, спутником моего культурного бытия.

И именно в 90-е судьба счастливо свела меня с вдовой Даниила Аллой Андреевой. Она пришла в «Новый мир», где я тогда заведовал публицистикой, собирая подписи в поддержку проекта издания собрания сочинений её покойного мужа. Я сразу поразился её необычной внешности: тонкому, просветлённому аристократизму в сочетании с демократической простотой.

И те нечастые встречи, что последовали потом, и совместные выступления в столице и в Подмоскowie – Алла Александровна читала стихи мужа на память в сколь угодно больших количествах, выявляя их смысл и музыку, – в моей памяти уцелели светлыми и зыбкими огоньками, вкрапленными в месиво тогдашней полубомбочной России.

Каждое смутное время имеет свой набор доминирующих в культурном обществе качеств. Тогда, среди прочих, это были лицемерие (из тактических соображений), стяжательство, трусоватость перед либеральным участком. Андреева же была беспримерно органична и простодушна, и с ней можно было быть без самоцензуры таким же.

Вскоре она ослепла. Но оставалась по-прежнему неуёмной подвижницей, энтузиасткой андреевского наследия. Обычно слепых мучительно видеть. Но Алла Александровна выглядела всё так же светло и опрятно. В облике её светилась православная незлобивость. Память не подводила, весёлость не потускнела. И это – в под 90 (!).

И в жизни, и в трагической кончине её, в языках пламени, в которых она погибла, есть что-то от «Розы Мира».

Ибо, встречаясь и общаясь с нею, а теперь вот и вспоминая её, я всегда с замиранием сердца ощущал, как тонкая плёнка меж здешним бытиём – и потусторонним. Это чувствуешь в церкви. В повседневности – много реже. Но в случае с Аллой у меня это бывало всегда.

*7 августа 2014
Переделкино*

Алексей ЛАРИН

Сквозь перезвон рифм

Имя Даниила Леонидовича Андреева – поэта, философа, провидца – приобрело в последние годы заслуженную известность. Опубликовано полное собрание его сочинений, проходят литературоведческие конференции, посвященные его творчеству, произведения поэта переводятся на иностранные языки. Осмысление творческого наследия самобытного художника продолжается.

Трудно переоценить роль человека, сумевшего спасти, сохранить рукописи Д.Л. Андреева, подготовить их к публикации. Алла Александровна Андреева – жена, друг, помощник. Она была ангелом-хранителем при жизни писателя, она осталась им для его творений. Нечастые в последние годы выступления А. Андреевой всегда становятся событием: неподдельный интерес вызывают не только жизнь и творчество Даниила Андреева – поразительный пример подлинной внутренней свободы при полной несвободе внешней, но и личность Аллы Александровны. Те, кому довелось прочесть её книгу «Плаванье к Небесному Кремлю», наверняка согласятся, что это не просто мемуарная литература – это своей судьбой выстраданная частица недавней российской истории – горькой, трагической, но не безнадежной. А название книге дала ненаписанная поэма Даниила...

Впервые: журн. «Филармоник». 2001. № 1. Печатается с сокращениями по изданию: Выплывет ли град Китеж? Композитор Алексей Ларин. Материалы к творческой биографии. М.: Композитор, 2009.

Поэзия и музыка. Общеизвестна их тесная взаимосвязь. Поэзия Даниила Андреева не просто музыкальна, многие его произведения построены по законам музыкальной драматургии, они и звучат как музыка. Естественно желание сопоставить эту музыку слов с музыкой в ее традиционном понимании. На вечере в Доме-музее А.М. Горького, прошедшем 20 декабря 2000 года, поэзии Даниила Андреева сопутствовала музыка Ф. Шопена. Соединение смелое, даже неожиданное. Невольно задумываешься: а почему не Рахманинов, Скрябин или Метнер? Но, пожалуй, выбранное сочетание оказалось убедительным. Уникальное единство эпической и романтической составляющих в поэме «Навна» гармонировало и с прелюдиями Шопена, и с его «Фантазией». Исполнителям удалось избежать иллюстративного подбора музыки к стихам. Поэзию, разумеется, представляла Алла Александровна, а музыку? Пианист Михаил Кандинский, молодой солист Московской государственной филармонии, выпускник Московской консерватории (класс Э. Вирсаладзе), стажировавшийся в Лондонской Королевской академии музыки, показал не только мастерское владение инструментом, но и весьма зрелое прочтение Шопена – автора, которого едва ли не каждый слушатель представляет по-своему. В трактовке М. Кандинского чувствовалась благородная сдержанность, его *cantabile* выдавало принадлежность к русской фортепианной школе, а отсутствие театральной патетики органично сочеталось с манерой чтения А. Андреевой. Родство с авторитетнейшим музыковедом – недавно ушедшим Алексеем Ивановичем Кандинским и крупнейшим художником – обязывает ко многому. Плодотворным и многообещающим видится мне также творческое содружество молодого пианиста с А. Андреевой. Начавшись около года назад, оно уже приносит интересные результаты.

И всё же доминантой прошедшего вечера стали стихи Даниила Андреева – «тонкий пепел певучего сердца». Прозвучали стихотворение «Сквозь тюремные стены» и поэма «Навна», посвященная «возлюбленной, жене и другу». Чтение Аллы Александровны можно назвать аутентичным: и потому, что так же читала она стихи их

автору, уже безнадежно больному, незадолго до смерти выпущенному на свободу, и по авторской манере произнесения. Поэтические образы предстают при этом скульптурно-зримо, в полной мере выявляются музыкальная архитектура, внутренняя логика повествования. И самое ценное – нет ни позы, ни ложного пафоса, ни наигранности. Словно соприкасаешься с таинством рождения поэзии!.. Не опасаясь высоких слов, можно сказать, что устами Аллы Александровны глаголет муза Даниила Андреева. Это тем драгоценнее, что живых свидетелей, знавших и слышавших замечательного поэта, остается всё меньше.

2000

*

Уникальное явление – Даниил Андреев, поэзия которого в последние советские годы постепенно стала из небытия выходить на поверхность. Сначала появлялись журнальные публикации, случайно наткнувшись на них, я потом уже целенаправленно стал следить и собирать эти строки. Потом вышло собрание сочинений. Тогда же я познакомился и, могу даже сказать, подружился с Аллой Александровной Андреевой, его вдовой и ангелом-хранителем. Если многие знают «Розу Мира» и воспринимают Даниила Андреева как философа, мистика, идеалиста, то для меня он – прежде всего большой поэт. Алла Александровна тоже считала, что поэзия – главное в творчестве Даниила. Помню, она говорила, что ощущает в моей музыке эпическое начало, которое было неотъемлемым и для Д. Андреева. Не мне судить, так это или нет, во всяком случае, моя тяга к хору, наверное, как-то с этим связана. Она слышала «Триптих» на стихи Даниила Андреева, потом бывала на многих моих концертах, высоко отзывалась о «Русских страстях», может, даже слишком высоко. К сожалению, вторая моя работа на стихи Даниила Андреева «Белый ковчег» уже оказалась посвященной ее памяти.

2009

Нина ЛЕВИНА

Последняя встреча

Из дневника

8–9 апреля 2005. Прилетели в Москву, звоним Андреевой: «Мы можем приехать?» – «Да, конечно».

Получили багаж и на метро до «Чеховской», прошлись по ночной Тверской. Пришли, видим, она в сиреновом утепленном халатике, тоже уставшая, бледное лицо. «Вы здоровы?» – «Ну, какое здоровье в моем возрасте? Давайте пейте чай и укладывайтесь – уже первый час ночи».

Почти не разговаривали. Она нам дала постельное белье (Ох! Хотела же я ей в подарок отвезти комплект постельного белья, и был нераспечатанный – ясно же было, комплект был бы нелишним, но чемодан не закрывался, как я жалела, что не настояла, но это за мной долг), предложила располагаться в большой комнате, постелились.

Она: «У меня подушки с гречневой шелухой». Дала мужу такую. Предупредила: «Я плохо сплю, могу ночью включить музыку, если не спится, и утром поздно встаю. Завтра у меня в 12 встреча, придут ко мне». – «Можно мне поприсутствовать?» – «Да, пожалуйста!» Мы немного поговорили: будем ли чай и прочее. Мы наскоро заварили свои пакетики (я сразу сказала мужу: ничего ее не есть, как бы ни предлагала, наоборот, угощать своим), у нас с собой было, что называется. Она от всего отказалась – пост. Дала понять, что устала и хотела бы в постель.

Утром я проснулась, поглядела в окно: видны башни Кремля. «Раньше у нас был вид на Кремль, а потом выстроили вот этот дом, он нам всё загородил». Но в голосе

сожаления не было: ей вид из окна безразличен, она его не видит. Поднялись, тихо привели себя в порядок, я давай наводить чистоту, подмела и протерла всю территорию, кроме той, где она спала. Вот тут я и разглядела квартиру полностью. В квартире две комнаты и довольно просторная кухня, на которой стоит даже небольшой диванчик, на котором она сидит. В большой комнате два дивана, небольшой овальный столик, большой письменный, завален бумагами: полное впечатление, что кто-то там работает; лежат книги, листы бумаги, ручки. На стенах много икон и иконок, большая фотография семьи Николая Второго. В углу большой телевизор, есть что-то вроде этажерки, на которой много всяких безделушек: шкатулочки, какие-то статуэточки, броши, крестики. Около двери шкаф с книгами, с фотографиями. Есть фотография самой А.А., где она снята в купальнике и шляпе, это уже после смерти Д.А. На дверце какой-то хвост лисы. (Оторвала от старого пальто, куда девать? Вот повесила.)

В прихожей квартиры, довольно просторной, вешалка, лавочки, подставка под обувь, небольшое зеркало на тумбочке. Там лежал пригласительный билет на какой-то поэтический вечер, презентацию книги поэта Васильева, в числе участников Кублановский, Роднянская, Андреева, ещё кто-то, чье имя на слуху. Вот куда бы!

Потом мы уже позавтракали, а она спит. Время 11 утра, а от неё никакого звука. Я стала немного волноваться: всё ли в порядке? Тихонько заглянула к ней; лежит, укрывшись с головой, на полу рядом телефон: «Если зазвонит, вы не берите, у меня под рукой другой аппарат»; двухкассетный магнитофон. Во всё время пребывания заметили: очень чувствительна, если что-то не оказалось на привычном месте («А где тут стул? А здесь была коробочка»). Поэтому всё, за что брались, ставили на место, откуда взяли. Почему-то все светильники в квартире имеют длинные подвесные провода и этими проводами всяческими изгибами развешаны по кухне и комнатам, чтобы светить прямо на место, где могут располагаться люди: над диваном, креслом, столом. Вероятно, так она пыталась для себя осветить человека, с которым общалась, она же говорила,

что видит смутно лишь движущиеся цветные предметы. Когда я убиралась, обратила внимание: на кухне столик, на котором чайник, на полу около стола много высохших пятен кофе: она проливает, когда наливает чашку.

Алла Александровна поднялась в 12-м часу. Позавтракала кофе. Я старалась помочь, она: «Нет-нет, Ниночка, я прекрасно управлюсь!»

Пока она завтракала, поговорили. Тема: Цветаева и Даниил Андреев.

Он её знал, но она ведь на 14 лет его старше. Она приходила в дом Добровых, там все поэты и другие знаменитости побывали. Но он был ребенок, а тогда было строго: дети не должны были участвовать в разговорах взрослых. Он её помнил, но не больше. Она не оставила в нём каких-то воспоминаний. Как-то была высказана мысль одним знакомым, что я напоминаю обликом Марину, но Даня сказал: «Нет, ты лёгкая, а она тяжёлая». Насчёт общения Марины и Вадима: А.А. это не исключает, но никаких подробностей ей не известно, и разговора не было об этом. Не могла ли Марина привезти из Парижа Даниилу письмо от брата, когда вернулась в Россию? «Нет, я бы знала, никогда и речи об этом не было». Затронули дружбу Цветаевой и А.И. Андреевой. А.А. очень жестко: «А.И. была мерзавкой». Как отрезала.

Вообще разговор о Цветаевой был ей неприятен, почему-то она явно к Цветаевой не благоволит: «Эта их переписка с Пастернаком. Оба друг перед другом выдрючивались. Ведь нормальные люди так друг другу не пишут!» Вообще она довольно категорична, нет этой успокоенности старости, вступает в дискуссию и стоит на своём довольно энергично.

На вопрос об общении Д.А. с поэтами (Тарковским и другими): ей ничего об этом неизвестно.

Я попросила разрешения сварить суп. Она с удовольствием мне это разрешила. Сварила на грибном бульоне суп из овсяной крупы. Она всё порывалась мне рассказать; где что брать: картошка, лук, кубики, я: «А.А., не беспокойтесь, я всё найду, знаю, где хозяйки на кухне что прячут». Сварила суп, поджарила картошки на растительном масле. По пути ей рассказала о себе, про Женю. Прочла ей Же-

нины «Золотые тротуары», она: «Эти стихи написал очень хороший человек». Очень заинтересованно слушала, задавала вопросы, поддакивала. А потом, около 12 часов, она ушла в гардероб; у неё такой глубокий стеной шкаф, что для переодевания туда можно зайти. Вышла в шёлковом плиссированном платье сиреневого оттенка, с ниткой красных бус, нарядная. Женщине 25 февраля исполнилось 90 лет, а она придаёт значение своему внешнему виду, хотя сама не видит. Ну, не молодец ли?

Пришли четыре молодых человека: Федя Синельников (немножко восточного типа: смуглый, кудрявые волосы надо лбом), Володя Камский: светлый, высокий, уже с залысинами, очень открытый (мы даже с ним поговорили отдельно, сел на корточки перед моим стулом и начал расспрашивать про наш город, Федора Кузьмича, дал свой e-майл), Полина Горячева и Сергей Смирнов (в ухе серьга). (Фамилии их я уже позже узнала, из переписки с Полиной.) Разговор шёл о создании нового сайта в Сети. Обговаривались цель, содержание. А.А. очень заинтересованно принимала участие в разговоре, настаивала на своём мнении, мол, надо, чтобы на сайте не было удобно всяким мистикам и эзотерикам. Молодые настаивали на всеобщей религии как основной цели, на всеохватности творчества Андреева, чтобы как можно больше людей нашли там то, что ищут, если это есть у Д.А.

Молодые попросили у неё фотографии для размещения на сайте, они были извлечены на свет, я тоже держала их в руках (и те, что помещены в книгах, и неизвестные, например: Андреев в гробу, несколько фотографий, где молодой Андреев в своих походах, в окружении друзей, его школьные фотографии). Похоже, что эта молодежь А.А. известна давно, это было видно по репликам; например, походя А.А., сославшись на меня, сообщила Феде о продаже Пантелеевым писем Андреева к нему «Урании», эта реплика произнесена как продолжение прежнего разговора. «Я выяснила: Пантелеев продал письма Дани». Федя: «Да, все же продал?» – «Да!» И гримаса недовольства. Гости принесли с собою печенье, яблоки, Федя заваривал чай на кухне: «Ну, где же Федя?» – это А.А.

Володя сказал, что собирается проехать по городам с творчеством Д.А. «Как вы думаете, придёт народ на такой вечер, если я в ваш город заеду?» – «Да, конечно, аудитория соберётся, надо только заранее связаться».

Встреча длилась часа два. Алла Александровна была очень оживлена, ей явно нравилась эта компания. А когда пили чай, Алла Александровна даже рассказала три религиозных анекдота <...>

Третий: Праведный человек неизвестно какой концессии попадает на небо. Петр водит его по раю, знакомит. Видят большую толпу людей, сосредоточенно молящихся в позах лотоса. Это кто? «Это буддисты, хорошие ребята, дисциплинированные, тихие». Еще толпа: католики, тоже довольные и благостные, молятся. Еще собрание радостных, оживленно разговаривающих между собой. Кто? – «О, это философы, они счастливы, ведь из разных стран и веков, а тут представилась возможность непосредственно пообщаться, они не могут наговориться друг с другом». Идут дальше, видят высокую стену. А кто за нею? «А это православные, они думают, что тут одни, мы решили их не разочаровывать, вот – огородили. Пусть пребывают в счастливой уверенности, что, кроме них, в раю больше ни единой души».

Ещё в разговоре с ребятами была упомянута какая-то московская школа, в которой А.А. побывала с беседами. Она очень благоприятно отозвалась о школьниках, об их вопросах. Володя Камский тогда пообещал вплотную этой школой заняться, так как у него там работает какая-то знаковая.

А.А.: «Я бы с удовольствием ещё раз у них побывала».

Я просила её почитать стихи Андреева, но она отказала: «Для меня чтение стихов как для певца концерт, я должна распеваться, я так вот с места в карьер не могу, это вид артистической деятельности. Я перед выступлением целый день готовлюсь, слушаю магнитофон, потом сама начитываю, подбираю интонацию. Нет, не могу». Так я и не слышала, как она читает его стихи.

После их ухода мы пообедали. «Кому добавку? Тут осталось на тарелку». – «Нина, что вы беспокоитесь, я съем

этот суп завтра!» – «Да, а вы не боитесь?» – «А что такое? Что с ним до завтра делается?» Потом она призналась, что суп съела с удовольствием, мол, это редкость в её рационе, она питается полуфабрикатами. В этот раз мне её квартира не показалась такой неудобной, как в прошлый раз. Холодильник не пустой. Есть микроволновка, электрочайник (один, нераспакованный, стоял там же в кухне, наверное, подарок на день рождения). Стирает ей родственник. «Это мой названный брат. Когда-то он дружил с моим братом Юрой. Тот уже умер, а Валера (кажется, Валера) так и опекает меня, как брат, он периодически забирает для стирки мои вещи, не гладит, да это и не особенно важно. А убирает одна женщина, приходит раз в месяц». Потом мы ещё немного поговорили. Был короткий разговор о политике. <...>

Был разговор по поводу фотографии Д.А. за 1957 год, помещенной в одной из книг собрания сочинений. Мне показалось, что там какой-то странный Андреев, не похожий на себя, рядом другая, этого же года; лицо более гладкое, немного отрешённое, а на той такое старое, морщинистое, взгляд немного такой задорный. Может, это ошибочно фотография Вадима помещена? «Нет, там нет Вадима (голос у А.А. нетерпеливый, мол, что вы тут городите, о чём речь!), он же тут сразу после тюрьмы; чего вы хотите, какое у него должно быть лицо?» Я свернула расспросы, они ей были неприятны, может быть, просто устала. Я её спросила после ухода гостей: «Вы сегодня никого не ждёте? И вообще, часты ли подобные посещения?». Она ответила: «Ну, что вы! У меня никаких бы сил не было, если бы это было так часто». Для меня это стало сигналом, что пора нам уходить, она явно нуждалась в отдыхе. Я ей не стала говорить, что убиралась, пока она спала, но с удовлетворением видела, что для гостей квартира выглядела гораздо лучше, чем когда мы к ней приходили в первый раз. В октябре.

И удивительное дело, я обратила внимание: свежесть, совершенно нет этой затхлости, что, как правило, бьёт в нос в квартире старого одинокого человека. Ничего подобного, в квартире Аллы Александровны пахнет свежим сеном, деревом, чем угодно, только не умиранием. Я вспомнила

посещение монастыря около Троице-Сергиевой лавры, где в келье монаха, находящейся под землей, был свежайший воздух. Квартира намоленная. Я ей сказала об этом, рассказала про молитву, которую экскурсовод нам прочла в этой келье, с добавлением, что некоторым туристам эту молитву в келье не удаётся прочесть, не выговаривается. А.А. так заинтересовалась! «Какая молитва?» Я, конечно, забыла, она даже огорчилась: «Как же вы! Надо было обязательно запомнить». После обеда мы стали собираться ехать, и тут А.А. стала нас убеждать, что мы, скорее всего, не купим билет в Питер, и что если так, то мы должны купить билеты на завтра, на дневной маршрут, вернуться к ней, снова переночевать, а утром завтра ехать уже в Питер. Меня это очень тронуло, но мы сказали, что должны уехать сегодня. Распрощались очень тепло.

8 мая 2005. 29 апреля погибла Алла Александровна Андреева.

Нет больше на земле человека, к которому Даниил обращался:

В какой же ты ныне
Беспросветной томишься глуши, –
Луч мой, радость, подруга – богиня
Очага моей тёмной души?

Ирина НИКОЛАЕВА

Памяти Аллы Андреевой

Уход Аллы Андреевой из жизни был внезапным и трагическим. В одиночку и до последней минуты она, как могла, боролась со стихией огня в квартире. Она не могла не понимать, что в его пламени может погибнуть все, что она так долго и бережно хранила. Рукописи и письма Даниила, ее живописные работы, магнитофонные пленки с записями вечеров, на которых впервые звучали его стихи, иконы и фотографии, картины, книги, которые ей были дороги, и цветы на подоконнике – в каждом из них она признавала особый характер и отзывчивость к ее заботам.

Все это составляло ее жизненный мир, наполненный светом плодотворного страдания, деятельности и мысли, без которых христианская душа не живет. Она им дорожила и оберегала его от разрушения, тлена и невежества.

Отныне ее судьба и жизнь принадлежат трудной и исполненной противоречиями истории русской интеллигенции XX столетия.

Написанные Аллой Александровной воспоминания о прожитой жизни как раз и являются полноценной рефлексией о тонкой материи интеллектуальных поисков интеллигентов 30-х годов, оставшихся и живших в России. Они остаются для нас горькой правдой о допросах на следствии по делу о терроризме, воспоминаниями о лагерной жизни и... свидетельством о взаимной любви, озарившей ее жизнь и ставшей залогом овладения трагическим временем судьбы и возвращением свободы.

Для тех же, кто близко знал и любил Аллу Александровну, строки ее книг читаются и как отклик на одно из последних стихотворений Даниила Андреева, обращенных к ней, его жене и другу:

Если нужно – под поезд
Ты рванешься, как ангел, за ним;
Ты умрешь, успокоясь,
Когда буду читаем и чтим...

Ты проносишь искусство,
Как свечу меж ладоней, во тьме,
И от снежного хруста
Шаг твой слышен в гробу и тюрьме.

Историки и филологи еще будут обращаться к этим книгам, в которых живо переплелись и отразились жизнь, быт, духовные поиски и открытия людей, ставших участниками той эпохи. Но главным делом ее жизни было и оставалось включение поэтического наследия и мифопоэтической мысли Даниила Андреева в пространство современной культуры. Одной из ее последних забот и чаяний была подготовка к 100-летию со дня его рождения.

Последовательно и твердо она готовила рукописи Даниила Леонидовича к публикации, писала предисловие к первому изданию «Розы Мира», участвовала в составлении его первых поэтических сборников, а затем собрания сочинений. Публикации стихотворений, поэм и «Розы Мира» Даниила Андреева стали настоящим открытием для ценителей русского поэтического слова и мысли.

Сложность ритмического строения стиха, особая чуткость исторического слуха поэта и точность его поэтических прозрений составили новый мир знания и воображения, с которым до того мало кто сталкивался.

Но странно, – в мифопоэтическом мире Даниила Андреева внимательный читатель часто находил продолжение своим догадкам или неясным чувствам, пробуждающим личностное начало человека, нередко – ответы на трудные вопросы, которые ставит в историческом времени судьба христианской культуры и изменение ее соотношений с миром других культур. «Роза Мира» – это название завораживало своим долгим эхом, исходящим от самых

истоков христианской символики и дошедшим до нас в слове Даниила Андреева.

Кто и зачем громоздит во мне
Глыбами, как циклоп,
Замыслы, для которых тесна
Узкая жизнь певца?

Алла Александровна, как живой свидетель вдохновенный Даниила Андреева и как редактор его первых посмертных публикаций, была глубоко убеждена, что все творчество Даниила Андреева отличает редкий поэтический склад с повышенной чуткостью к звучанию слова.

Она не уставала повторять, что Даниил – прежде всего поэт и что для того, чтобы понять его мир, надо вслушаться в звуки его стихов и уловить ритмы его поэм. Самоотверженно и самозабвенно учила она стихотворения и поэмы Даниила Андреева наизусть и выступала перед любой аудиторией, неся ей свой опыт понимания замысла его произведений. Ее выступления поражали и восхищали слушателей, заставляли их непосредственно – через интонацию и точный жест – соприкоснуться с поэзией Даниила Андреева. Его поэтическое слово всегда находило своё продолжение в музыке, сопровождавшей ее выступления. Работая в жанре художественного чтения, она отличалась поразительно точной фразировкой строфы и отсылала нас к наиболее чистым и высоким регистрам поэтической мысли Даниила Андреева. В выразительности её чтения находила подтверждение древняя мысль о том, что поэтическое слово равновелико существу началу природы и жизни.

...Ещё не проснулись поверья,
Ни – сказок, ни – лунных седин,
Но всей полнотой предвечерья
Мир залит, блажен и един.

Росой уже веет из сада,
И сладко – Бог весть почему,
И большего счастья не надо
Ни мне, ни тебе, никому.

Её выступления были только одной из граней её светлой души. Её душевный мир никогда не был замкнут, она

оставалась мудрым и спокойным собеседником и откликалась на всё. Аллу Александровну знали и любили многие и многие современники. Узы общения и дружбы связывали ее с литераторами и историками, поэтами и учеными, музыкантами, художниками и философами – людьми разных возрастов и разного творческого опыта.

Алла Александровна очень любила театр и была гостьей и благодарным зрителем театра Петра Наумовича Фоменко и таким же благодарным слушателем «Новой оперы».

Она была долгожителем – в феврале 2005 года мы праздновали ее девяностолетие – и отличалась поразительно живой и яркой памятью. Многие события истории, которые мы сознаем и оцениваем интеллектуально и сухо, она помнила с достоверностью, достойной настоящего художника. Почти полностью утратив зрение, она сохраняла способность внутреннего видения.

Всегда, даже в самые трудные минуты жизни, она стремилась овладеть стихией времени и не потерять себя. И – побеждала.

Вторая редакция ее воспоминаний называлась «Плывание к Небесной России». Мы не теряем Россию. Россия и уже выраженная в слове, красках и музыке жизнь ее духа пребудут всегда. Но, увлекаясь злободневными заботами, мы теряем образный строй ее высокой души как замышленное Промыслом единство жизни во многом различии творческих судеб и лиц.

Даниил Андреев и Алла Александровна были одними из самых ярких и запоминающихся образов этого мыслимого, живого и многообразного творческого единства. Именно его мы можем по праву считать русским XX веком, судьба которого открывается постепенно и нелегко.

Многие, наверное, согласятся со мной в том, что часто любила повторять Алла Александровна: душа человека – это не отдельная замкнутая в себе монада, а живая сущность. Через ее способности каждый сохраняет возможность общения с природными силами и остается сопричастником высших сил добра и блага. А это значит, что для нас не закрыты врата познания и веры.

Алла Александровна до конца дней оставалась верной долгу и слову своего мужа. Можно предположить, что многие из резких, неожиданных и очень характерных для нее оценок и решений объяснимы этим обстоятельством. Ее знание о судьбе «Розы Мира» не исчерпывалось горизонтом текста написанной Даниилом Андреевым книги, а питалось вдохновением сотворчества с судьбой и словом Даниила Леонидовича.

В своей же земной жизни она пришла к ясности православного вероучения и следованию церковному порядку и обряду. В свою очередь, это не могло не наложить отпечатка на ее суждения и оценки о месте и значении «Розы Мира» для судеб русской культуры XX века.

Последовательно и твердо она защищала свое убеждение в том, что Даниил Андреев не еретик, а сын своего трагического времени, сознававший свой долг в исследовании его мистических глубин и опасностей.

Более того, она была убеждена, что добытое им знание полноту своих приложений находит не в социально-политических доктринах. Их задачи практически всегда оказываются в плену у времени, а поэтическое слово дышит вечностью и обращено к самосохранению человеческого духа. Для нее было ясно, что его духовный опыт может стать точкой опоры, отталкиваясь от которой, поиск единства мира становится более осмысленным для тех, кто ищет его действительных начал и истоков. Этой идее она отдавала свои творческие силы и жизнь.

2006

Андрей ОЛЕЙНИКОВ

**Знакомство
с Аллой Александровной Андреевой**
1978, ноябрь, пятница, 17.
Меркурий Печерский

Моя любимая погода наступает ближе ко второй половине осени. Сочетание ясного глубокого неба, сухого холодного ветра, яркой листвы и пронзительного солнечного света заставляет звучать какие-то особые душевные струны, кажется, дремавшие весь год. В это замечательное время меня тянет путешествовать, и конечно, первым делом в Питер.

В компании Леши Фелистака – «Умма-гумма» и Андрея – «Нарка» я оказался там в первых числах ноября 1978 года. Погода стояла тогда самая для меня подходящая. Нам повезло с «флэтом» – мы «вписались» к Володе – «Тошке», жившему тогда где-то в районе Литейного проспекта. Хозяйина дома не было, и нас принимала его жена (кажется, ее звали Алла).

Я тогда «брехал» Даниилом Андреевым, и вообразите мою реакцию, когда в разговоре о том о сем вдруг выяснилось, что Володя был со своим другом в Москве, в гостях у вдовы автора «Розы Мира». Кстати сказать, этот Володин друг (не помню его имени) был тем самым человеком, которому, по словам Акселя, был подарен свитер Даниила Леонидовича. Я принялся расспрашивать, но ради более детального ответа пришлось дожидаться вечера, когда пришел Володя. Однако он не смог сказать самого главного – адреса и телефона. Их знал его друг, связаться с которым почему-то не получилось. Тем не менее «Тошка» подробно описал мне район, где живет Алла Александровна Андрее-

ва, и я без труда узнал Успенский вражек с храмом Воскресения и Брюсов переулок с недавно построенным там домом. Здесь я ходил очень часто, привычным маршрутом от тогдашней станции метро «Проспект Маркса» («Охотный ряд») к Суворовскому (Никитскому) бульвару, до кафе «Аромат» – нашей знаменитой «тусовочной штаб-квартиры». И странное дело: всякий раз, проходя по Брюсовому, я останавливал внимание на новом доме, движимый безотчетным чувством притяжения. Нечего и говорить, что все остальные смыслы моего пребывания в Северной столице мгновенно померкли перед одним, уже реализовавшимся как самый главный. На следующий же день я купил билет обратно в Москву.

Прямо с поезда, только войдя домой, я позвонил Мише Михальчуку, своему приятелю по 127-й школе, к тому времени тоже горячо увлекшемуся «Розой Мира», и мы договорились на следующий же день «пойти искать вдову Даниила Андреева».

В пятницу, 17 числа мы встретились на Тверской, чувствуя себя в каком-то особенном, вдохновенном настроении острого предчувствия замечательных событий. Нас, что называется, «несло». Подходя к месту, мы решили сознательно действовать «наобум» и, ничего не прикидывая в уме, вошли в один из трех подъездов дома, оказавшегося жилым кооперативом МОСХа. Поставив на радиатор отопления маленький образ Спасителя, мы наскоро сотворили предначинательную молитву и вошли в лифт. Нарочно отвернувшись от панели с кнопками, я нажал на первую попавшуюся. Лестничная площадка, на которой мы оказались, не была отмечена ничем особенным, кроме медной таблички с фамилией какого-то доктора возле двери одной из квартир. «Очередной богемный “прикол”, неудивительный для художников», – подумалось мне. Мы позвонили, и дверь открылась.

«А, ребята, входите», – сказала стоявшая на пороге очаровательная темноволосая девушка лет двадцати пяти. «Чаю хотите?» – непринужденно продолжила она, приглашая нас на кухню. И, входя туда, я сразу же увидел в красном углу, под образами, большой пряник с изображением

ангела по синей глазури из числа тех, что так искусно пек Володя Раппопорт из Питера, приятель Акселя и «Тошки»!

Уже за второй чашкой чая, преодолев замешательство, мы наконец поведали о цели нашего внезапного визита. «Ах, Алла Александровна, это моя хорошая приятельница! – ответила Лена. – *Завтра она приезжает из Питера, приходите часам к семи, и я вас представлю*».

На следующий день, в половине седьмого, я уже стоял у подъезда в состоянии романтической наэлектризованности. Вскоре появился Миша, обнаруживая признаки подобного же состояния, и мы отправились к Лене. Она повела нас длинным коридором, который, как выяснилось, соединяет на последнем этаже все лестничные клетки престижного «дома художников» и где находятся многочисленные двери в их мастерские. Дойдя до третьего парадного, мы спустились на седьмой этаж к квартире номер 59. По правде сказать, во время этого путешествия я воображал себе встречу с какой-нибудь глухой, едва шаркающей старушкой, но каково же было мое удивление, когда вместо «старушки» нас встретила стройная, необыкновенной красоты дама «без возраста», исполненная живительного обаяния подлинной, если можно так выразиться, «марочной» интеллигентности.

Нимало не смутившись нашим откровенно «хипповым» видом, Алла Александровна приветливо усадила нас за чайный стол...

В детстве мне часто приходилось бывать у родственников и друзей моей бабушки – классических «арбатских стариков», и я живо помню атмосферу домов *настоящих старых москвичей*. Да, собственно, я и сам жил до девяти лет в такой обстановке. Никакие советские «коммуналки» не могли ничего сделать с ней, пока живы были ее носители. Но они покидали нас один за другим, казалось, навсегда унося с собой дух благородного уюта и старинной гармонии прежнего московского быта. В юности, под давлением «современности» со всеми ее соблазнами, тоска по этим особым, ни с чем не сравнимым ощущениям стала вытесняться у меня куда-то в подсознание, лишь изредка давая о себе знать в редкие минуты воспоминаний.

А тут, стоило мне сесть за стол, под теплый свет оранжевого абажура, я, словно лицом к лицу, встретился с тем самым духом, таким дорогим и близким с детства. Открылась заветная сердечная дверца, и оттуда, навстречу родственным токам, устремились волны забытого настроения. Они все усиливались и, не встречая привычных мелочно-житейских препятствий, стали отражаться вовне и, возвращаясь, порождали состояние, казалось, давно оставившее меня. Как когда-то в раннем детстве, я ощутил, будто время остановилось в своем «горизонтальном» движении и устремилось вверх, проходя сквозь ослепительно сияющую точку-звезду в лампе абажура.

Продолжалось это считанные секунды, в течение которых произошло нечто необычайное. Я почувствовал внутреннюю близость с теми, кто, так же как я сейчас, сидел за столом в лучах этого света, не только здесь и теперь, но всегда и везде, где он объединял находившихся в этом кругу. Мне показалось тогда, что я увидел протянувшуюся сквозь время цепочку ярких судеб, последним звеном которой была радушно встретившая нас хозяйка дома.

В ее внешнем облике и поведении, казалось, не было ничего «специфически старинного», между тем дух, что она несла в себе, был, несомненно, тот! Здесь сразу чувствовался крепкий, благородный настой бесчисленных вечеров, полных незабываемых встреч, горячих дискуссий, споров, откровений.

Драгоценные лица,
Спор концепций и диспуты вер –
Все, что жаждется, снится,
Что творится, – от правд до химер...

Я не знаю, надо ли дальше писать о внешней стороне этой встречи. Да, был простой, но изысканный чайный стол с паштетом из зеленого сыра, добрая непринужденная беседа и, конечно, захватывающий рассказ о «Данииле». Мы увидели много фотографий, и к нашему, тогда очень скудному, представлению о нем присоединились совершенно новые, неожиданные и яркие черты. Главное же было в том, что далеко не всё ограничивается «Розою Мира», а

Даниил Леонидович – неизвестный поэт огромного масштаба, и Алла Александровна мужественно сохранила его наследие в самое тяжелое для подобного дела время. И не менее важное и дорогое для меня заключается в том, что с того памятного вечера и до последних дней жизни Аллы Александровны я имел счастье видеть в ее лице одного из самых добрых и преданных своих друзей!

Я не помню, когда еще был в таком состоянии, как в тот ноябрьский вечер. «Но только, пожалуйста, не надо так светиться», – полусмешливо заметил увлекавшийся парapsихологией Миша, когда на обратном пути мы шли с ним унылым подземным переходом к станции метро.

Сейчас, спустя тридцать лет, даже с поправкой на юношескую восторженность, я могу с уверенностью говорить о пережитом как о своеобразном «просветлении». Такие события – редкие гости в нашей жизни, но если вообще стоит говорить об ее смысле, то, на мой взгляд, это оправдано именно тем, что они всё же происходят.

Уже три года, как нет с нами дорогой Аллы Александровны, нет уже и многих и многих других, кто невольно передавал нам дух прежней эпохи, обесчеченной сначала большевиками, а теперь и ныне царствующими пошлыми их наследниками.

В маленьком сквере в Брюсовом переулке стоит скульптура Александра Лягина «Весть», изображающая ангела, сидящего на льве. Я склонен рассматривать её как памятный знак.

2008

Лариса ПАТРАКОВА

«Где рыцари в мантиях белых сверкали...»

«Роза Мира» появилась у меня в 198... – точную дату не помню. Был это самиздатовский экземпляр: две громадные, переплетённые в картон книги в формате А-4. С очень бледным машинописным текстом. Читать было трудно. Но я прочла. Не прочла, а пережила как правду о себе, о России, о мире и как что-то давно знакомое. Чуть позже подарили книгу стихов Даниила Андреева.

Чем для меня обернулась его жизнь, его творчество, я уже немного рассказала в своём эссе, написанном когда-то по просьбе Аллы Александровны Андреевой. И здесь я о другом. Человек этот – Даниил Андреев – стал для меня в одночасье близким и необходимым. Знала я о нём тогда немного, но о его вдове знала, слышала, кто-то рассказывал. А дальше такая история.

Работала в 1986–1991 годах в Ферапонтовом монастыре на Вологодчине. Водила экскурсии. Но случалось уезжать оттуда, чаще из-за выступлений моих в разных местах. Однажды, когда я отсутствовала, в Кириллов пришел теплоход с московскими деятелями культуры. Была тогда такая акция – «Возрождение». И вот в клубе села Ферапонтово Алла Александровна Андреева обратилась к собравшимся: «Вы, конечно, ничего не знаете о “Розе Мира”...» – «Знаем», – сказала Нина Валериановна

Печатается с сокращениями по изданию: *Патракова Л.* Немного больно. Ощущенье счастья. М.: Изд-во «Onebook», 2013.

Силина, – нам Лариса рассказывала». Алла Александровна очень удивилась и спросила: «Кто такая? Где сейчас?» Ей всё объяснили обо мне и сказали, что я в отъезде. Сожалела Алла Александровна. Она бесконечно ценила любое, самое незначительное внимание к творчеству Даниила Андреева.

Интересно, что ровно через год повторилась та же ситуация: теплоход приплыл, а меня опять не было, хотя Алла Александровна сразу же спросила обо мне. И ещё через какое-то время я, уже в Вологде, услышала по радио объявление: «Завтра в пединституте будет выступать Алла Александровна Андреева...»

Я начисто лишена соблазна знакомиться с известными людьми. Но здесь попросила: «Если надо, Господи, устрой всё...» Через час принесли телеграмму из Петербурга. Знакомый молодой человек в третий раз собрался жениться и хотел со мной о чём-то посоветоваться (что не уберегло его ещё от нескольких браков). Утром пошла встречать поезд из Петербурга. Пришла раньше. На вокзале подошла женщина: «Вы меня не помните? Я Наташа, работаю на радио, брала когда-то у Вас интервью». Я с трудом вспомнила, но почему-то мгновенно догадалась: «Вы встречаете Аллу Андрееву?» – «Да». – «Но ведь она живёт в Москве...» – «В Москве, но сегодня в Вологду приезжает из Петербурга...» – Я быстро написала короткую записку, даже не зная, что я жду конкретно от этого. «Алла Александровна, я Лариса Патракова. Мы дважды разминулись с Вами в Ферапонтове. Это телефон моих соседей...» – И попросила Наташу передать записку Алле Александровне. После обеда меня позвали к телефону, и Наташа сказала: «Алла Александровна через час будет у Вас». Я срочно отправила своего гостя гулять, благо, у него в Вологде были дальние родственники. И через час Наташа привела Аллу Александровну с условием, что в гостиницу я отвезу её сама.

Так в мою жизнь вошла эта женщина.

Она теряла уже зрение катастрофически...

Мы проговорили несколько часов. Я ей читала свои стихи, она читала стихи Даниила. Была какая-то обнажённая откровенность в этом первом разговоре, предельная глубина и доверие. Узнав, что у меня только самиздатов-

ский экземпляр «Розы Мира», она пригласила меня на завтра в пединститут на встречу с ней: «У меня есть с собой один экземпляр, я Вам подарю».

Когда мы собрались уходить, она вытащила из сумки маленький образок Преподобного Серафима Саровского, образок, который все 10 лет был вместе с Даниилом в тюрьме. Положила его на край моего самодельного стола, чтобы я смогла приложиться к нему. Мне пришлось встать на колени – слишком низким был стол. И когда я коснулась лбом этой крошечной иконы, в меня будто что-то вошло. Я хорошо помню это.

А на другой день, 12 февраля 1993 года, я сидела в аудитории пединститута, высоко, достаточно далеко от того места, где Алла Александровна читала стихи. Когда она начала читать, я отчётливо видела за её спиной Даниила Андреева. Это не вызвало у меня ни удивления, ни тем более страха. Это было естественно. <...>

После я подошла к Алле Александровне. И она надписала мне книгу:

*«Ларисе Реональдовне Патраковой –
Алла Андреева.*

Милая Лариса!

Да поможет Вам Господь наш Иисус Христос и Его Пресвятая Матерь на всем Вашем трудном жизненном пути, озарённом Вашим творчеством и светлой душой.

Алла. 12 февраля 1993 г. Вологда».

Эта надпись сделана ещё её привычным, летящим, четким почерком, который она, кстати сказать, когда-то сама выработала долгим и непростым трудом. Все остальные книги она подписывала, уже преодолевая слепоту...

Так всё началось.

*

Июнь 1999 года. Жаркий день. Лежим с Аллой Александровной под соснами на краю Черноголовки... Спрашиваю: «Вы мне рассказывали, что незадолго до смерти Даниил сказал: “Я почти всё успел здесь, только ослепнуть не успел”. И Вы сказали, что теперь слепнете за него».

И Алла Александровна спокойно отвечает: «Я Вам этого не говорила». У меня от невозможности такого ответа даже дыхание остановилось. «Как не говорили?! Я же не могла это придумать?!» Я почти без сознания... И она спокойно, медленно и членораздельно: «Я Вам этого не говорила. Это Вам Даниил рассказал».

И мне нечего возразить, и я успокаиваюсь. Действительно так.

*

Через несколько дней она мне предложила: «Можете называть меня Алисой...» Я поблагодарила. И вообще перестала её как-то называть. Мне трудно было перейти сразу на этот, другой уровень отношений. Она заметила и через два дня сказала со смехом: «Вы меня никак не называете...» И барьер был снят. <...>

*

1995 год. 30 апреля – 5 мая. Великие дни в Москве. На могиле Даниила Андреева сеяли с Алисой лён. Именно здесь подписала и подарила ей свою первую книгу «И завтра Спас». Пронизанность нездешним светом. <...>

*

К Алисе приходило много разного народа, особенно духовно ищущих... После она давала каждому безошибочную характеристику. И о многих говорила: «Заёмный свет». И я понимала, что она имела в виду. Это научило меня видеть этот заёмный свет в людях, если он был... <...>

1996

*

Почти 13 лет тесного общения. Последние пять лет, приезжая в Москву, я жила у неё, иногда подолгу. Дважды ездили летом в Черноголовку, в Пущино, в Крым (в Обсерваторию). Жила она у меня в Вологде, приезжала на защиту диссертации Анны Игнатьевой по «Железной мистерии» Даниила Андреева.

Последние годы её жизни подолгу пребывали в одном пространстве. Это позволяло видеть мне изнутри многие её состояния, о которых никто не догадывался.

Утром я входила в комнату: «Алисики!» – «Да, Ларисик... Доброе утро...» Обе спали голыми. Но у меня долго сохранялось чувство, что она меня видит, когда я в этом утреннем наряде вхожу в комнату... И Даниил всю жизнь спал только голым.

Алла Александровна подробно рассказала в своей книге о потребности Даниила ходить босиком даже в городе. А вот что говорил Леонид Андреев о своих путешествиях голышом: «Живёшь весь, а не только утомлёнными мозгами или выражением интеллигентного лица, весь дышишь, весь наливаешься горячим светом...»

*

Иногда войду, а она что-то ищет в кровати и приговаривает: «Ну, куда вы опять, шалуны, закатились?! Ах ты, проказник, спрятался. Вот ты где, хулиган!» Это она говорила камням, с которыми спала... Иногда один, иногда три... Сердолик, горный хрусталь, ещё что-то... Держала их в руке, перебирала прежде чем уснуть... А потом они терялись...

*

Были у нее разные утренние состояния... За два месяца до смерти Евгения Колобова, который был для неё духовно близким, дорогим человеком, перед тем как проснуться, ещё во сне она «в ужасе молилась» (её выражение)... Душа у неё была очень чуткая и яснознающая...

*

Алиса вспомнила, как Даниил рассказал утром сон и о своём трудном состоянии после этого сна. Она сказала в ответ: «Брось ты. Это спросонок». – «У меня что-то длинные эти просонки» – ответил Даниил.

*

Прихожу в Москве, а у неё Николай Браун из Петербурга, давний друг. Уже собирается уходить. Алла Алек-

сандровна знакомит нас и просит прочесть какое-то моё стихотворение – иначе что за знакомство?! Читаю. Он уходит. А она мне говорит: «Ну, Вы и ведьма!» И я всё понимаю, что она имеет в виду. А через несколько лет Алиса скажет, что я изменилась, что ушло то самое, ведьминское. Никуда не делось, а ушло на глубину. Просто внешне всё иначе, спокойнее. Я спросила: «Это хорошо или нет?» – «Хорошо».

*

Отношения у нас были глубокие, близкие, но иногда не безоблачные. Ей активно не нравился мой образ жизни, какие-то мои представления о том, какой она должна быть, моя жизнь. Иногда она очень напористо пыталась меня переубедить, иногда раздражалась и даже жаловалась на меня кому-нибудь из своих друзей. Я могла быть при этом на кухне и слышать, как она рассказывает по телефону что-то обо мне. В какие-то моменты трудно было остаться спокойной. Но я понимала, что в ней было страстное желание видеть меня счастливой, сытой, хорошо одетой...

Когда я приезжала из Вологды, она встречала в коридоре и тут же ощупывала: какая на мне шуба или пальто... Нищета моя ей не нравилась. А стихи мои нравились. Доходило до того, что приходилось напоминать о нищете Даниила и её собственной...

И у меня какие-то её проявления вызывали несогласие... Помню: лежу на её кровати в большой комнате. Алиса, как обычно, – свернувшись калачиком в углу дивана. Слушаем музыку (я почему-то должна была слушать музыку рядом с ней только лёжа). Звонок. Кто-то рассказывает ей о концерте в Обществе слепых. Музыканты играли, а слушатели выходили во время концерта. Алла Александровна такого отношения к музыкантам не могла вынести и долго очень резко ругалась в трубку. Я молчала. Но, очевидно, выразительно. Она повесила трубку и спрашивает: «Вам не понравилось?» – «Да, очень не понравилось». – «Ничего не могу поделать...»

Самое главное, что все такие моменты: несогласие во мнениях, споры – не оставляли раздражения, обиды, непонимания... Алла Александровна говорила мне: «У нас с Вами одна степень свободы, поэтому я могу жить с Вами рядом. Вы не подстраиваетесь под меня...» Это правда.

*

Поражало её глубинное служение Даниилу, его творчеству.

С детских лет хотелось ей знать приёмы восточной борьбы, быть солдатом, а потом мечтала служить рыцарю... Она и была солдатом, и рыцарю служила преданно, самоотверженно. Я спросила:

- Он Вас поменял?
- Он меня проявил.
- Что главным в нём было для Вас?
- Его творчество. Это **всё** заливало.

Это так... Она хваталась за каждого человека, который проявлял хотя бы малый интерес к творчеству Даниила Андреева. Иногда я почти в обморок падала – с кем она разговаривает?! Мне часто казалось вначале, что Алиса просто в людях не разбирается. И одновременно я понимала, что это не так... Позже стала ясна суть такого отношения.

Была ситуация, когда я резко настояла на своём присутствии при разговоре с одним визитёром ... И еле вынесла этот разговор. А она будто на что-то надеялась: вдруг он действительно сделает то, что обещает, и кто-то ещё узнает через него о творчестве Даниила Андреева... В результате он попросил денег взаймы.

Всё она понимала. И про всех. Но это страстное желание сделать творчество Даниила более доступным, необходимым в современной культуре перекрывало иногда всякий здравый смысл. Но её же слова: «Уйду я, и все почитатели, все, кто сегодня так горячо относится к творчеству Даниила, все, кто вокруг меня, постепенно разбегутся, и каждый начнёт самоутверждаться за счёт “Розы Мира”, на фоне “Розы Мира” и так далее...» Таков был смысл сказанного ею.

*

В шкафу, в коридоре, я нашла пластмассовых уточек, каких-то старинных, но трогательных. И Алла Александровна рассказала, когда Даниил узнал, как в 12–14 лет она по пятницам в ванной играла с уточками, он вышел куда-то и вернулся с этой уточкой и двумя утятами. Ей тогда было уже 40 лет. А он был смертельно болен.

*

Даниил смеялся своим низким голосом, приглушённо, как бы смущённо. Очень любил смешное.

*

Были у Даниила дикие головные боли. Иногда зубные.

*

Когда-то в благодарность за что-то его дядю (со стороны матери) заговорила цыганка. «Никогда не увидишь змея, и никогда змея не укусит». Так и было. И как-то странно это распространилось на Даниила: во всех своих лесных странствиях за всю жизнь ни разу не встретил змея. <...>

*

Приехали в Пушино. На другой день пошли к Оке. Я ещё дорогу хорошо не знаю. Высокий берег крутой, и какая-то бетонная плита брошена вниз... Алиса рвётся скорей туда, к воде. Ничего не разбирая, не видя, тянет меня на эту плиту... Еле удерживаю её и даже кричу (впервые!): «Тут я буду решать – пойдём мы сюда или нет!» Мне страшно. Я уже знаю её неустойчивость, пренебрежение опасностью, даже у слепой. Она готова ринуться с обрыва! Там, внизу, любимая Ока, вода – скорей плавать!.. И плавает она так же самозабвенно, хотя не видит, куда плывёт... А меня просит голос с берега подавать...

Эта её неустойчивость иногда очень напрягала... Те годы, когда с ней, уже слепой, ходила под руку, оставили отпечаток в напряжённых мышцах шеи до сих пор. Всегда чувствовала ответственность, был даже страх иногда...

И тут почти силой пришлось не пустить её вниз, к Оке, и искать другой спуск. Тогда она мне и рассказала, что ребёнком, в Москве, она придумала такую игру: ложиться на дорогу и успеть вскочить прямо перед автомобилем или лошастью. И при этом в молодости была застенчива до болезненности... Она пишет об этом в своей книге: «А лагерь научил. Арест уничтожил, раздавил. Как кошку переехал автомобиль».

Тут много всего сплелось. Она рассказывала мне об особенностях, о своеобразных чертах материнского рода, о женщинах этого рода, о том, что и в себе знала некоторые эти особенности...

Посмотрела я свои записи об этом и поняла, что правильно будет не расшифровывать их... Я много записывала после разговоров с ней.

Вот запись 2003 года. Странная моя весна, июнь в Москве с Алисой и лето с ней в Крыму. Она меня буквально «накачивала» сведениями о Данииле и в некоторых случаях говорила: «Этого никто не должен знать». Мне становилось всё тяжелее... И однажды я спросила: «Алиса, а что я буду потом со всем этим делать?» Она промолчала. Я потом годы раздумывала. И после того, как в Интернете прочла оголтелый бред по поводу дневников М. Цветаевой, всё стало ясно...

Никакая биография того же Даниила Андреева не расскажет о нём больше и глубже, чем его стихи, его творчество.

В ранней молодости поверх плаща Света, который был его природой, был накинута, как бы насильственно, плащ Тьмы. И пришлось отрабатывать... Но всё есть в его творчестве для тех, кому именно это важно.

Очень жаль, что мало известно о Коваленском, муже двоюродной сестры Даниила. Пропало всё, что он написал. Чем-то они были глубоко и необъяснимо связаны...

И попутно о другом... Как-то Коваленские решили помянуть в церкви всех, кто был дорог и почитаем. Александра спрашивает у Даниила: «Как написать Шарля Бодлера?» Даниил отвечает: «Шарик...» Она обиделась.

*

4 июня 1958 года Даниил и Алла обвенчались. Она рассказала об этом в своей книге. Что-то я повторю, наверное...

Даниил подарил ей в этот день сари – белое, с желтым золотом. А через четыре дня они поплыли в путешествие по Оке и Волге.

Вчера, 17 марта 2003 года, у Галины и Василия Яцкиных смотрели мы с ней эти кадры: они на корабле, среди людей, за столом... И оба – более живые, чем все остальные на корабле. Хотя они единственные, кто только что из тюрьмы и лагеря...

Когда Даниил умер, Алиса разрешила сари и половиной накрыла его в гробу. Вторую – оставила для себя. Но, когда умер отец, накрыла его.

*

В конце жизни Аллу Александровну, воспользовавшись её слепотой, лишили прав на издание книг Даниила. История была настолько чудовищная и ударила по ней очень сильно. «Я своими руками отдала неизвестно кому то, что всю жизнь хранила как святыню!..»

Но, как всегда, не унынию стала она предаваться – начала бороться. Были суды. Часто унижительные и бессмысленные. Один из судов постановил пройти вдове Даниила Андреева психиатрическую экспертизу в Институте судебной психиатрии имени В.П. Сербского. Я была в это время в Москве. Алисе 87 лет. 17 декабря Алла Александровна собирается на экспертизу. За ней заезжает её адвокат. Алиса надевает свой светло-сиреневый костюм, очень элегантный. К слову, выглядела она элегантно всегда и во всём. Провожаяю. Спрашиваю: «Когда ждать?» – «Часа через три», – говорит адвокат.

Жду. Молось. Переживаю. Проходит три часа, четыре, пять... Появились они часов через шесть-семь. Остаёмся вдвоём. Она ни-ка-ка-я... Но зовёт меня: «Идите, я Вам расскажу, пока всё так живо...»

И рассказала, как несколько часов длился «допрос у Сербского», через какие тесты пришлось пройти. Рисовать – «Нарисуйте, как Вы себе представляете понятие “дружба”». И через два часа: «Вы помните, как Вы нарисовали понятие “дружба”, нарисуйте опять». И это – слепому человеку. Пять часов из одной комнаты в другую, десятки неожиданных, изощрённых вопросов, постоянное напряжение. Ей 87 лет! Когда это закончилось, её посадили перед большой комиссией. «Алла Александровна! Мы потрясены! Более вменяемого, здорового человека мы никогда не видели в этих стенах. Скажите, что Вам написать в заключении. Чем мы можем Вам помочь?» – «Да наплевать на меня! – ответила Алиса. – Помогите великому русскому поэту Даниилу Андрееву!»

Суды она выиграла, но какой ценой!.. Уже незадолго до смерти ей вернули права на издание произведений Даниила Андреева. И только через год после этого – на издание «Розы Мира».

После этого рассказа (более подробного, чем я тут привожу) она заболела. Видела я, как ей плохо. И утром сидела в уголке дивана, поджав ноги, укрывшись шалью, и больно было смотреть на неё. К обеду позвонил один знакомый: «Я здесь недалеко от вас, в Кремле. Получил орден “За заслуги перед Отечеством”. Можно зайти и с вами отметить это событие?» «Нет, конечно», – подумала я, но ему сказала: «Спрошу у Аллы Александровны». «Пусть приходит», – без раздумий согласилась она. Я уже знала её неплохо, но опять она меня поразила... Виктор Дмитриевич пришёл с коньяком, с вкусностями. И мы долго сидели втрём на кухне. И пили коньяк, и разговаривали... И никогда и никто бы не догадался, что Алисе плохо...

«Меня часто называют кокеткой или как-то иначе, когда видят, как я сижу, опираясь на руку (она показывает этот жест). Они понятия не имеют, что последние 45 лет у меня нестерпимо болит шея. Но я не могу сидеть, скрючившись, согнувшись – я не могу этого показать! Поэтому я сижу так». И она царственным жестом облокотилась о стол.

...И это всё были уроки мне, уроки, уроки...

*

<...> Были и такие разговоры: «Если бы я не видела, как Вы беспомощны в отношении собственного творчества, я бы оставила Вам права на издание книг Даниила. (Мучило это её очень.) А так придётся оставить всё Андрею (брату сводному), у которого к творчеству Даниила нет никакого интереса». И оставила всё Андрею. К слову сказать, мы с ним родились в один день, в один год и, как один раз выяснили, чуть ли не в один час...

*

Ночью, днём подхожу к дверям её комнаты и слышу: бормочет что-то. И знаю – стихи Даниила. Учила с магнитофона, с чужого голоса: просила записывать всех. Учила много, день и ночь. И ещё старые повторяла, чтобы не забыть. Знала стихов Даниила множество. И читала их замечательно, пытаюсь подспудно передать манеру его чтения... Кто слышал это чтение на выступлениях – не забудет никогда. И со свойственной ей резкостью в оценках, говорила: «В России только два человека умеют читать стихи – это Вы и я!»

Тех, кто обязательно захочет обвинить меня в нескромности, приглашаю на свой концерт... Кто слышал – те просят обязательно записать диск. И я их понимаю...

*

После ухода Алисы я на своих вечерах иногда читаю маленькую программу – шесть стихотворений Даниила, посвящённых ей. И всегда говорят, что читаю иначе, чем свои стихи, и, естественно, иначе, чем Алиса.

*

Летом 1999 года, в Черноголовке, Алиса утром сказала: «Ночью я записала для Вас на магнитофон стихи Даниила. Но боялась Вас разбудить, поэтому читала очень тихо». Я поблагодарила. Включила, послушала два стихотворения – действительно тихо. И отложила плёнку.

Прошли годы. Года через три после её ухода я наткнулась на эту плёнку. Стала слушать. Её голос... Это ведь для

меня специально она записывала! И вдруг, в самом конце, её обращение ко мне: «Дорогая Ларисонька...» И дальше то, как она видит мою жизнь, чего она ждёт, чего хочет для меня. Всё это предельно сердечно, глубоко, проникновенно и провидчески...

У меня было потрясение: то, что я не стала слушать в 1999 году, звучало сейчас как весть оттуда, из той другой жизни, куда она ушла... Алиса говорила со мной из Вечности... А я плакала здесь, на земле. Плакала, благодарила, просила прощения...

*

Звонит мне моя знакомая Маша. Алиса в углу дивана. Естественно, слышит этот разговор. Я кладу трубку.

– Что там?

– Да трудно всё у Маши – одно, другое...

– А она видит?

– Что? – не понимаю я.

– Ну, она же не слепая, зрячая?

– Да, конечно.

– Тогда какие у неё трудности? – искренне не понимает Алиса...

*

Много раз я приезжала в Москву, к ней в дом. И всегда с котомками (по-другому не скажешь) – одних рукописей 5–6 килограмм. Трудно давалось – возить их за собой повсюду, всегда бояться потерять, утратить. Компьютера, конечно не было. Да и ничего не было... Алла Александровна переживала и каждый раз предлагала: «Оставьте у меня, в комнате, где рукописи Даниила. Можете в сейф положить». Действительно, был маленький сейф. Спала я в этой комнате на кресле-кровати, а в головах на полке лежали рукописи Даниила, Евгения Белоусова, фотографии...

Я искренне благодарила за честь. И так же искренне (про себя) боялась: оставлю, а вдруг что случится, мало ли... И опять увозила с собой эти килограммы стихов...

*

Подарила мне Алла Александровна часы Даниила. Они есть на некоторых его фотографиях. Одну историю с ними я рассказала в этой книге. Подарила она мне три свои работы: живопись и графику. Выбирала я сама. Подарила платье своей матери и сказала: «Ларик! Вот для Вас навсегда определённый размер: влезаете – значит, всё в порядке». Она была намного выше меня, но остальные параметры у нас совпадали. Поэтому я отдала ей свой льняной костюм, и она в нём иногда выступала, а мне подарила своё платье, купленное в Англии. В нём она впервые читала стихи перед дверью Владимирской тюрьмы, где 10 лет провёл Даниил.

Пока не ослепла, шила иногда сама себе – легко, без выкроек, элегантно... Подарила мне фиолетовую блузу, которую сшила когда-то для себя, без машинки. Я в ней однажды выступала.

Есть у меня и её фотографии. Часть пропала. Кто-то не удержался, очевидно, и позаимствовал, но две пропали по моей небрежности... <...>

*

29 апреля и в ночь на 30 апреля 2005 года у меня было очень смятенное, непонятное состояние. Ночью я проснулась – чей-то голос позвал: «Лариса...» – «Кажется, Алиса... Надо позвонить!...» Вся Страстная суббота 30 апреля была ужасна: ничего не могла делать, не находила места. Связывала своё состояние с событиями Страстной субботы. Днём по радио была передача о благодатном огне в Иерусалиме. Слушала внимательно, напряжённо.

И вдруг, неожиданно для себя, начала молиться, звать, почти требовать: «Господи! Покажи мне сейчас огонь! Умоляю: покажи огонь! Мне нужно, важно – покажи огонь!» И потом опомнилась, испугалась: что я прошу?! Ведь сейчас всё загорится!.. Еле успокоилась. В 21.30 услышала через дверь у соседей телефонный звонок (у меня телефона не было). И кинулась к ним, как безумная. Звонила из Москвы Таня Синицына. Она мне всё и сказала...

В ночь на 30 апреля в своей квартире в Москве сгорела Алла Александровна Андреева...

*

Как я вернулась домой, как плыла в каком-то чёрном замедленном кадре... Меня не было. Дальше все действия не зависели от меня. Сразу взяла с полки книгу Даниила, открыла «Навну» и вслух, стоя, прочитала, в книгу не глядя, как будто знала наизусть...

Потом открыла Евангелие и спросила: «Как? Почему?!» И был ответ: «Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу...»

*

После такого ухода Алисы внутри поселился жуткий крик: а-а-а-а... И этот крик стоял несколько месяцев, а потом – и лет, хотя и поутих немного...

На отпевании в Москве, в храме при Боткинской больнице, я умудрилась положить в гроб, под мешок, в котором лежала она, фотографию пляшущего Ангела из какого-то европейского собора (половинка сари ей оказалась не нужна – всё было известно заранее): «Даю тебе Ангела в дорогу, очень весёлого. С ним не заблудишься».

Через полгода по телевидению показывали фильм. Кажется, он назывался «Даниил и Алла». Сначала не хотела смотреть – боли боялась. Но потом решилась. Смотрели с соседкой...

Начинался он с кадров отпевания Аллы Александровны. Камера медленно плыла по лицам и очень часто останавливалась на лице женщины, скорбь которой была безмерной и пугала даже меня... Когда её показали в очередной раз, я спросила вслух: «Кто же это? Я её не знаю, не помню». – «Это же Вы», – сказала соседка Татьяна Михайловна. Ужасу моему не было предела – а-а-а-а...

*

В Москве ночью на 3 мая 2005 года (день отпевания) не могла долго уснуть. Молилась, просила Алису прийти и

объяснить, что произошло, как это случилось. Очень просила. Под утро она приснилась: учила меня делать бумажный абажур из обложки моей книги... К слову, в её комнате было два бумажных абажура. Я помню, когда и кто ей их подарил... Но это действительно – к слову... А пути всегда неисповедимы...

*

Мой последний подарок ей здесь, на земле...

Я приехала зимой 2005 года. В феврале собирались отмечать девяностолетие. «Что подарить, Алиса? Хочется – что-то настоящее, нужное. Подскажите». – «Ларик, самым большим подарком будет, если Вы прочтёте мне мои письма Даниилу из лагеря. Их много. И за десятилетия они уже, наверное, полустёрлись».

И вот каждый день я садилась в кресло, спиной к окну, за которым видны купола Кремля, зажигала настольную лампу, а она сворачивалась калачиком в своём уголке на диване, и я читала...

Некоторые места действительно разбирала с трудом, и Алиса подсказывала, комментировала, иногда рассказывала...

Это было не просто чтение: мы обе проживали опять ту жизнь. И как проживали!!! Не помню, сколько дней длилось это чтение. Пропускали редко, только когда были неотложные дела надолго вне дома...

Февраль перевалил за середину. За окном темно... Последнее письмо... Сидим молча. «Спасибо, Ларик, это – лучшее, что можно было подарить». – «Спасибо, Алиса. Это подарок для меня на всю жизнь...»

24 февраля, накануне юбилея, я решила уехать. У меня было своё состояние: не хотелось толпы, шума, праздника. Она провожала, как всегда, стоя в коридоре под иконой Святителя Николая, сложив руки у лица. Обнялись. Какие-то слова о будущем, о встрече... И что-то пронзительное было в этом прощании и более грустное, чем всегда, – а-а-а-а...

*

Жизнь потекла с этим криком внутри и с какой-то новой, необычной ответственностью перед НИМИ.

*

Звёздное небо. С тоской позвала: «Ну, где ты, Алиса?» Легла, уснула. И во сне она пришла. Молодая. «Ты жива?» – «Жива». И я уткнулась ей в колени и так плакала, и просила прощения.

*

Прошло два года. Открыла «Навну» – учить. Была подсознательная надежда, что я её уже знаю наизусть... Ведь тогда, 30 апреля, – в состоянии шока – читала наизусть. Но оказалось, что ни одного слова я не знаю. Начала учить.

Запись того времени: «Пока учу “Навну”, целую жизнь прожила с Россией, со своей собственной душой! О, сколько слёз!»

*

Сегодня, 9 января 2008 года, дочила «Навну». Плакала. И понимаю теперь, почему плакал Даниил. И сам не мог читать. Связь моя с ними. Благодарил всех: Ангела, Даниила, Алису, Навну.

*

Даниил Андреев пишет:

«Кто она, Навна? То, что объединяет русских в единую нацию; то, что зовёт и тянет отдельные русские души ввысь и ввысь; то, что оевало искусство России неповторимым благоуханием; то, что надстоит над чистейшими и высочайшими образами русских сказаний, литературы, музыки; то, что рождает в русских душах тоску о высоком...»

*

«Навну» я читала на публике один раз – в Черноголовке, где и Алиса, и я много раз выступали. Зал был неболь-

шой... Слушатели там всегда замечательные – глубокие, ищущие, образованные. Читать было трудно. Ощущала, как нездешние ритмы и смыслы этого фантастически прекрасного, провидческого текста трудны для восприятия... В людях шла почти ощущаемая мной работа – пропустить эти смыслы в себя.

И ещё раз я читала «Навну», но уже легко, крылато, радостно. Было это на Новодевичьем кладбище, на могиле Даниила и Алисы. Да и кроме них, публика там была удивительная и бесконечно благодарная... Народу было немало...

Читала я громко, на голос собрались и многочисленные посетители, которые бродили в этот весенний день среди памятников.

*

С грустью приходилось читать иногда в интервью, публикациях о том, что для кого-то Алла Александровна была названной матерью, для кого-то ещё кем-то... Это имело отношение только к тем, кто это говорил, но не к Алле Александровне. Да и не было на земле такого человека, женщины – Аллы Александровны Андреевой.

Вслед великому рыцарю, космическому страннику, одному из немногих, кто изнутри понимал неиссякаемую природу Вселенского зла, на Землю был прислан ещё один рыцарь, которому дано было в облике женщины пройти над многими безднами и пронести на своих плечах часть непосильной ноши своего Великого Друга-Рыцаря.

Когда-то она сама попросила: служить рыцарю.

Её услышали. Омыли светом и музыкой: «Пойдёшь учеником к великому рыцарю, подмастерьем. И не предашь. И живой пройдёшь сквозь огонь, чтобы уже навсегда встретиться с ним и стать Рыцарем Света...»

*

В эпицентре великой борьбы света и тьмы нет жертв и победителей... Здесь стоят рыцари, у которых нет права на победу и нет права на поражение. У них есть задача: ценой земной жизни продлить луч света в глубины тьмы, в самую бездну...

Она всё это знала. Чем дольше я была с ней, тем отчётливее проступала в ней нездешняя Рыцарская природа, звёздная суть. Я говорю серьёзно: Алла Александровна Андреева не была человеком, в нашем привычном представлении. Всё человеческое было накинута сверху, как мантия, не прорастая вглубь, корнями...

Особенно, когда она плавала, будучи уже слепой, а я сидела на берегу и смотрела на её голову в воде. Голова медленно поворачивалась, и всегда был виден только один глаз, закрытый веком... Ничего человеческого, женского не было в ней в этот момент. Это была голова странной диковинной птицы с одним зрачком... Мне было не по себе.

И то же я чувствовала, когда слушала рядом с ней музыку. Музыка была для неё самым надёжным транспортным средством: в ней она перемещалась в неведомые пространства и миры. Музыка доставляла и необходимые знания, подсказки... Иногда я просто боялась смотреть на её лицо в эти мгновения...

Где она сейчас несёт службу, в каких мирах сияет несказанным светом – могу только смутно чувствовать... Но в одном уверена: не ошибаюсь я, когда вижу в этой женщине Рыцаря...

Привожу и свой текст, написанный сразу после её ухода с Земли, и своё стихотворение. Всё это там есть.

Рыцарь - женщина – Алла Андреева

Я знаю Рыцаря-женщину. У неё прямая, негибаемая спина, большие сильные руки, на её прекрасном лице голубые, давно невидящие глаза...

Идёт она легко, быстро – почти бежит, не касаясь земли. И огнедышащее время все девяносто лет её земной жизни пытается опалить её белую рыцарскую мантию.

Она служит великому Поэту, и так же, как у него, в её сердце безупречная любовь ко Христу и к России. Но чтобы свершилось всё до конца, чтобы помочь Навне и Яросвету, помочь всем нам и уже никогда не разлучаться с Поэтом – Рыцарю-женщине надо было перейти огненную реку.

И шагнула она в огненный поток у меня на глазах, и содрогнулась душа моя, и возопила к Богу: «Зачем так,

Господи?!» И был мне ответ через апостола Марка: «Позвав учеников своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу...»

А через несколько мгновений грянул хор: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущем во гробех живот даровав...» И каждое слово открывалось своим глубинным прямым смыслом...

Душа её, омытая огнём, ликовала с сонмом ангелов, и только мой ангел плакал, уронив голову мне в колени...

Ночь с 6 на 7 мая 2005 г. Поезд «Москва–Воркута»

* * *

Алле Андреевой

И женщина – с лицом звезды летящей –
Мне наливала старое вино...
Я, всем ветрам распахнутая настежь,
Примерила её дорожный плащик,
И в музыке, нахлынувшей, как счастье,
Ту женщину, с лицом звезды летящей,
Любить и слышать было мне дано...

*

Иногда рассказывала что-то о ней на своих вечерах, читала стихи Даниила... Но тогда это была робкая попытка преодолеть мою личную трагедию. Сейчас – иначе...

*

Рассказываю про Алису девочке Ладе (десять лет). Показываю фотографию: «Какой она тебе кажется?» – «Скромная и добрая». – «А ещё что? Чем она отличается от других?» – «Другие старушки похожи на увядшую траву, а она хоть и старушка, но роза».

*

Эти строки я пишу в Крыму, в посёлке Научный, в Обсерватории, куда меня десять лет назад привезла Алиса: «Ларик, мне рассказали о замечательном месте в Крыму,

в горах. Мы с вами обязательно поедem туда. Я буду смотреть на всё вашими глазами, но почувствовать смогу...» И мы поехали.

И я была её глазами в то лето особенно. И много было чудес – «Реквием» Моцарта в сороковой день смерти Евгения Колобова. И её состояние в этот день... Поэтому и была такая глубокая любовь к Колобову: необыкновенный музыкант вместе с Моцартом, Бетховеном, Чайковским и приводил для неё караваны с бесценным грузом, которые поддерживали её здесь...

Десять лет назад была благодарность, которая сегодня кажется бледной, немощной, больше похожей на тень моей человеческой гордыни... Сегодня я погружена всем своим существом в великую благодарность этим Рыцарям, с которыми мне удалось соприкоснуться здесь, на Земле, и услышать, и разглядеть, и почувствовать их настоящую природу, несмотря ни на что...

Много лет назад я видела, как они бегут в небе навстречу друг другу... Она и на земле в детстве и юности так бегала: широким, летящим, лёгким шагом. «Как жеребёнок», – говорила она...

И сейчас вижу, как легко, молодо они бегут уже рядом...

А за ними, то отставая, то настигая их, бежит и мой пляшущий Ангел... И смеётся...

24 июля 2013

Алексей ПИЩУЛИН

Алла

В Страстную Пятницу, ночью, когда Спаситель мира совершал Своё сошествие во ад, в собственной квартире (этажом выше моей) сгорела заживо девяностолетняя Алла Александровна Андреева.

Я сидел за компьютером, когда услышал нарастающую переключку испуганных криков за дверью, и почти сразу же паника просочилась внутрь, и нас погнали на улицу. Пока мы торопливо спускались по лестнице – лифт не работал, – погас свет. Я держал в руках портфель с документами и кассету с законченным накануне фильмом, а сын почему-то был босиком и рвался помочь, хотя той, о ком мы были обязаны думать в первую очередь, помочь было уже невозможно. И потому, стоя на улице в кучке испуганных и нелепо одетых людей, «погорельцев», и, безучастно глядя на дождь стеклянных осколков, летевших из выбиваемых пожарными окон, – как раз над моими, – я пытался проникнуться мыслью, что Аллы больше нет. В наших многолетних отношениях это было что-то новое!

Языки копоти над тёмными окнами на светлом кирпиче наших стен очень напоминали вид Белого дома после обстрела. В распахнутые двери подъезда уползали толстые змеи пожарных рукавов, вода сочилась вниз по ступеням, как кровь, под толстыми подошвами деловито работавших людей отвратительно скрипели стёкла. Рядом, дожидаясь своей очереди, праздно стояли представители милиции.

Им казалось, что происшествие – по их части. Но они ошибались. Позже Наталья Солженицына определила случившееся гораздо точнее: «...это что-то из жизни Фениксов».

Совершенно не помню, как и когда произошло наше с Аллой сближение. И это, конечно, не случайно: она как будто присутствовала в моей жизни всегда.

Но, очевидно, были доисторические времена, когда я извне наблюдал её стремительную походку, птичье подёргивание головой, какое-то весёлое хулиганство, которым были наполнены самые невинные её действия, самые дружелюбные слова. Но уже в следующий момент памяти – я привычно и прочно сижу на маленькой табуретке её кухни и спрашиваю, спрашиваю о том, о чём больше некого было и спросить: о Москве 30-х, о репрессиях 40-х, о лагерях, смерти Сталина, о Боге и Церкви, о загадочном Данииле Андрееве и его тайной Розе, которую почему-то лучше вслух не упоминать. Благодаря случайной – ой, случайной ли? – милости судьбы, географическому соседству, смежности наших балконов я получил возможность подержать в руках автографы Даниила, а некоторые из его стихов выучил наизусть по подлинникам, которым место в Пушкинском Доме... Но – пусть не обижаются Данииловы фанаты – Алла интересовала меня ничуть не меньше, чем её легендарный эзотерический муж.

«Она сидела» – первое, что я о ней услышал. В 80-е годы этот факт биографии если не приобрёл ещё окончательный героический ореол, то, по крайней мере, вызывал всеобщее сочувствие. Но, даже завязав знакомство, расспрашивать А.А. о лагере я долгое время не решался, ожидая, чтобы она сама заговорила об этом, когда сочтёт нужным. Тюремная тема входила в наше общение постепенно. Но с самого начала в том, как Алла вспоминала о своём расстрельном обвинении, следствии и заключении, было существенное отличие от всего, что мне приходилось читать в подпольном самиздате – в журнале «Посев», знаменитых «Хрониках» и прочих источниках моих тогдашних антисоветских познаний. Чем страшнее было то, о чём она рассказывала, тем веселее она об этом говорила, тем легкомысленнее держалась, так что никаких диссидентских

подвываний за все годы нашего знакомства я так ни разу и не услышал. Уже позже я узнал от неё, что в день смерти Даниила каждый год она по его просьбе надевает праздничное белое платье. В такое же белое платье была одета и её память о прошлом. И происходило это не по неспособности глубоко чувствовать или переживать трагедию своего народа, а от совершенно детского, благодарного доверия к Богу, и в преисподней не снимавшего Своей ладони с её худого плеча.

В мордовском лагере, где она отбывала срок, её компанию составляли уроженки «освобождённых» земель Западной Украины, жертвы социальной зачистки новоприобретённых территорий СССР. Почему-то они переименовали её в «Галу», произнося первую букву на всем известный мягкий горловой лад. Так вот, однажды Алла увидела, что её соседка по бараку стоит где-то на задворках зоны с поднятым к небу, совершенно сияющим лицом. Заметив Аллу, та в восторге проговорила:

– Ой, Галю, какие же мы счастливые! Ведь нам довелось спастись в тех местах, где потрудился преподобный Серафим!

С тем же чувством радостной благодарности за выпавшую ей страдательную русскую долю и шагнула Алла Александровна из заключения на вполне условную волю.

Она стала в моей жизни первым и ярчайшим доказательством того, что вернувшиеся из ада Божьи люди – веселы, светоносны и свободны от уныния. Не могу сказать, таковы ли мученики социализма, угодившие на жернова советской власти за желание улучшить ленинизм или защищать право на эмиграцию... Но за Аллиным столом царил бодрый и солнечный дух победы. Тут не плакали, а смеялись, не проклинали, а пели и читали стихи. Допущенный в их круг, я подпевал лагерному барду, измолоченному во время следствия, истощённому лагерями, но при этом молодцеватому и острому на язык. Я внимал ассирийскому патриарху и мудрецу, одно воспоминание о котором даже сейчас вызывает у меня счастливую улыбку... А главное, я восхищённо смотрел на Аллу, восхищённо смотревшую на своих прекрасных друзей, и поражался буквальному

осуществлению слов Иова Многострадального: «Испытай меня! Выйду, как золото...»

Из её квартиры на нашу прокуренную лестницу, на мой неухоженный дом, на моих ершистых сверстников распространялся весенний свет, какая-то безмятежная «юность мира», о которой упоминал Д. Андреев. И хотя Алла была подлинной, несомненной, истовой православной христианкой, она казалась по совместительству ветреной лесной феей с венком из цветов на растрёпанной голове... Кстати: в соседстве с ней любое зелёное существо начинало ликовать, буйно расти и плодоносить; её подоконники буквально «ломались» от цветов, чьими отросточками и отпрысками она без конца со всеми делилась. Но вегетативное буйство, почти непотребное, от этого лишь усугублялось.

Она мне рассказывала как-то, что, в очередной раз переезжая с одной чужой квартиры на другую – разумеется, на трамвае! – она за первую езду перевезла все свои нехитрые пожитки, а затем вернулась за любимой фиалкой, чтобы везти её, как королеву, в двух руках. Но ревнивый и чувствительный цветок, напоминавший по характеру Розу из «Маленького принца», завял за те полчаса, что она отсутствовала, и даже высох, как невозможно высохнуть за столь малое время, умер! «Она подумала, что я её бросила!» – с непреходящим отчаянием говорила мне Алла. И я верил этому безусловно, без тени сомнения допуская, что с цветами и ветками у неё сложные личностные отношения, в которых есть место чуду, привязанности и горю любящего существа.

В наших с ней отношениях я тоже был опекаемым растением, только вот мне недоставало растительного простодушия. В противовес подростковому неопитским умствованиям, о которых теперь стыдно вспоминать, Алла показывала мне пример религиозной естественности – веры без рассуждений, любви без оговорок, надежды, которую нельзя смутить. Она, конечно, была экзальтированной, но в её экзальтации было столько самоиронии, столько щедрости и душевного здоровья, что казалось: так радоваться чуду жизни возможно лишь в райском саду.

Она стала моей, так сказать, «названной родственницей», непременным участником каждого студенческого застолья, и я не могу припомнить ни одного важного события в моей жизни, к которому она не приложила бы деятельную руку. Каждый год она обязательно приносила в мой дом из нашего храма «четверговый огонь». А когда родился мой сын, именно Алла – вместе с моей матерью – среди ночи повезла в роддом еду моей проголодавшейся после родов жене.

Крестили сына тоже в её квартире – даже не вспомню, почему не дома, этажом ниже. Таинству сопутствовало явное бесовское нападение: за полчаса до прихода о. Георгия во всём доме выключили воду – и холодную, и горячую! Так что конспиративную купель, обязанности которой мы вынужденно доверили большому тазу, наполняли водой из чайников – нашего, Аллиного, соседских...

Возможно, я попросился к ней потому, что признавал особый статус её личного пространства – освящённый её душой, её заразительной и пылкой верой, которой я стремился подражать... Это была моя часовня, даром что хозяйка-смотрительница в ней к тому же проживала, принимала гостей, накрывала стол, смотрела чужие и показывала свои рисунки, акварели, иллюстрации...

Двадцать пять лет, целую четверть века, над моей головой, за ничтожной бетонной перегородкой, находился вход в Иной Мир, о котором свидетельствуют суеверные кельты, поздние герои наших с ней – последних на земле – бесед!

Она так живо интересовалась всем!.. Этого свойства глубокой души не оценишь, пока не столкнёшься с мутным взглядом поколения, живущего под гипнозом собственной пустоты. Самообразованиец, я восторженно делился с ней тем, что удавалось накопать в случайных местах, заполняя зияющую пропасть умышленного советского невежества. И не припомню случая, чтобы мой рассказ на любую тему – прочитанная книга или увиденный фильм, поездка в Белозерск, анекдот, новая гипотеза происхождения мифа о короле Артуре – не нашёл бы в её лице слушателя, не просто заинтересованного, но готового разделить энтузи-

зм рассказчика, и даже эмоционально его обогнать! Она, как увеличительное стекло, изменяла масштаб того, чем ты с нею делился, делала малоинтересное – увлекательным, а просто интересное – захватывающим.

В том, что мы всегда общались как будто на равных – заслуга её, только её. Она умела быть молодой. Я появился на свет на сорок пять лет позже; наш житейский опыт почти не имел точек пересечения, словно мы прожили наши годы в разных странах... собственно, так оно и было! Но та Россия, которая, по свидетельству её мужа, находится в небе, а не на земле, эта Россия была для нас общей родиной, общей заботой, и, чувствуя её в себе – каждый по-своему, но с несомненностью физического переживания, – мы, даже не сверяя часов, не произнося магического символа нашей веры, принимали наше кровное родство как данность и дар.

И, как это часто бывает в семье у младших в отношении старших, я переоценивал постоянство её присутствия рядом, её героическое сопротивление старости и болезни, её сказочное долголетие, всё-то думая успеть и откладывая, откладывая общение ради навязчивых обыденных дел. Но грянувший драматический, огненный уход спалил глупые повседневные заботы, а оставил только несгораемые закопчённые гири несделанного, несказанного, неспрошенного... Простите меня, дорогая моя Алла Алексанна, что так и не собрался почитать Вам вслух, как обещал, что так и не снял на видеокамеру Ваши воспоминания о детстве и старой Москве, о которой мне теперь уже никто не расскажет... Знаю, что простите, что уже простили; что поминаете меня в своём невечернем свете. И моя вера в Ваше счастлирое бессмертие выкована из того же прочного материала, что и моя надежда на главное прощение – от нашего с Вами Царя и Бога, Имеющего Власть Прощать.

21 апреля 2009

Евгений ПОТУПОВ

**О моём Авиценне
оборвавшийся труд сохрани...**

До сих пор не покидает ощущение: она жива. Прохожу по Тверской и, не дойдя метров сто пятьдесят до Центрального телеграфа, ловлю себя на мысли: свернуть в Брюсов переулок? Роскошная арка монументального здания в «ожерелье» из гранита... Где-то на нём (или в доме по соседству?) барельеф с изображением К. Чуковского... Отсюда несколько минут ходьбы до знакомого подъезда и двери с кодовым замком. Пока набирается заковыристый шифр в тамбур и кабина лифта, погромыхивая, устремляется вверх, хозяйка квартиры уже улыбчиво поджидает своего гостя на пороге...

Сколько было таких встреч?

...Перелистываю том «Железной мистерии». Внутри его, как и в других книгах Даниила Андреева, старые вырезки из газет, фотографии, программки... На страничке, предваряющей титульный лист, – автограф, сотворённый ровным летящим почерком:

*Жене Потупову
В день 85-летия
Даниила Андреева –
Алла Андреева
2 ноября 1991
Трубчевск*

Здесь же квитанция за ночлег в гостинице «Неруса» и скромное приглашение от имени клуба книголюбов «Боян» на вечер «Трубчевский след опального поэта».

На лицевой стороне – нечёткий фотоснимок, позаимствованный из книги «Русские боги».

«Вечер состоится 2 ноября 1991 г. в 12 час. в центральной библиотеке». Звучит странновато: вечер, который пройдёт... в полдень. Впрочем, ухо привыкает и не к таким перлам.

«Встреча с женой и другом репрессированного литератора А.А. Андреевой, рассказ о жизни и творчестве Даниила Андреева, знакомство со стихами поэта, воспоминания о Д. Андрееве трубчан Левенков» – это из программы встречи.

«Трубчан Левенков» представлял Анатолий Протасьевич – из некогда «многочадной» семьи своего отца Протасия Пантелеевича, с которой был дружен молодой Даниил Андреев. Живой, словоохотливый, чутко реагирующий на юмор, преуспевший в искусстве рисования, много помнящий из жизни довоенного Трубчевска, А.П. Левенков именовал себя более чем скромно – «провинциальным дилетантом».

В прохладном гостиничном номере Аллы Александровны, сдвигая наши стаканы и перебивая друг друга, мы – москвич Борис Чуков, трубчане Степан Кузькин и Владимир Маслов, брянцы Владислав Пасин и автор этих строк – неумолчно говорили о босоногом страннике, его прозрениях и открытиях. И о том, как повезло Трубчевскому краю, что поэт запечатлел его «просторы богатырские», душою проникнув в глубины глубин истории «седой земли», ставшей для него родной и близкой.

Тот далёкий уже день памятен ещё и потому, что на оборотной стороне, так нравившейся мне фотографии, где известный московский фотограф Паоло Свищов запечатлел вдохновенный лик юной Алочки Бружес, «повзрослевшая» на шесть десятилетий, но так и не утратившая природного обаяния и красоты муза поэта (я сравнивал её с Беатриче) написала:

*Жене Потупову –
Алла Андреева
(Небеатриче).*

На память о праздновании дня рождения Даниила Андреева в Трубчевске.

И та же дата в самом низу: *2 ноября 1991*

В конце книги – адрес-«виза» в дом, выданная-выписанная всё той же тонкой и до поры сильной рукой: *Москва 103009 ул. Неждановой 4 кв. 59. 229-87-51.*

Улице, названной в честь знаменитой русской певицы, вернут её исконное название позднее... Летом 1992 года в тёплом и уютном доме Аллы Александровны, из окон которого виднелись башни Кремля, получу своеобразное благословение на странствие по Вологодчине. Рассказывала, в какой из дней (только раз в году) можно увидеть фрески Дионисия в расписанном им Ферапонтовом монастыре. Долгое время обитель из-за сложных реставрационных работ была закрыта для посещения. Но имя вдовы автора «Розы Мира» нередко звучало как пароль...

Так было и в 93-м в Музее-квартире А. Блока на Пряжке, где я, никем не понукаемый, несколько часов знакомился с уникальными экспонатами, а потом был допущен в комнату-библиотеку известного блоковеда Вл. Орлова. Аллу Александровну знали и помнили в музее. И не только в этом... Ей были рады в Орле, других городах. Она обладала редким качеством притягивать к себе людей, независимо от возраста, профессии, социального положения. Её светоносности хватало на всех. Те, кому посчастливилось слушать, как Алла Александровна читает стихи и поэмы Д. Андреева, уже не забудут ни её манеру («так читал Даниил»), ни её облик – гордый, порой величавый и при этом удивительно женственный.

Её голос, негромкий, нежно-певучий и очень проникновенный (слава Богу, он звучит у меня со многих аудиокассет), воскрешает не только Андреевские чтения на Брянщине и конгрессы-путешествия астрологов и почитателей творчества Д. Андреева по Волге. Теперь это бесценные записи, которые позволяют совершать «погружение» во время, ставшее историей.

Впервые Аллу Александровну, что называется, наяву я увидел в июне 1991 года. Уже обладая однотомником «Русские боги», познакомившись с первой крупной подборкой стихов Даниила Андреева в «Новом мире», прочитав разворот из его наследия в одном из мартовских вы-

пусков «Книжного обозрения» (1989), где меня особенно тронуло стихотворение «Брянские леса», датированное 1936 годом.

Имя Даниила Андреева, судьба поэта с трагическим ореолом всё сильнее захватывали читателя, брошенного в океан возвращённой литературы. Публикации в журналах «Нева», «Звезда», «Москва», в «Литературной газете» и «Литературной России», других изданиях, пересуды и споры о книге «Роза Мира», ещё почти неведомой, о которой Юрий Нагибин, отвечая на анкету «Книжного обозрения», позднее скажет: «Прежде всего я почти ничего не понял, а это упоительно, я всё время о ней думаю», и ещё телепередача (или фильм?), где вдова поэта-духовидца рассказывает о своём муже – подвижнике и скитальце, подготовили наше знакомство, быстро перешедшее в дружество.

Получив приглашение от областного Общества книголюбов на Тютчевский праздник поэзии (жаль, что новейшие времена «растворили» эту культурно-просветительскую организацию), лёгкая на подъём Алла Александровна впервые приехала в Брянск. С собою захватила увесистую пачку с экземплярами «Розы Мира». Знакомство состоялось в «Икарусе», который вёз гостей из Овстуга. Где-то посреди дороги остановились, чтобы сорвать несколько благоухающих серебристо-фиолетовых стеблей цветущего люпина. Тогда и появился в моём собрании первый автограф Аллы Александровны – с памятной припиской: *9 июня 1991 Брянск–Овстуг Тютчевский праздник.*

Вечером того же дня мы сидели втроем (Алла Александровна, краевед Владислав Пасин, возглавлявший в ту пору Общество книголюбов, и я), пили сухое вино и обсуждали нашу совместную поездку в Трубчевск, назначенную на завтрашний день. Ехать предстояло на «Волге», выделенной обкомом партии. Утром, перед тем как сесть в машину, я сделал несколько снимков своим скромным фотоаппаратом, основное достоинство которого заключалось в том, что заряженная в нём плёнка «выстреливала» 72 кадрами.

Алла Александровна, высокая, элегантная, одетая в модно сшитое пальто из светло-коричневой вельветовой

ткани, с сумкой, изящно и как-то по-молодёжному свисавшей с её плеча, большого энтузиазма фотографироваться не проявляла. Но и против не была, мол, если надо, снимайте. Я же знал, был просто уверен: эту встречу 76-летней Аллы Александровны (она выглядела лет на 10–15 моложе) с Трубчевском и трубчевскими друзьями Даниила необходимо увековечить. Фотоаппарат будет с нами и позднее. Через пару лет к нему добавлю диктофон.

Снимки, запечатлевшие Аллу Александровну с 79-летней Лидией Протасьевной Левенок, её 82-летним братом Анатолием Протасьевичем, которому мы обязаны трубчевским «бродяжым» фотографическим сюжетам поэта, и его женой Лидией Яковлевной, а также фото, сделанные в саду Левенок, на городище, станут достоянием не только моего архива. Они понравятся и самой Алле Александровне. На книге «Русские боги», которую захвачу с собой в поездку, она оставит свой автограф:

*Жене Потупову –
на память
о том, как
вместе
были
в Трубчевске –
с радостью
Алла Андреева
10 июня 1991
Трубчевск*

Трубчевск с его тысячелетней историей и окрестная природа, дивные по своей красоте ландшафты, открывающиеся с былинных холмов, сыграли в жизни поэта особую, духоподъёмную роль. Впечатления от странствий по трубчевским лесам легли в основу лирических циклов Даниила Андреева «Зелёною поймой», «Сквозь природу», «Босиком», поэм «Немереча». «Лесная кровь», «Гулянка». Многие из них, хотя далеко не все, вошли в книгу «Русские боги», выпущенную издательством «Современник» в серии «Феникс». Спустя три года, когда захочется ближе прикоснуться к мирам мыслителя-мистика и одного из самобытнейших поэтов XX столетия, я возьму с собой

«Розу Мира» и этот однотомник. Книги будут со мною на Жеренских озёрах (куда ещё не вела асфальтированная дорога), в Новой Непорени и в урочище Рум, в глухоманной деревушке Чухраи, прикрытой со всех сторон кордонами заповедника «Брянский лес». Ещё через год маршрут странствий, начавшийся вблизи Поповского перевоза на Десне, пройдёт через Старую Непорень, упоминаемую в «Розе Мира», и снова завершится у Неруссы в урочище Рум, одним только названием волновавшем фантазию поэта-вестника («Я к Чухраям, быть может, выйду к ночи. // Из Чухраёв – рукой подать на Рум...»).

«Русские боги» с фотоснимками поэта, сделанными А.П. Левенком в начале 30-х годов, в течение довольно долгого времени оставались и поэтическим путеводителем, и моей топографической картой. Воистину – это «намоленная книга»!

Сегодня, когда вышло уже два собрания сочинений Даниила Андреева и достоянием читателей стала глубокая биографическая книга о нём Бориса Романова, недавно переизданная «Прогресс-Плеядой», известны, кажется, все фотографии, где присутствует поэт. В том числе и те, что в усечённо-фрагментарном виде были впервые помещены в качестве иллюстраций в «Русских богах». Вспомнилось, как после объятий Аллы Александровны с Лидией Протасьевной (увиделись впервые, хотя и знали о существовании друг друга) мы прошли в старый левенковский дом и стали не торопясь рассматривать фотографии в ветхом альбоме. Снимки удивили качеством, вполне приличным, и своей панорамностью. Анатолию Левенку, молодому военному, только-только купившему фотоаппарат и освоившему фотodelo, удавалось выстроить кадр и создать настроение в нём. Я обратил внимание Аллы Александровны на фото, ныне хорошо известное. На нём был запечатлён юноша в картузе и простой одежде, с небольшим рюкзаком за плечами, сидящий на упавшем в реку дереве и задумчиво глядящий на водную гладь. Не Даниил ли это? Ни секунды не сомневаясь, Алла Александровна подтвердила: конечно, он!

Семейные фотографии, как и впечатляющие пейзажи трубчевской округи, написанные главой семейства и поме-

щённые в массивные деревянные рамы, которые были сделаны его же руками, оставались главным достоянием этого дома. Альбом с фотографиями старенькая Лидия Протасьева увезла с собой, когда решила перебраться к родственникам в Электросталь. Пересъёмка же, осуществлённая местным фотографом, к сожалению, была далеко не идеальной...

В доме Левенков Алла Александровна побывает ещё раз. В ноябре 1994 года, во время первых Андреевских чтений. Вновь увидится с Лидией Протасьевой. «Вспомнятся лица, давно позабытые...» К счастью, этот вечер хранит аудиозапись.

Судьба «русского китежанина» захватила ещё сильнее, когда в 1992 году я начал работать редактором отдела культуры областной ежедневной газеты «Брянские известия». Благодаря сокамернику и другу Д. Андреева Борису Чукову, ставшему и моим другом, появилась возможность печатать неизвестные тексты поэта. Первая подборка «Где я шёл, где блуждал по зелёным певучим дорогам...» представляла стихи, написанные или задуманные на Брянщине. Поэтическая география названий – Девичоры, Нерусса, Навля, Знобь, Десна, Новозыбков – лишь подтверждала, как любил поэт Брянскую землю. Каким целительным источником были для него холмы и перелески, заповедные чащи и вольные просторы, по которым любил бродить поэт. Время не стёрло следы очарованного странника. Он возвращался к читателю «вестником иного дня».

За этой публикацией последовали воспоминания Б. Чукова (на них ссылается в своей книге «Последний рыцарь Розы» писатель Л. Бежин), Т. Морозовой, В. Митрофанова, И. Вогау, В. Василенко, Ф. Хорькова, статьи В. Правдивцева, Л. Озерова, Г. Павловой, Б. Романова, выступления А. Андреевой, В. Микушевича... Газета стала первоиздателем поэмы «Лесная кровь», поэтического цикла «Предварения», а также писем поэта.

Практически все материалы на «андреевскую тему», не говоря уже о стихах, я пересылал или передавал Алле Александровне. Нередко звонил ей по телефону. Однажды, когда заканчивал разговор, в небе неожиданно высветилась двойная радуга – необычайно яркая после тёплого

летнего дождя. Сказал об этом Алле Александровне. Она засмеялась: «Это нам Даниил посылает свой привет».

Иногда эмоции зашкаливали... Но это случалось не часто. Как правило, тогда, когда она с чем-то категорически не соглашалась. И если человек, по её мнению, утверждал нечто такое, что шло вразрез с её знаниями и нравственными принципами. Готовя к публикации цикл стихотворений Д. Андреева «Предварения», прежде не печатавшийся, я помимо фотографии поэта, полученной вместе с текстами от Б. Чукова, решил дать его небольшое предисловие (цикл из 16 стихотворений занимал почти полосу). В текстке не было ничего «крамольного». Чуков, как никто другой, сделал очень много для того, чтобы читатель открыл поэтический материк Даниила Андреева. Но порой, не оглядываясь на Аллу Александровну, он мог сказать или написать «полную ерунду». Предваряя «Предварения», Борис заметил: об этом цикле долгое время знал лишь только он, перепечатавший после смерти Д.А. все его рукописи. И надо представить гнев Аллы Александровны, когда я, сообщив о готовящейся публикации, зачитал по телефону сорокастрочную врезку Чукова. Успокаивая, пообещал Алле Александровне внести необходимую правку-уточнение (что и сделал): её возмутил факт «тайны», о котором она якобы ничего не знала...

Вместе с Б.Н. Романовым мы подробно рассказывали ей о готовящихся Андреевских чтениях, вместе обсуждали кандидатуры участников. Это было не всегда просто. Кто-то из приглашённых, людей не случайных, отказывался в последний момент. Кого-то не устраивали сроки проведения. Были и другие причины... Нам же, организаторам чтений, получившим известность не только на Брянщине, но и за её пределами, хотелось, чтобы благое дело не хирело, к нему подключались новые люди...

Я знал, что Алла Александровна какое-то время поддерживала дружеские отношения с Владимиром Грушецким. Московский поэт и переводчик Владимир Микушевич, несколько раз приезжавший в Брянск и Трубчевск, посоветовал пригласить его на очередные Андреевские чтения. Алла Александровна приехать в тот раз не могла.

Мне же хотелось, чтобы брянские почитатели и знатоки автора «Розы Мира» встретились с человеком, который участвовал в подготовке в издательстве «Молодая гвардия» «Железной мистерии» и написал послесловие к первому, «прометеевскому», изданию «Розы Мира».

Мне ничего не было известно о разрыве отношений между вдовой Андреева и Грушецким, разрыве, насколько мог понять, резком и окончательном. Но не успел я ещё связаться с гипотетическим участником чтений, как получил «меморандум» на шести страницах, написанный чёрным фломастером. Алла Александровна передала его оказией, уже и не помню, через кого. Вот этот текст, сохранённый мною, как и всё, что было написано её рукой:

Милый Женя!

Желаю Вам удачи в том, за что Вы взялись. Я очень удивлена и расстроена тем, что Вы пытались пригласить Грушецкого. Это человек бессовестный, виноватый целиком в пиратских изданиях Андреева (делал это для себя). Я хоть и почти слепа, но жива и в своём уме. Мы с Вами всё обсуждали, и я могла быть уверенной в том, что Вы со мной считаетесь. Владимир Борисович, как я думаю, судит о людях только на своём опыте. Рано или поздно и он получит от Грушецкого – тогда вспомнит меня.

Самое главное: меня можно уважать, но не все это умеют. Но уважать Фонд обязаны все. Ничто, относящееся к Д. Андрееву, не должно предприниматься без санкции Фонда, т. е. Татьяны Борисовны и меня. Даже предложения членов Фонда.

Простите за вид письма – пишу, не видя.

Всего Вам доброго, и очень прошу отнестись к моим словам внимательно.

А. Андреева

А вот её записки другого рода. Тоже связанные с чтениями...

Милый Женя!

Посылаю Вам обещанные ноты. Прошу Вас, очень прошу: не говорите о моём приезде как о чём-то решённом. Шансов на этот приезд почти нет. Мне много хуже, я почти совсем не вижу, и неизвестно, как будет с операциями.

Поймите: почти наверняка я приехать не смогу. Я не уверена даже в паровой поездке.

Всего доброго.

Алла Андреева

1 сентября 1995

«Чуть кольшется в зное...» написана для хора.

Два стихотворения (музыка моего брата) написаны для баритона с роялем.

Милый Женя!

Посылаю ещё одну партитуру. Алексей Ларин – молодой, но уже приобретающий имя композитор. Думаю, что к этой годовщине Ваши музыканты не успеют разучить – партитура не проста, – но впереди и праздник Бояна и будущий – юбилейный год.

Желаю Вам удачи, шлю всем самый сердечный привет.

У меня всё без перемен.

Алла Андреева

9 окт. 1995

Дважды побывав в Трубчевске в 1991 году, приняв участие в первых Андреевских чтениях (1994), Алла Александровна затем долгое время (семь лет!) не могла приехать на Брянщину. Настигающая слепота и сердечные хвори делали её «невыездной». В сентябре 1995-го, возвратившись с конгресса «София – Премудрость Божия» (вместе плавали по Волге на теплоходе «Дмитрий Фурманов»), она записала по моей просьбе приветствие участникам вторых Андреевских чтений:

Дорогие мои друзья, брянцы и трубчане!

Мне очень-очень грустно, что в этом году я не могу к вам приехать. В прошлом году мы провели первые чтения по Даниилу Андрееву, и я рада, счастлива и очень горда, что эти первые чтения прошли в Брянске и Трубчевске. Потому что вы – русская земля. Та русская земля, на которой родилось столько прекрасных поэтов. Вашей дивной земле Даниил обязан очень-очень-очень многим...

Я бы очень хотела, чтобы вы почувствовали всю мою любовь к вам, всю благодарность вам, всю никогда-никогда во мне не гаснущую память к Брянску и Трубчевску. И ко всем деревьям, к изумительно русским далям, которые от-

кряваются с холма. Я просто уж не знаю, какими ещё словами можно было бы говорить о моей любви к вам.

Простите за то, что я не могу к вам приехать. Но я почти не вижу...

Потом она читала поэму «Навна». 25 минут. Вот тогдашняя запись в моём дневнике: «Приветствие Аллы Александровны, обращённое к брянцам и трубчанам. Голос чистый, светлый, молодой... Трогательны заключительные слова: *«Вот дорогие мои, поэма «Навна», в которой столько отзвуков вашей земли, вашего светлого неба и ваших чистых, настоящих русских глаз и русских душ. Господь вас храни. Всего вам доброго...»*

Я очень люблю строки Даниила Андреева, адресованные этой удивительной и лучезарной женщине. Особенно те, что были написаны им в 1958 году, вскоре после выхода из Владимирской тюрьмы.

Ты ещё драгоценней
Стала в эти кромешные дни.
О моём Авиценне
Оборвавшийся труд сохрани.

Нудный примус грохочет,
Обесмыслив из кухни весь дом:
Злая нежить хохочет
Над заветным и странным трудом.

Если нужно – под поезд
Ты рванёшься, как ангел, за ним;
Ты умрёшь, успокоясь,
Когда буду читаем и чтим.

Я дорожу каждым её листком, каждой запиской и, конечно, надписями, сделанными на книгах – своих и Даниила.

Вырванная из блокнота страничка, с расплывшимися от дождя буквами. Пропуск на Новодевичье...

Из-за моей болезни очень прошу пропустить на кладбище для уборки могилы моего мужа Д. Андреева Потупова Евгения Васильевича. А. Андреева 23 апреля 1994.

«Совписовский» сборник Д. Андреева «Ранью заревою» (1975). Давно ставший редкостью. Обложку для него оформила жена. Её автограф оценят не только библиофилы...

Милый Женя!

Ну, зачем Вам эта искажённая книжка?

Для истории эпохи?

Алла Андреева

19 ноября

1994

Трубчевск

Второй том из собрания сочинений Даниила Андреева – «Роза Мира», подготовленная по авторизованной машинописи, хранившейся в архиве А. Андреевой. Помню, как она взяла из пачки, недавно привезённой в её московскую квартиру, экземпляр книги и сделала меня в тот день счастливым:

Милому Жене Потупову

я надписываю эту книгу, считая,

что делаю это по поручению Даниила.

Алла Андреева

4 августа 1995

Тогда же стал обладателем тоненькой книжки стихотворений Даниила Андреева, изданной Фондом его имени. Рисунки А. Андреевой. Трогательная, щемящая надпись:

Женечке Потупову,

с надеждой ещё походить по

Брянским лесам

Алла Андреева

4 августа 1995

...«Я прожила счастливую жизнь» – так называлась беседа с Аллой Александровной, напечатанная в журнале «Наука и жизнь». Тюрьма, лагеря, слепота не погасили свет её души и не растоптали её человеческое достоинство. Она была действительно счастливым человеком. И умела делать счастливыми других.

Январь 2015

Марина РАКУ

Об Алле Александровне

У нас дома на автоответчике до сих пор можно услышать голос Аллы Александровны Андреевой – её последний звонок. Каким-то чудом он оказался не стёрт и теперь иногда случайно всплывает в череде сообщений. Никого не застав, она обещает перезвонить позже, и это звучит через столько лет совсем естественно, без примеси трагизма – ведь она действительно продолжает постоянно и повседневно присутствовать в нашей жизни.

Ушло из неё только то, что Алла Александровна вокруг себя объединяла: это бескрайнее и непредсказуемое содружество совсем далёких людей, точкой совпадения которых порой только она и была. Впрочем, и сегодня внезапно обнаруживаешь среди своих давних знакомых, никак с ней не ассоциирующихся, – её приятелей или случайных собеседников, не переставая удивляться её восприимчивости и широте притяжения людей.

Казалось бы, это не могло быть её свойством: слово «толерантность» мало ей подходило, или даже не подходило совсем. В суждениях она была весьма определённой и даже резкой. У неё были вполне чёткие взгляды на жизнь, политику, религию, искусство. С ней многие остерегались спорить – играл роль и возраст, конечно (мы встретились, когда ей пошёл девятый десяток), но и прямо́та тоже. Как-то своеобразно это уживалось с уникальной терпимостью: она умудрялась вбирать в себя такое количество чужих судеб, историй, бед, нелепиц, маленьких радостей, что воз-

можность этого так и осталась для меня загадкой. Ответ, собственно, может быть только один – Алла Александровна нас всех любила.

Вообще любовь, возможно, и есть определяющая её характеристика, которая так органично дополнялась в ней непримиримостью, как если бы одно было обязательным условием другого. И требовательной к людям она тоже была, но не в отношении себя и даже, может быть, не по отношению к каким-то конкретным людям, а в каком-то «высшем», что ли, смысле. Вот во время какого-то разговора именно общего плана я попробовала сказать ей что-то насчёт «слабых людей», с которых просто не приходится спрашивать полной мерой, на что она мне резко возразила: «А почему они позволяют себе быть слабыми?!» Примечательно и то, что речь не шла о ком-то конкретно, и то, что этот максимализм, может быть, и был-то возможен для неё только без конкретного приложения: и слабых и слабостей вокруг неё хватало.

Впрочем, приложение имелось всегда одно – обязательно: она сама. Оставляя за скобками самый страшный период её жизни, скажу только о том, что, как мне почему-то (может быть, и ошибочно) кажется, было по-своему не легче тягот её тюремного и лагерного прошлого – её последнем десятилетии, которое прошло у меня на глазах. Испытание слепотой было тем страшнее для неё, что она была художницей, тем труднее, что своей семьи у неё не было. Объективно говоря, это называется трагедией одиночества и немощи, но рядом с ней мы не ощущали ни того, ни другого. Вокруг неё – слепой одинокой старухи – бурлила жизнь, и она была её душой, источником энергии и веры. И, конечно, её невозможно было назвать не то что старухой, но даже просто «старой» или «пожилой» женщиной. Все это как-то не шло ей – язык не поворачивался. С одного врачебного приёма она пришла, не без удовлетворения сообщив, что врач за глаза именовал её «леди», не найдя другого эквивалента её нетипичному для наших широт и её возраста образу: девичьей легкости, по-балетному прямой спины, живости реакций, звенящему голосу, всегдашней готовности к авантюре. Красоте.

За образ, однако, приходилось и расплачиваться – уж очень выбивался из толпы. Из какой-то другой больницы почти сбежала: соседки по палате очень раздражались тем, что не поддерживает положенных бесед о лекарствах и пенсиях, ныряет в музыку, зарывшись в наушники. В ней было то, что можно назвать высокомерием избранничества: она принимала на себя ответственность за право быть собой, не смешиваться, не мимикрировать. Ещё один её урок на эту тему хорошо запомнился – отчитала меня однажды: «Ну что Вы всегда переживаете – так сказала, не так... Сказала или сделала так, как считала нужным. Это сказала и сделала я – такая, какая есть». Пытаюсь следовать. Трудно.

Собственно её советы, фразы, реакции и есть то, что заставляет день через день мысленно к ней обращаться. Был среди них такой, например: «Нужно научиться закрывать книги». Она произносила это твёрдо и ясно. И ты понимал, конечно, что это она повторяет себе в первую очередь. Слишком много книг ей пришлось закрывать одну за другой: болезнь, возраст, просто судьба заставляли прощаться с тем, что казалось частью её самой. Одним из последних расставаний было искусство – пришлось забыть. Помню, как перебирали вдвоём её работы: я рассказывала, что там изображено, а она сортировала – «влево, вправо», – уж не знаю, для чего и по какому принципу. Но в результате я ушла с подарками – несколько её картин и сейчас висят у нас.

Потому так много стала значить музыка в её жизни. И поэзия, которую она ставила с музыкой вровень. И делала её музыкой, когда сама исполняла. В Германии на конференции, посвященной Даниилу Леонидовичу, она, как всегда, читала его стихи. В паузе ко мне наклонился краковский профессор-славист и сказал то, что стала понимать уже и я: «Когда Алла Александровна читает Даниила, я осознаю, что это был великий поэт». Действительно, через неё, её свет, её голос поэзия Андреева словно раскрывается в своих смыслах и красоте, в своей незаемности и подлинности. Они стали уже как будто нераздельны. А мы оказались свидетелями рождения этого сотворчества – нам повезло.

Незадолго до гибели она приехала к нам в гости с общими друзьями – специально: читать только что выу-

ченную «Навну». Не забыть никому из нас, шести счастливиц, как она стояла у входа в небольшую комнату – прямо, трепетно и строго – и дарила, как откровение, как драгоценность каждую строчку. А вокруг висели её работы. Оказалось – это было прощанием.

Музыка жила в ней, она в неё вслушивалась. Слепота обострила этот внутренний слух: там в темноте звучали голоса. Какой-то Новый год мы с мужем приехали отметить с ней, у неё сидел Петр Наумович Фоменко. Жаль, что не помню и не записывала ни дат, ни подробностей (как же мы глупо небрежны!), остался только шлейф счастья. Как они легко общались, с полуслова подхватывая реплики. Какое было между ними природное родство. Он показывал – неподражаемо, как всегда, – великого безымянного артиста провинциального театрика в Ногинске, где когда-то работал, перед выходом на сцену. Алкоголика, гения, безумца и беднягу. Это был наш маленький новогодний вертеп: спектакль Фоменко о театре для трёх зрителей. Потом стали расходиться по домам, чтобы приход Нового (какого же всё-таки?) года отметить в семьях, и я сказала: «Алла Александровна, ну поедете же к нам, вместе встретим, с нашими ребятами, что же Вы будете одна». А она мне: «Что Вы, что Вы, я побуду со всеми своими. Мне надо с ними поговорить». Однажды я застала такой её разговор – она сидела на диванчике с прямой спиной, неподвижная, а на лице её отражалась другая жизнь, то озаряя его, то омрачая. Одна она никогда не бывала.

Поэтому таким естественным и не натужным было её решение жить одной, хотя сводного брата Андрея любила даже не сестринской, а материнской любовью – всей полнотой, что ей была отпущена. В этом и безрассудство было, так свойственное ей, и абсолютно ответственное решение – никого не делать свидетелем своей немощи. Не смиряться.

Мужество было вообще стержнем её отношения к жизни. Она подозревала и прозревала в ней такие бездны, которые не оставляют любопытство к себе безнаказанным. Не хотела туда заглядывать, но всегда ощущала и принимала как сущее присутствие иного, иномирия. Любя очень разную музыку, выделяла Вагнера. И недаром. Она ведь, в

сущности, переиграла в своей истории с Даниилом коллизию Лоэнгрин и Эльзы – «Лоэнгрин» был любимейшей её вагнеровской оперой и сокровенным сюжетом: «Ты все сомненья бросишь, ты ни о чём не спросишь, откуда прибыл я и как зовут меня». Переиграла – «с хорошим концом». Как-то был между нами очень важный, особенный разговор. Я что-то спрашивала о «Розе Мира», о её фрагментах, связанных с искусством и художниками. И вдруг она тихо так и внятно сказала: «А Вы знаете, Мариночка, ведь ничего этого не было...» Я – кожей, что ли, – почувствовала, о чём она, но не поверила себе (мы ведь в большинстве своем «Эльзы»): переспросила, не удержалась. Она терпеливо повторила: «Не было этого – этих энциклопедических знаний, этого безбрежного моря имён и точных фактов». И тогда на мой вопрос: «А Вы никогда не спрашивали, откуда и как это к нему приходило?» – твёрдо: «Никогда. Запрет Лоэнгрин намертво впечатан в мою память».

Она просила когда-то, чтобы на её похоронах звучал вагнеровский марш из «Гибели богов». Мы, как могли, постарались выполнить. Ей, несомненно, был дан дар предвидения: по сюжету эта музыка сопровождает гибель героев в погребальном костре. В стихах Даниила, посвященных ей, огонь сопровождает её образ, и эти их пророчества не могут не потрясать.

К 100-летию Даниила в театре «Новая опера», который она так любила, муж поставил концерт из вагнеровских произведений. Звучали и стихи Даниила в её исполнении, и «Лоэнгрин» – всё то, что наполняло её жизнь до конца. Когда мы вернулись из театра и вошли домой, я вдруг отчётливо почувствовала на своём плече тёплое прикосновение её ладони. Спутать с кем-то другим было невозможно. Это была и благодарность, и благословение.

Что вспоминается чаще всего теперь – по прошествии уже десятка лет? Её голос: это незабываемое распевное ликующее «Алло-о-о!» с предвкушением счастья, готовностью к радости, которую она сама несла всем нам.

2014

Борис РОМАНОВ

Вдова поэта

А.А. Андреевой

1

Консерватория, сирень.
Ни звука музыки. Все глухи.
Все под зонтами. Все не в духе.
Но слышно, как бросалась тень

на визг колес и рвался день
навстречу мокрой оплеухе.
Я в гости к пламенной старухе
спешил, для струй косых – мишень.

Вбегаю в Брюсов переулок,
в подъезде набираю код.
Без проходных и караулок
немыслим выход наш и вход.
Стук лифта короток и гулок.
Вдова поэта здесь живёт.

2

А где поэт живёт высоко,
там из округлого окна
Небесный Кремль и вся страна
видны глубоко и далёко,

на ржавость кровель нет намека –
не жестью крыты времена...
Сирени купы, и весна
сквозь дождь косится синеоко.

Поэт живёт в своих словах,
а не в её воспоминаньях,
столь достоверных на правах
вдовы. Представить не дано
запнувшимся на умолчаньях
перегоревшее давно.

3

Лишь долгожители и вдовы
из одиночек слепоты
сквозь дождь, колеблющий кусты,
в глаза весны глядеть готовы.

Воспоминанья бестолковы.
Как бабочки, из темноты
они летят и – видишь ты –
за воскресенья свет готовы

скупую лампу в сорок ватт
принять, и на меня летят,
коль нет другого воскрешенья
на сей земле помимо слов,
и памяти, и вдохновенья,
и верности ослепших вдов.

2000

* * *

Памяти А.А. Андреевой

Мокрый снег летит и тает,
исчезает на лету.
Кто седой Москвой плурует,
снежный призрак на свету?
Малый Левшинский и Брюсов
переулки. Да, по ним
православный брат индусов
уицраором гоним.
Вслед, с химер свирепой сворой,
просквозили велиар
и сатанаил, который
пляшет в окнах, как пожар,
чтоб в Страстную ночь апреля
полыхнуть судьбе вослед,
в ту же искру слова целя,
что сквозь тьму несёт поэт.

2005

«Дело» Даниила Андреева и его вдовы
О книге «Даниил Андреев. Неизданное»¹

Ты ещё драгоценней
Стала в эти крошечные дни.
О моём Авиценне
Оборвавшийся труд сохрани.

Нудный примус грохочет,
Обесмыслив из кухни весь дом:
Злая нежить хохочет
Над заветным и странным трудом.
Даниил Андреев

По «делу» Даниила Андреева и его жены в 1947 году было арестовано и осуждено два десятка человек, их друзья и родственники. Они оказались знакомы с романом Даниила Андреева «Странники ночи», ставшим главным доказательством обвинения. Обвинение было страшным: подготовка покушения на Сталина. Роман, видимо, безвозвратно погиб в следственных кабинетах МГБ. Но арестованным повезло, смертную казнь ненадолго отменили, и они получили кто 25, кто 10 лет заключения.

В «Неизданном» Даниила Андреева, вышедшем среди других изданий к столетию со дня рождения выдающегося поэта, больших сенсаций нет. Рукопись «Странников ночи» пока найти не удалось. Но сборник «Неизданное» вряд ли можно считать подарком к юбилею автора «Розы Мира», он бы его не обрадовал, а возмутил. Не потому, что в книге помещена поэма «Гулянка», которую он считал неудавшейся и просил не публиковать, и не из-за многочисленных ошибок и промахов небрежных публикаторов. Нет, суть в том, что эта книга – новое «дело» против поэта и его вдовы...

Некогда Алла Александровна Андреева опрометчиво доверила права на литературное наследство мужа «Благотворительному фонду “Урания”». Затем фонд, не желавший возвращать права, долго судился с вдовой

¹ М.: Мир Урании, 2006 / Сост. А.А. Кутейникова, Б.В. Чуков.

поэта. Эти суды отравили её последние годы. Вполне возможно, у судившихся с вдовой были некие юридические обоснования в их упорной тяжбе за наследство автора «Розы Мира», но то, что они поступали бесчестно, было очевидно. Но совесть не юридическая категория. Я присутствовал на суде, на котором почти девяностолетней женщине, пережившей полуторагодовое следствие в сталинских застенках, суд ОСО и девять лет лагерей, адвокатша фонда, основываясь на словаре Даля, заявляла, что она никакая не вдова и ее права на литературное наследие мужа сомнительны... Теперь «фонд», издавший «Неизданное», решил, видимо, «морально» подкрепить свои сутяжнические позиции и опорочить память А.А. Андреевой якобы беспристрастно академическим сборником.

«Биография писателя», – объявлено в предисловии, – ранее «открывалась лишь до известного предела, в строго заданном ракурсе». Кто же виноват? Кто задавал ракурс? Кто искажал факты, почему и что скрывал от почитателей создателя «Розы Мира»? Поскольку главные источники биографии Даниила Андреева были опубликованы при деятельном участии А.А. Андреевой, которая много писала о его жизни, оставила интереснейшие воспоминания, то намек прозрачен – виновата вдова. Так что же она утаивала? Какие сенсационные подробности? Может быть, воспоминания Ирины Владимировны Усовой (1905–1985), занимающие треть «Неизданного»? Но они не только впервые были опубликованы при её жизни (Волшебная гора. 1995. № 3, 1996. № 5), но именно с её ведома включены в раздел воспоминаний первого собрания сочинений Д.Л. Андреева. Да и написаны были, как признаётся сама Усова, по просьбе А.А. Андреевой (С. 253). Или новое в том, что, как утверждает составительница Кутейникова, оказывается, не А.А. Андреева, а И.В. Усова «сохранила главы “Русских богов” и великое множество стихотворений Д.Л., и ...проделала большую и кропотливую работу по подготовке его сочинений к изданию» (С. 11)? Хотя на страницах того же «Неизданного» Усова объясняет, почему у неё не оказалось рукописей Андреева, ревниво и обидчиво заявляя, что после смерти поэта «Данино творчество было “зажато”, и

никому не давалось» (С. 244). Так что же и когда готовила к изданию Усова и где эти издания? Их нет.

Воспоминания Усовой написаны через двадцать лет после смерти Даниила Андреева (публикаторы, видимо сознательно, не указывают дату: 1979–1980), и можно предположить, что с годами и чужая роль в жизни поэта, и её собственная стали ей представляться несколько иными, чем были в действительности. На последней странице хранящейся у меня машинописи воспоминаний Усовой А.А. Андреева изложила своё мнение о них, не предназначая свои слова для печати: «Типичный пример того, за что я не люблю мемуаров: со всеми свела счёты, чтобы показать себя покрасивей. Не могу же я вступать в спор и доказывать, что “актриса в жизни” не “сыграла” бы “роли” ни в лагере, ни потом, ни теперь...»

Конечно, воспоминания И.В. Усовой, познакомившейся с Д.Л. Андреевым в 1937 году, ценный источник сведений о поэте. Но ведь не только они, а и те, что остались вне поля зрения составителей «Неизданного». Как и многие документы, ещё ждущие публикации и изучения. Но у воспоминаний Усовой есть существенный, не скрываемый и самой мемуаристкой недостаток. Она, всю жизнь безнадежно влюблённая в поэта, болезненно ревнива и пристрастна. Ревность поссорила её и с собственной матерью, и с родной сестрой, поначалу более удачливой в этой любви... Впрочем, обо всем этом она поведала сама. Не скрывает Усова и враждебного отношения к Андреевой, которая благородно не стала «вступать с ней в спор». Один из немногих действительно впервые публикуемых в «Неизданном» текстов, названный Усовой «После Дани», весь посвящён «уничтожению» соперницы. «Осмысляя» «Данино ослепление относительно Аллы», как она называет любовь поэта, Усова объясняет это воздействием демонических сил. Что ж, очень убедительное обвинение, так же как все другие, основанные главным образом на недобрых сплетнях и домыслах. Текст «После Дани» сомнителен не только с нравственной, но и с фактологической стороны, абсолютно ничего не добавляя к биографии поэта. Трудно сказать, стала ли бы И.В. Усова публиковать свои рев-

нивые заметки? Навряд ли. Их, сегодняшних публикаторов, мобилизованных предприимчивым «фондом», можно было бы понять, если бы они сопроводили публикацию объективным комментарием, поскольку известные ныне факты, например, связанные с историей первых журнальных публикаций Д. Андреева и с изданием книги «Ранью заревою» (М.: Советский писатель, 1975), опровергают большинство обвинений Усовой, как и её текстологические претензии... Но нет, текст «Около Дани» нужен издателям не для поиска истины, у них другая цель – очернить память Аллы Александровны Андреевой.

Усова в воспоминаниях сама простодушно сообщает о том, как её мама «с удовольствием» собирала «отрицательные отзывы» о счастливой сопернице дочерей. Эти слухи и сплетни, видимо, утешавшие обиженное семейство Усовых, и стали основой ударного материала «Неизданного». В чём только не обвиняется жена поэта! Она, оказывается, «посадила сто человек», на следствии всех выдала, в лагере была доносительницей, после тюрьмы именно по её вине, нет, хуже, по злодейскому умыслу, Д.Л. Андреев так быстро ушёл из жизни...

Кто станет разбираться в том, что это грязные сплетни и злые слухи, распространявшиеся теми, кто не побывал ни на Лубянке, ни в Лефортове? Записывавшую их ревнивую, прожившую нелёгкую жизнь, ослеплённую несчастливой любовью старую женщину понять можно, можно простить. Но с какой целью, не комментируя, документально не подтверждая и не опровергая, публикуют ревнивую наспралину «самоотверженные составители»? Кутейникова, например, жалеет, что «безграничная преданность Ирины Владимировны Андрееву, её беззаветная и самоотверженная любовь не пробудила в его душе ответного чувства». Кутейникова, видимо, хотела бы видеть женой поэта Усову. Но, увы, «его привлекали совершенно иные натуры», огорчается ученая архивистка, «намекая», что Алла Александровна была женой непреданной и несоотверженной. Что ж, это не ново, иные литературоведы самого Пушкина не одобряли за выбор жены. Правда, делали это не так бестактно и без какой-либо корысти.

Опровергаются «намеки» составительницы и утверждения Усовой текстами, помещёнными тут же в «Неизданном». «Алла Ал<ександровна> делит своё время между работами над этюдами с натуры, на основе которых зимой в Москве будет писать картины для выставки, и – уходом за мной – занятием, к сожалению, весьма трудоёмким, поскольку она и делает уколы, и ставит банки и горчичники, и кормит меня лекарствами, и бегаёт за врачом, и моет посуду...» – пишет из Горячего Ключа Б.В. Чуков Д.Л. Андреев в одном письме, в другом замечает: «...исключительно жене обязан я тем, что вернулся к жизни и даже, как ни странно, к литерат<урной> работе».

Даниил Андреев, ещё до ареста, в сентябре 1946 года, писал брату о своей жене: «Наша встреча, любовь и совместная жизнь – величайшее счастье, какое я знал в жизни». И в стихах поэт всё сказал об этой любви, о её значении в своей жизни и в посмертной судьбе:

Злая нежить хохочет
Над заветным и странным трудом.

Если нужно – под поезд
Ты рванёшься, как ангел, за ним;
Ты умрёшь, успокоясь,
Когда буду читаем и чтим...

Конечно, несмотря на все возмущение книгой «Неизданное», оскорбительной по отношению к памяти поэта и его вдовы, должно сказать о некоторых её достоинствах. Они всё же есть. Это обнаружение нескольких неизвестных прежде текстов поэта, публикация «Карточки заключённого» и ряд любопытных сведений, сообщаемых знавшим поэта Б.В. Чуковым. Его воспоминания с их живыми эпизодами и драгоценными подробностями – один из лучших материалов сборника. Другое дело, что Чуков сплошь и рядом противоречит самому себе, ошарашивая читателя то обвинениями поэта в невежестве «в области политэкономии вообще и марксизма в частности», то рассуждениями о том, что, если бы тот не выбрал роль «бездомного скитальца и внутреннего эмигранта» и не замыкался «в искусственно сотворённом герметичном мире, а по-горьков-

ски прочно» связал свою судьбу «с пафосом социалистической стройки», он получал бы за свой труд «достойное вознаграждение, как получали его Шолохов, Твардовский, Константин Симонов...» и «не привёл бы себя и любимую жену к абсолютной и бесперспективной нищете». Поэту, утверждавшему – «только веру и труд не предаю», следовало поступиться совестью и призванием, изменить себе – вот к чему через десятилетия умудрённый воспоминатель призывает Даниила Андреева. А ведь сам рассказывает о его бесстрашной правдивости.

Увлекаясь, Чуков раздваивается. На одних страницах – он девятнадцатилетний, восхищённый поэтом юноша, на других – раздражённый «советский обыватель», толкующий о том, что тот сам виноват в своей трагической судьбе. Поэтому Даниил Андреев мемуаристом и выпенно восхваляется (за версификаторский дар!), и обвиняется в наивности, в том, что в жизни руководствовался «фантастическими иллюзиями», не понимал реальной жизни и ценностей советского строя. Сведя содержание одной из лучших поэм Даниила Андреева, «Симфонии городского дня», к нелепой мысли, что «трудиться при советском строе – значит служить сатане» (С. 272), Чуков делает глубокомысленный вывод: «...эта абсурдная концепция поэта начисто опровергнута временем». Судя по его воспоминаниям, девятнадцатилетний юноша всё на свете понимал глубоко и правильно, в отличие от невменяемого поэта.

Уверенно рассуждая о даре религиозного поэта-мифотворца, сравнивая его с Данте и Мильтоном, Чуков предупреждает, что терпеть не может сказок, в своём чистосердечии забывая, что для поэта именно сказки и мифы были содержательной духовной реальностью. Но, к счастью, не только рассуждает, а и рассказывает, пусть противоречиво и сбивчиво, но сохраняя юную непосредственность. Жаль только, что и Чуков, кое-что сделавший для памяти поэта (и не только как автор бесценных фотографий Даниила Андреева), активно участвует в неправом деле, выставляя свои непонятно обидчивые счета покойной вдове поэта. И говоря об Алле Александровне, о её роли в «деле» Да-

ниила Андреева, он пользуется теми же слухами о «многочисленных» якобы «литературно-политических собраниях» в доме поэта, конечно, не приведя ни одного реального свидетельства (самому Чукову в год ареста Андреевых было девять лет), кроме цитаты из воспоминаний осуждаемой им вдовы.

Алла Александровна не раз говорила (не я один это слышал), что некоторые ждут её смерти, с тем чтобы громко и безоглядно говорить то, что при ней говорить стесняются или остерегаются. И вот её нет, разоблачать велеречивых истолкователей трагической жизни, любителей сплетен, опровергать напраслину некому, вроде бы «всё разрешено». Последние действующие лица и свидетели умерли.

Скажем несколько слов о характерных ошибках и недостатках издания, для читателей это важно.

Прежде всего, точнее было бы назвать книгу «Неизданное и несобранное», поскольку немалая часть материалов, представленных в ней, прежде публиковалась, кое-что даже в собрании сочинений. Это поэма «Гулянка», воспоминания Ю.И. Пантелеева и письма поэта к нему, письма к Б.В. Чукову, а частично и его воспоминания, одно из писем к Е.Н. Рейнфельд (таково написание фамилии корреспондентки у Д.Л. Андреева, а почему в книге она Рейнсфельдт, не объясняется), а также обширные воспоминания И.В. Усовой. На прежние публикации указаний нет. Но библиография в сборнике, как правило, отсутствует, за исключением нескольких ссылок на издания, в которых принимало участие само астрологическое издательство фонда «Урании». Отсутствуют и примечания к большинству текстов. А там, где они есть, сообщаемые сведения часто вызывают лишь недоумение. Так, одним из составителей утверждается, что поэма «Гулянка» «сложена (!) Андреевым вскоре после 1929 г. в период (начиная с 1928 г.) странствий... по Брянщине». Датировка не аргументируется. А ведь известно, что Д.Л. Андреев впервые приехал на Брянщину в Трубчевск только в августе 1930 года, что следует из его тогдашнего письма брату в Париж (оно впервые опубликовано О.В. Андреевой-Карлайль и А. Богдановым; см.: Звезда. 1997. № 4). А судя по черно-

вым рукописям, «Гулянка» писалась (и это для Андреева характерно) отнюдь не по свежим впечатлениям. Скорее всего, поэма написана (или, по крайней мере, получила завершение) в 1950 году во Владимирской тюрьме. Именно в феврале–сентябре этого года он работал над предполагавшейся книгой «Русские октавы». В книге было семь частей, главная тема её – русская природа, место действия – Трубчевск и его окрестности. Часть третья – «Гулянка». Позже поэт от замысла книги отказался, цикл «Босиком» (часть четвертая) был включён в поэтический ансамбль «Русские боги», стихотворения первой части «Богам и соннам» вошли в другие циклы, остальные части «Русских октав» получили самостоятельное значение. И только поэму «Гулянка» автор счёл творческой неудачей и даже, по свидетельству вдовы, высказывался против её будущей публикации. Но об этом составители ничего не сообщают, видимо, по неведению.

Публикуя «Руководство по стихосложению», так поэт назвал эту работу в письме к А.А. Андреевой от 20 октября 1956 года, редакторы приняли за название заголовок его первой части, в результате оставшейся без названия, хотя в рукописи ясно обозначены три традиционных для стиховедения раздела: «Метр и ритм», «Рифма», «Строфика». Комментарии к руководству практически отсутствуют.

Два детских письма Д.Л. Андреева к отцу составители даже не попытались датировать, несмотря на то что в одном из них упоминается 20 апреля, а в другом Пасха, и очевидно, что одно написано в первой половине марта 1915 года, а другое в апреле того же года. В «Неизданном» они помещены не в хронологическом порядке, текст их сокращён и искажён, а в примечаниях об упоминаемых в письмах лицах сведений нет. Впрочем, любознательного читателя можно отослать к 4-му тому нового собрания сочинений поэта (М.: Русский путь, 2006), где он отыщет и эти письма, и необходимые примечания к ним. Там же он сможет прочесть исправный, в отличие от «Неизданного», текст писем к Е.Н. Рейнфельд.

О торопливой небрежности «самоотверженной работы составителей» (так она характеризуется в предисло-

вии) наглядно говорит метод датировки письма Андреева к Л.П. Гроссману и комментарии к нему. Письмо датируется, «судя по содержанию», концом 1930-го – началом 1940-х, в то время как из содержания ясно, что оно относится к началу 1947 года. Поскольку в письме упоминается о собрании сочинений Л.П. Гроссмана, со времени издания которого прошло «почти 20 лет», а оно, как известно всем любознательным читателям (но только не составителям книги), вышло в 1928 году в издательстве «Современные проблемы», Андреев же 21 апреля 1947 года был арестован. Поэтому-то и не ответил ему Гроссман, а не из-за чрезмерной «осмотрительности» и боязливости нежелания заводить новое знакомство, как предполагает публикатор, не ведающий о том, что Л.П. Гроссман, преподававший на Высших литературных курсах, давным-давно был знаком с учившимся на них поэтом.

Перечислять ошибки и неточности книги можно было бы долго, она ими изобилует. Но отнюдь не неряшливый, дилетантский уровень публикаций «Неизданного» заставил меня писать об этой книге. Мало ли выходит изданий, посвящённых давней и недавней истории русской литературы, написанных убого, преподносящих домыслы как сенсационные открытия. Процветает не только жёлтая пресса, но и самонадеянное «жёлтое» литературоведение. Стоит ли на него всерьёз реагировать? Здесь дело в другом. В клевете на доброе имя поэта и его вдовы.

Разбирать во всех подробностях рассыпанные по сборнику «Неизданное» недобрые намёки и измышления не хочется. На клевету отвечает всем своим жизненным подвигом сама Алла Александровна Андреева, в том числе и книгой воспоминаний, в которой о многом говорит откровенно, отнюдь не изображая себя бесстрашной и безгрешной героиней, не скрывая взрывчатого непростого характера. На неё отвечает и поэт. И не только стихами. Опубликована переписка Даниила Андреева, где о многом внятно и недвусмысленно сказано. Одного из адресатов поэт, которому жить оставалось считанные месяцы, предупредил, что если тот поступит по отношению к Алле Александровне «недолжным образом», он проклянет его в

другом мире, и не будет ему «ни счастья, ни покоя – ни здесь, ни там».

Наши дни, наверное, не более безнравственны, чем прежние, но то, что они стали на редкость бесстыдными, очевидно. Пытающиеся очернить память вдовы поэта, поступающие «недолжным образом», видимо, не боятся ни людского суда, ни потустороннего, мистического. А что, если он реален? Даниил Андреев был в этом убеждён.

2007

Впервые: Литературная Россия. 2007, 9 марта. № 10.

С бушующим демоном спора

Но прошла ты по темному горю,
Легкой поступью прах золотя,
Лишь с бушующим демоном спора,
Ангел Божий, невеста, дитя...

Даниил Андреев

Как-то, говоря о судьбе Даниила Андреева, его вдова сказала, что рядом с ним всегда присутствовали и руки тьмы, и спасающие руки света.

Рядом с ним было светло и небезопасно. Тот, которого все любили, и сам отвечавший всем любовью, преданный друг и брат, словно бы притягивал гибель к самым близким.

Мать умерла при его родах. Бабушка умерла, заразившись от него дифтеритом. Он стал невольным виновником крушения дома Добровых: вместе с ним арестованы брат с женой и сестра с мужем. Брат умер в Потьме в инвалидном доме, сестра в лагерной больнице. У зятя, Коваленского, к тому же уничтожены все заветные сочинения – стихотворения, поэмы, проза. Арестованы близкие друзья и попавшие под руку карательным органам знакомые, их труды сожжены. И вместо родного дома в Малом Левшинском – пустое место, тощие деревца-недоростки, а потом, под тем же номером, элитное клубное здание «Стольник» с чуже мерцающей темнотой стёкол и блеском металла, напоминающее сооружения, увиденные поэтом на изнанке мира.

Поэтому огненная гибель «подруги и спутницы», Аллы Александровны Андреевой, кажется неотрывной от его посмертия.

За что же такая расплата? За проникновение в иные миры, за незаконное творчество, за понимание мистерии русской истории?

Почему тьма и её присные клубились рядом, демоны реяли над московскими крышами? Алла Александровна, видимо, это ощущала и всегда была готова к схватке.

Однажды она сказала: «Я была просто красивая дура, меня сделал человеком лагерь». И о лагере вспоминала беззлобно, умея на всё смотреть сквозь свет. Даже на страшное. «Если б я умерла, стояла бы палка с табличкой: Андреева. Так нас хоронили, заключённых, – рассказывала она, объясняя свои воркутинские рисунки. (В Воркуте она побывала уже в начале 60-х, приехав к жившему там после освобождения другу и однодельцу Евгению Ивановичу Белоусову, тогда же ставшему её мужем). – Вид из окна барака: растёт цветок, колючая проволока и большой забор. Это эпиграф к моей жизни». Добавляла: «Жизнь в искусстве в каком-то плане более реальна, чем наша жизнь...»

Но и в брэнной реальности, если присмотреться, рядом время от времени промелькивали тени и рисовались знаки того, что Даниил Андреев называл инобытием.

Вот и вокруг наследия создателя «Розы Мира» развернулись козни и плутни. Чего стоят суды с его вдовой, едва не удавшиеся попытки оттеснить её от жгучих книг, с которыми прошла жизнь.

Всё начиналось благочинно, казалось освящённым лучшими намерениями. К изданию собрания сочинений Даниила Андреева, уже после выхода трёх томов, присоединился астрологический журнал «Урания» с главным редактором Татьяной Борисовной А. Благодаря финансированию «Урании» вышел последний том собрания сочинений. С участием А. были записаны надиктованные Аллой Александровной воспоминания, изданы. Наконец создали «Благотворительный фонд “Урания” им. Даниила Андреева», которому Алла Александровна передала авторские права создателя «Розы Мира». В ту пору она говорила, что А. больше, чем её правая рука, что они работают вместе, что это «человек – умный, добрый, тонкий, православный, причём до тонкости православный». И всё чаще, особенно – так мне помнится – с начала 98-го года, Алла Александровна с горячностью утверждала, что мы не понимаем значения фонда. Непорядочно не упоминать его,

говоря о Данииле Андрееве, как, мол, это делает организатор Андреевских чтений Евгений Потупов в «Брянских известиях». Нападала на меня за то, что недооцениваю роль фонда, не говорю о нём...

Неожиданно высказала недовольство последним томом собрания сочинений, куда мной вместо её писем включено «шестьдесят страниц лживых воспоминаний Усовой, бред Шульгина и прочее». Хотя, работая над томом, я всё делал с её ведома, советовался с ней, правда, и своё отстаивал – спорил.

Скоро стало известно, что А. очень больна – рак, а в ноябре она умерла. Отпевали её в храме Спаса на Песках, где два года назад, тоже в ноябре, в день девяностолетия служилась панихида по крещённому здесь Даниилу Андрееву. Отпевали Татьяну Борисовну отец Александр и отец Валентин (Дронов). Полнозвучно, трогательно пел хор. Алла Александровна, только что возвратившаяся из Германии, стояла, скорбно наклонив голову.

Жаль было Татьяну Борисовну, действительно служившую делу памяти Даниила Андреева. Царство ей Небесное! Как-то она сказала, что хочет показать мне стихи её дедушки, небезызвестного одесского поэта Анатолия Фиолетова, убитого бандитами в 18-м году (и тоже в ноябре, замечу я). Но этого не случилось.

Фонд продолжал работу. Подготовил и провёл научную конференцию, посвященную Даниилу Андрееву, выпустил по её материалам сборник, организовал составление описи архива поэта. Всё делалось с неизменным участием Аллы Александровны, осенялось её именем. Потом мне показалось, что в одночасье начался разлад.

Алла Александровна рассказывала, что в декабре 1999-го хозяева «Урании» без её ведома переписали устав фонда, сняли с него имя Даниила Андреева, её исключили из правления. А кроме того, новый договор, который её поторопили подписать с измученной болезнью А., передавал все права на наследие Даниила Андреева фонду. «Они мне, слепой, договор подsunули, – возмущалась она. – Ждут не дождутся моей смерти. Этот фонд теперь вроде застывшей ящерицы в ожидании добычи».

Узурпаторы авторских прав отступаться не желали. Началась война с фондом, с его новой хозяйкой Ириной А., за их возвращение. С тем же пылом и нетерпимостью, с которыми вчера утверждалось значение яонда, сегодня против него повелись открытые боевые действия.

Не зная всех подробностей и подоплек, я рассуждал прямолинейно и не юридически: по совести наследие Даниила Андреева не может принадлежать никому другому, пока жива Алла Александровна. Она была его возлюбленной, с ней писались роковые «Странники ночи», ей посвящались пророческие стихи, она вместе с мужем приняла суму и тюрьму, судилище ОСО, убийственный приговор, десятилетия хранила крамольные рукописи, неожиданно собственнически заклеимённые прямоугольной печаткой «Урании» (это её особенно возмутило)... Потому безоговорочно встал на её сторону.

В интервью «Литературной газете» Алла Александровна в сердцах заявила: «...я скажу вам такую грубую вещь: если бы в Москве открыли публичный дом с названием “Роза Мира” и Ирина А. могла бы получать от этого какие-то отчисления, её бы это вполне устроило»...

В ту пору она перенесла операцию на глазах, увы, безуспешную, и осунулась, сдала, но ничуть не сдавалась. На Андреевские чтения на Брянщину в этот раз поехать не смогла, но передала записанное на магнитофон обращение к участникам. И даже в нём не упустила возможности свести принципиальные счёты с фондом. А скоро продолжились её выступления – главное дело, как она считала, своей жизни, чтение стихотворений и поэм Даниила Андреева.

Я бывал на многих её выступлениях, не раз и участвовал в них. Помню выступление в Музее Горького на Спиридоновке 15 мая 2000 года. Минувшей осенью она мне очень хвалила разоблачительную книгу Ваксберга о Максиме Горьком. Говорила, что не зря Даниил был у него лишь один раз, с тем только, чтобы старый друг отца подтвердил, что он сын Леонида Андреева. Это оказалось нужным для получения гонорара за постановку пьесы отца во МХАТе. Но сам уютный музей в шехтелевском особняке и женщин, в нём работавших, Алла Александровна любила.

Незадолго перед выступлением она попросила зайти, чтобы обсудить очередные действия в сражении с яондом. «Они тянут, ждут моей смерти», – почти весело сообщила она. В том феврале ей исполнилось восемьдесят пять.

Чтение проходило на самом верху особняка, в изысканной молельне старообрядца Рябушинского, только-только отреставрированной. Алла Александровна читала «Ленинградский апокалипсис» – лучшую, может быть, поэму Даниила Андреева. Читала взволнованно и строго, с удивительной энергией и без запинки, стояла прямо – все помнят её балетную осанку, с горделивой простотой и артистизмом. Была музыка – контрабас и скрипка, а сверху молельни всё время притягивало взгляд весенней синевой небо в трёх узких окнах. А через несколько дней она уехала с пианистом Кандинским в Петербург – снова выступать, кажется, в университете.

Тем летом я, как и прежде, время от времени бывал у Аллы Александровны, чаще всего по её просьбе. Она не жаловалась, но и не скрывала горестей. Глаза плохи, нужна новая операция, и сердце болит. Война с фондом, а по сути, с Ириной А., говорила она, её добивает. Хотя – мне так казалось – она привыкла пребывать в воинственном настроении, это её бодрило. А тут фонд и сам перешёл в наступление – подал на неё в суд за интервью в «Литгазете». Логика в исковом заявлении в её изложении была такова: не будем возвращать права, так как их могут использовать оккультисты. Ещё обвиняли её в передаче черновых рукописей – такой понятной в советские времена – за рубеж, в архив университета города Лидса, где хранилось немало рукописей и отца Даниила Андреева, и старшего брата.

Сплошные передержки и никакой пощады старой женщине. Пусть, тогда думал я, и Алла Александровна в запальчивости бывает несправедлива, пристрастна, но она то борется за смысл своей жизни, за имя и книги Даниила Андреева, а теперешняя хозяйка фонда – за чужое, случайно приобретённое, «прихватизированное».

Война с фондом разворачивалась, и конца ей не виделось. Совсем ослепшая, Алла Александровна продолжала сама хозяйничать на кухне, бодро шаря помнящей каждую

мелочь рукой, угощала гостей чаем, пламенно обсуждала обстоятельства схватки с друзьями и юристами, диктовала письма, готовила новые программы, заучивая стихи с магнитофонной записи, ходила в театры и на концерты, неустанно выступала. Она говорила, что слепота, которой так страшилась, лишила её чтения, рисования, но сделала мудрей. На вопросы о здоровье заявляла: «Здоровья нет и не будет – будем жить без здоровья».

Начался суд, как помнится, 22 апреля 2002 года. Настораживала дата, совпавшая с днями их ареста в 47-м. Я присутствовал на суде как свидетель, а потому до своих показаний сидел в полупустом коридоре, а не на заседаниях. Потом попал в зал.

Послушав сбивчивые свидетельства, я увидел, что всех – то с возбуждённой яростью, то со стыдливими ужимками – нападавших на 87-летнюю слепую старуху объединяют некие корпоративные интересы, проще – шкурные. Все они, похоже, зависели от благополучия «Урании», сотрудничали там.

Поразили показания М., которым так недавно Алла Александровна искренне восхищалась. Её воодушевляло присутствие рядом молодого, высокого – она была равнодушна к высоким, – недурного собой мужчины, да ещё и столь красноречивого, с физико-математическим и богословским образованием, умеющего себя вести и преподнести. Что ж, всех своих врагов и супротивников втащила в дело Даниила Андреева и приблизила она сама... И не в первый раз. Вспомнилось её чуть ли не восхищение лукавым лубяным следователем, молодым, образованным, вежливым: «Алла Александровна, мы же оба русские люди...» Следователь умело подвел её к приговору: двадцать пять лет лагерей. Она сама об этом рассказывала. И все её нынешние враги были вчерашними друзьями или милыми улыбочивыми знакомыми.

М. – вальяжный, холёный, тщательно одетый мужчина, очень долговязый. В повадках его, жестах проглядывала женственная самовлюблённость. Самодовольный лекторский баритон, не просто дежурное обращение к судьбе «Ваша честь», а подчёркнуто предупредительное, почти

искательное. И всё же замечается инфантильная нервозность. Крупное постное лицо в очках говорило о желании сказать именно то, что от него хотела услышать вдохновительница сражения с негибаемой вдовой. И сказать изысканно. Он говорил о том, что фонд занимается подготовкой научной биографии Даниила Андреева, и это было ложью. Что ведётся текстологическая работа – и подтвердить это было нечем, кроме скромной архивной описи рукописей, с огрехами подготовленной сотрудницей ИМЛИ, и, конечно, при участии Аллы Александровны.

М. обвинил Аллу Александровну в том, что она настаивала на пропаганде оккультно-мистической части наследия Даниила Андреева, хотя известно, что та всегда, преувеличенно выпрямляя воззрения автора «Розы Мира», говорила о его православии, о его отрицательном отношении к Штейнеру и Блаватской...

Как раз в тот день ответчица на суде не присутствовала: заседание суда совпало с её выступлением. А назначенное выступление для Аллы Александровны было свято. Думаю, что в её присутствии М. был бы столь же велеречив, но кое-каких бессовестных заявлений поостерёгся.

«За такое просто бьют морду», – сказала Алла Александровна о речах М., назвав бывшего любимца самовлюблённым индюком. Он вёл себя подлее всех.

На следующий день продолжились показания свидетелей, точнее свидетельниц. Они говорили нестройно, одни петляли, другие путались: такова уж диспозиция разбирательства – с одной стороны, непорядочность, с другой – горячность. Одна из свидетельниц, младший редактор «Урании», заявила, что ужасно оскорблена словами Аллы Александровны, задевающими фонд, где собрались «очень-очень порядочные люди», и стала предполагать, что та резко переменяла отношение к фонду после того, как стало известно «дело» Даниила Андреева, где в одном из протоколов его женой называлась Усова. Над этими домыслами можно было бы посмеяться... Но вслед адвокатша фонда с пафосом зачитала определение слова «вдова» из словаря Даля и сделала победительный вывод, что Алла Александровна Андреева вовсе не вдова Даниила Андреева.

Та сидела молча, казалось, невозмутимо, и только иногда её щеку в продольных морщинах подергивал тот нервный тик, к которому знавшие Аллу Александровну привыкли.

Представительницы фонда неустанно говорили о своей большой работе (сводившейся главным образом к нескольким отнюдь не безубыточным изданиям и к перепечаткам «Розы Мира»), опять упоминая брошюру с описью архива... Их адвокатша уверенно продолжала язвительные наскоки, задавая свидетельницам такие, например, вопросы: «Искренняя ли женщина Алла Александровна?..»

На одном из заседаний судья, плотная женщина с равнодушным и недоверчивым лицом, спросила у Аллы Александровны об актрисе, кукольнице, тоже связанной с фондом, как та читает стихи Даниила Андреева.

– Плохо, как все актеры. Это все знают, что актеры плохо читают стихи, – с простодушной откровенностью отвечала та.

– Ну а кто же кроме актеров может хорошо читать стихи? – резонно заметила в ответ судья, которой не полагалось знать, что поэты не принимают актерского чтения стихов.

– Мне неловко на этот вопрос отвечать, – с видом смущённой девочки повела плечами Алла Александровна, – но все знают, как я читаю стихи Даниила Андреева...

Результаты суда оказались неутешительны. Иск фонда, не весь, но в существенной части, был удовлетворен. Правда, пока это никак не касалось главного предмета – прав на наследие Даниила Андреева.

В дальнейших военных действиях главную роль уже играли юристы. И Алла Александровна продолжила борьбу, овевшую треволнениями её закатные годы. Она переживала за судьбу дела Даниила Андреева, только им и жила. Поэтому бескорыстных друзей у неё оказалось, я думаю, куда больше, чем корыстных недругов.

Не успокаиваясь, она периодически что-то предпринимала. В сентябре того же года снималась предполагаемая телепередача о тяжбе с «Уранией» за авторские права. Чтобы снять сюжет на 4 минуты, ушло часов пять. Бодрость и

выносливость 87-летней воительницы восхищали. Съёмки закончились поездкой на могилу Даниила Андреева на Новодевичьем. Ограда могилы, где похоронены и его мать с бабушкой, и последний муж Аллы Александровны, Евгений Иванович Белоусов, сообщила она, сделана ещё хлопотами самого Даниила Леонидовича.

Постояли мы и у скромной могилы Добровых–Коваленских, находившейся совсем рядом. Алла Александровна опять вспоминала – с ремаркой «это надо забыть» – о пропавшей шкатулке с драгоценностями Екатерины Михайловны, тети Даниила Андреева, которые один из родственников должен был ему передать. Но вечером нести шкатулку побоялся, а на другой день она исчезла... Ещё припомнила, что когда вернувшийся с фронта Даниил спросил у Коваленского, где похоронена Екатерина Михайловна, тот ответил – не знаю... Рассказы эти были отголосками давней коммунальной жизни с Коваленскими... Тогда же, говоря о Вадиме Андрееве, она заметила, что, в противоположность Даниилу, тот был абсолютно лишён ощущения мистического...

Затем Алла Александровна занялась доработкой своих воспоминаний для второго издания. Помогал ей Александр Палей, приходивший и садившийся за компьютер. А я во время наших встреч старался её о чём-нибудь выспросить и всякий раз узнавал что-то новое для будущего жизнеописания поэта, за которое никак не мог приняться.

Когда я прочёл ей предисловие к её воспоминаниям, она была довольна, но смущённо заметила, что называть её красавицей было бы преувеличением. Книгу «Плаванье к Небесной России» я отвёз в издательство «Аграф», в нём главным редактором оказался Алексей Васильевич Парин – сын сокамерника Даниила Андреева.

Но борьбы Алла Александровна не оставляла и вскоре показала письмо к Президенту по поводу попыток вернуть авторские права, подписанное Фоменко, Кублановским, Москвиным-Тархановым и ещё кем-то... А главное, несмотря на слепоту, она была полна планов и жизненной энергии, закусывала и чай пила с удовольствием, говорила с азартом, отстаивала своё, спорила. Никакого старческого уныния.

Летом 2003-го Алла Александровна отдыхала у друзей в Крымской обсерватории под Симферополем. И вернувшись, рассказывала, что люди там ещё не могут опомниться от того, что они теперь не Россия, что обсерватория Украине не нужна, что астрономы торгуют открываемыми звёздами, одну из которых назвали именем жены бизнесмена, давшего деньги на какой-то обсерваторский ремонт.

Её жизнь эти последние годы была всё время наполнена. Продолжались поездки и выступления. Готовились книги. И не только Даниила Андреева. Она приняла самое прямое участие в подготовке избранного незаурядного религиозного поэта Александра Солодовникова, издававшегося её давним другом Андреем Олейниковым. Я тогда, кроме всего прочего, занимался книгой о поэте – «Путешествие с Даниилом Андреевым» и тоже советовался с ней. У неё дома, в Брюсовом переулке, почти всякий раз, когда я заходил, кто-нибудь да сидел за овальным столом у дивана, над которым висел её лазурный пейзаж – пейзаж из Горячего Ключа, где завершалась «Роза Мира». «Там я закопала её рукопись», – рассказывала она.

Ещё летом 2004 года Алла Александровна стала не только думать о предстоящем столетии со дня рождения Даниила Андреева, но и предпринимать определённые шаги. Главным, что мы с ней обсуждали, была подготовка нового собрания сочинений.

В феврале, 25-го, следующего года ей исполнилось девяносто. Дом заполнили гости, приходившие и уходившие. Алла Александровна была полна обаяния и бодрости, выпила водки, трогательно чокаясь с Петром Наумовичем Фоменко, сидевшим рядом... А уже 28-го выступила на вечере, посвящённом 100-летию Виктора Михайловича Василенко, друга Даниила Андреева, рассказывала, называя Витей, как они встретились после лагеря, хлопотали о реабилитации.

В марте был подписан с издательством «Русский путь» договор на издание собрания сочинений Даниила Андреева, пока договор о намерениях.

Помню её последнее выступление на вечере в Доме литераторов, посвящённом поэзии фронтовиков. Она

выступила первой, сказала короткое слово о войне, об Андрееве-солдате, прочла отрывок из «Ленинградского апокалипсиса». В тёмном длинном платье она выглядела замечательно, читала воодушевленно. После вечера передала своё предисловие к «Путешествию». Мы условились, что я зайду к ней в начале мая, после Пасхи.

Утром 1 мая раздался страшный звонок: Алла Александровна в ночь на 30-е погибла в пожаре. По Москве полетели слухи. Загорелось ночью, в кухне, видимо, от проводки. Её нашли лежащей у входной двери, которую она не сумела открыть, – задохнулась. Неизвестно, уцелел ли архив – что погибло, что уцелело.

Через день, 3 мая утром, все, кто пришёл проститься с Аллой Александровной Андреевой, собрались у ритуального зала Боткинской больницы.

Гроб перенесли на отпевание в соседний храм – Храм-памятник русской скорби на Ходынском поле в честь Ватопедской иконы Божьей Матери, именуемой «Отрада и утешение»... Это не всё название, оно ещё длиннее. Наверное, не случайно её отпевали в нём. Потом я узнал, что храм был построен для стоявших рядом войск, среди которых была артиллерийская бригада графа Брюса. Алла Александровна жила в Брюсовом переулке.

Голос молодого черноволосого, рослого, крупного священника звучал музыкально и торжественно – светлая седмица. Алла Александровна лежала в гробу с закрытым и – мне это всё время чудилось – обугленным лицом.

Похороны отложили: чтобы похоронить на Новодевичьем, требовалось особое разрешение мэрии. После отпевания отправились на поминки в театр Фоменко. Лучшего бы и Алла Александровна, так мечтавшая не только в девичестве, а даже и в лагере стать актрисой, не пожелала.

Первое слово сказал хозяин театра. Потом говорил давнишний её друг, отец Валентин, напомнивший, что также от огня, от свечки погиб Серафим Саровский. Следом – Николай Николаевич Браун, потом Владимир Махнач, со своим всегдашним трубным витийством. Он знал Аллу Александровну лет тридцать... Тихим усталым голосом говорила Смирнова (племянница Вольпина, однокамер-

ника Андреева.). Вспоминала, как во время московского фестиваля возила Андреевых к своим родственникам в деревню, в Тульскую область, где они пожили две недели. Андреевых, как освободили Даниила Леонидовича, попросили убраться из Москвы. Алла Александровна тогда была тоненькая, лёгкая...

Говорили многие. Когда включили запись чтения Аллы Александровны и её голос зазвучал над поминальным застольем, непросто было удержаться от всхлипа и слезы.

Среди поминок пришло известие, что Лужков разрешил захоронение в могиле Даниила Андреева на Новодевичьем. Как ни странным это могло показаться на поминках, но закричали дружное «Ура!». Правда, я вспомнил давнюю странность – Алла Александровна на похоронах мужа была в белом платье...

А её похороны состоялись ещё через день, 5 мая. Служил отец Валентин. Вокруг могилы сошлась немалая толпа, зажигались свечи. Сегодня пришли и те, кого на отпевании у Боткинской я не видел, – Андрей Битов, Евгения Кузьминична Дейч... И ещё многие, знакомые и незнакомые.

После похорон я говорил себе, что пора перестать жить с легкомысленным ощущением, что ещё успеется, что в запасе завтра и послезавтра. О многом я Аллу Александровну расспросить не успел, всех бумаг её архива, кажется, не просмотрел. В ту апрельскую среду, когда навещал её в последний раз, следовало бы взять машинопись «Русских богов», как она мне и предлагала, когда я сказал, что для собрания сочинений необходимо заново сверить тексты. Но решил, что возьму в следующий раз, уже в мае.

Прошло столетие со дня рождения Даниила Андреева, о достойном проведении которого она хлопотала до последнего дня. Состоялась научная конференция, были вечера, публикации. Вышло новое собрание сочинений, книги о поэте.

По-своему отметили юбилей и враги вдовы. Они издали сборник Даниила Андреева «Неизданное». В нём, где действительно неизданного присутствовало мало, ударными были тексты безнадежно влюблённой в поэта женщи-

ны, обличавшей счастливую соперницу, собравшей слухи и наветы. Наверное, ради этого и выпустила книгу злопаятная хозяйка астрологического издательства, найдя старательных помощников.

Не один раз Алла Александровна говорила, не называя имен: «Они ждут, чтобы я умерла, и тогда можно будет говорить что угодно. Никто ничего не опровергнет». И с азартом заявляла: «Но я их всех переживу!»

Однажды, и как раз в годовщину смерти Даниила Андреева, мне приснилась Алла Александровна чем-то недвольная. Я – во сне – вручил ей вышедший четырехтомник, и она тут же стала в нём что-то относящееся к себе зачёркивать. Но что – я не разглядел и пока не разгадал.

И ещё. Я уже потом это вспомнил. Когда мы ходили с Аллой Александровной к редакции «Русского пути», – в наш первый туда визит в связи с изданием собрания сочинений, – на углу я заметил светящуюся красным вывеску «ISTAR» и вспомнил из стихотворения, ей посвящённого: «Буду сброшен в геену – Ты ворвешься за мной, как Истар...» Истар, аккадская богиня плодородия и любви, была воительницей и в преисподнюю тоже спускалась.

Над нами сверкнула, кажется, вывеска фитнесклуба «ISTAR». Но нет, это явный знак оттуда.

Через год московское радио сообщило: «Горела квартира в доме номер пять по Малому Левшинскому переулку. Хозяйка квартиры восьмидесятидевятилетняя женщина отравилась угарным газом... По предварительным данным, причиной пожара стала неисправная электропроводка». Видимо, руки тьмы действуют по чьей-то наводке, но незряче, на ощупь, а потому, чтобы не промахнуться, лишний раз ткнулись в Малый Левшинский, по давнему адресу Даниила Андреева и его вдовы.

2011

Марина ТИМОНИНА

Огненное Сердце

Путешествие в Монголию

с Аллой Александровной Андреевой

Вышесказанная земля расположена
в той части востока, в которой...
восток соединяется с севером...

Джованни дель ПIANO Карпини.

История Монголов

У всякого путешествия есть своё преддверие. В нашем путешествии в Монголию с Аллой Александровной Андреевой в 1989 году их было несколько.

Я знала Аллу Александровну с 1977 года. В дом Аллы Александровны и Евгения Ивановича Белоусова на ул. Неждановой, д. 4, кв. 59, 7-й этаж (ныне Брюсов переулок) меня привел её друг и первый издатель «Розы Мира» – Игорь Борисович Сабуров. В 1976 году на свои деньги И.Б. впервые издал «РМ»: зелёная бумага, ротاپринт с машинописного оригинала, 200 экземпляров.

Позднее кое-кто ругал это издание за купюры (были изъяты опасные фрагменты о Ленине–Сталине). Эти критики быстро «забыли», что и в промежуток между 1970–1980 годами можно было запросто получить лагерный срок (по примеру наших общих друзей)! Так, лучшие друзья А.А. – петербуржцы Михаил Юханович Садо и Николай Николаевич Браун – как раз о ту пору отбывали свои сроки по суровым статьям (монархическая идеология трактовалась как госизмена). Первое издание «РМ» было проявлением абсолютного доверия А.А. к Игорю Сабурову. Они оба были уверены друг в друге: один другого не сдаст! Так и вышло! Подчеркну: именно оттуда, «из зелёного ротапринта», «Роза Мира» начала своё шествие по России!

В ту памятную первую встречу Евгений Иванович подарил мне замечательную куклу, которая прошла с ним

через последние лагерные годы и жила в ссылке: кукла была из соломы, синий сарафан, красная косынка, а звали куклу – Марина... Алла же Александровна сразу дала «на дом» почитать книгу его отца – писателя Ивана Белоусова – «Ушедшая Москва» (1928 года издания).

К моей великой грусти, Евгений Иванович очень скоро умер. Вот как написала сама Алла Александровна в книге «Плавание к Небесному Кремлю»: «...умер Женя, как ребёнок, не поняв, что умирает. ...В предсмертном бреде он тихо-тихо говорил: “Как красиво! Как красиво в церкви! Как много священников, свечи горят, как много людей в церкви. Праздник. Большой праздник, Духов день”. В том году – 1977-м на Духов день пришёлся сороковой день после Жениной смерти».

От себя я добавлю: Евгений Иванович был человек светлейший. Алла Александровна вышла за него замуж не только потому, что хотела «вытащить» его из Воркуты, откуда было невозможно выехать в Москву и вообще в среднерусскую Россию после лагеря и ссылки. Но и потому, что Евгений Иванович попросту очень нравился ей, притягивал к себе тёплым юмором, благородством, общностью судьбы – был просто красивым, внешне эффектным человеком.

С той памятной встречи, с куклы и книги начались мои постоянные походы к Алле Александровне. Чаще всего – ночные. В 1977 – 1979-м я приходила в гости к А.А. после 11 часов ночи, где встречала таких же полуночников. Чаще всего – Володю (Владимира Леонидовича) Махнач (тогда – экскурсовода по историческим местам Москвы, в будущем – известнейшего культуролога). С ним вели яростные и страшно глупые споры, например – «кто лучше»: Цветаева или Ахматова? Я была «за тезку». Махнач – «за Ахматову».

Как-то я привела в гости Валентина, в скором будущем – о. Валентина Дронова. Сегодня он настоятель Церкви во Имя Владимирской иконы Божией Матери в селе Быково Раменского района. В 1980-е он построил церкви в Белгородской области и Барнауле. Позднее А.А. ездила к о. Валентину в «его» церкви в город Раменское и село Быково под Москвой. А в мае 2005-го о. Валентин отпевал

Аллу Александровну и служил Литию на Новодевичьем кладбище.

Почему я предваряю рассказ о путешествии в Монголию столь долгим вступлением? Да потому, что именно монгольский сюжет оказался одним из перекрестков, где заново сошлись многие нити судьбы А.А.

Вернусь к 1977 году. Что было главным в квартире А.А. кроме икон и людей – и что запомнилось навсегда?

Белые стены кухни-столовой с видом на золотые купола Кремлевских соборов. Казанская икона Богородицы – позже А.А. прикрепит к ней шёлковую тёмно-красную розу, которую я подарю ей на Пасху.

Из большой комнаты открывался тот же незабвенный вид на кресты-купола. Лаконизм комнаты был в духе А.А. Над узким диванчиком висел пейзаж (масло) «Горячий Ключ». А.А. написала его с натуры, здесь был схран одного из экземпляров «Розы Мира».

Слева от двери, ближе к окну, стояли «углом» письменный стол и книжный шкаф. Торец шкафа и стена образовывали замечательное пространство, где «сошлись» дороги А.А. люди и символы: икона «Благоуханный Цвет». Бумажные иконки Царя-Мученика Николая Александровича и Святого Серафима Саровского. Фотография Царской семьи: Царь, Царица-Мученица Александра Феодоровна и их Мученики-дети...

Мы видим это заповедное место на фото А.А. 1970-х годов, а я и на фотографии Энхбаяра Намбарына, моего друга, который в 1988 году пригласил меня и мою крестную в Монголию.

Здесь, в этой комнате рядом с «Горячим Ключом» и иконами Царственных Мучеников, возник и план нашего путешествия в Монголию.

Здесь – снова отступление. В мае 1988-го я, аспирантка Литературного института им. А.М. Горького, попала в Монголию после многолетнего перерыва вместе с делегацией писателей. Мы мгновенно подружились с Энхбаяром, тогда – заведующим международным отделом в Союзе писателей МНР, выпускником Литинститута.

Перед тем, зимой, Энхбаяр прилетал по работе в Москву. Я привела его к Алле Александровне. Она так увлеклась идеей поездки в Монголию, что оставила Энхбаяра у себя в гостях на все дни его командировки. А меня оставила ночевать на диванчике на «кухне». И не отпускала потом целых три года! Пришили «булавкой к юбке» – как бабушка Настеньку в «Белых ночах».

(Я забросила свою квартиру на Большой Якиманке, квартиру деда в Медведкове, квартиру родителей на Фрунзенской набережной – и приобрела новых друзей, потеряв многих прежних. Сбежала я от А.А. только в 1992 году, устав от её властности и своеволия. И только спустя много лет поняла, насколько она была права в своих оценках людей, насколько верно видела будущее! Насколько её «редактура» моей судьбы была верной и тонкой.)

...Энхбаяр в тот первый зимний заезд к А.А. жил в «маленькой» дальней комнате с балконом. Умещался на узком кресле-кровати, под которым стоял чемодан с рукописью «Розы Мира», другими рукописями и автографами Даниила Леонидовича. (В будущем на этой койке три года проспала я.)

Здесь же, у стены напротив «койки» – на верхней «плашке» «чешских» книжных полок (были в любой московской квартире) – лежала старинная монгольская молния-ваджра, принадлежавшая Даниилу Леонидовичу. Стоял натюрморт «Казанская икона Богородицы и красная роза» (масло, автор А.А.). А на стене повыше – фотография Даниила Леонидовича.

Итак, в гостевой комнате А.А. мирно соседствовали монголо-тибетская ваджра, натюрморт с Иконой и сам Энхбаяр Намбарын.

Он и пригласил нас приехать в Монголию. Алла Александровна загорелась сразу.

Аллу Александровну Монголия притягивала по ряду причин: прежде всего, она была неутомимый путешественник.

Но ехать, как мы знаем, можно «на все четыре стороны». Однако в свои 74 тогда года Алла Александровна решила ехать в Монголию – потому что «Д а н и л х о т е л

увидеть только две страны – Исландию и Монголию! Едем в Монголию!»

Сказано – сделано.

Энхбаяр устроил нам вызов (приглашение). При этом в соответствующих графах написал, что я – его сестра (!). А Алла Александровна – тётя его сестры! Фокус удался. В августе 1989 года Алла Александровна и я «взошли» в купе-люкс поезда «Москва–Пекин» и ехали пять с половиной суток до Улан-Батора.

Дорогой мы не скучали. Тогдашний СВ позволял работать: обе «лавки» располагались внизу, напротив друг друга, разделял их стол, места было много – и возможностей работать больше, чем в Москве.

А.А. делала наброски медовой пастелью и карандашом.

Я увлеклась «путевыми заметками». Ведь мы ехали по Великому Транссибу, а за окнами плыла Мать-Россия и проплывали наши люди, бойкие, ушлые и выносливые. Одни названия станций и полустанков – уже были «музыкой сфер»!

Вез на перронах наш дальний поезд встречали продавцы чего-нибудь замечательного, что водилось только в этой точке России. Алла Александровна выходила к ним за покупками и лихо торговалась, что, кстати, продавцам очень нравилось. Город Данилов – огромные связки лилового лука. Иркутск – вареная картошка с укропом в газетных кульках. Станция Слюдянка на Байкале – соленый омуль – опять в газетах. Омуль был золотисто-розоватый, как старинный вокзал Слюдянки, построенный Царём и по какой-то случайности не уничтоженный в советское время. А чего стоили обеды из вагона-ресторана! Их приносили нам в купе в алюминиевых «трехэтажных» судках: борщи... пюре с котлетой... А чай в подстаканниках не расплескивался даже на крутых ночных виражах, когда поезд наращивал скорость.

*

С картошкой и омулем, связкой лука, с огромными тюками подарков (московские конфеты, батоны копчёной

колбасы, водка, гжельские чашки, сигареты, эмалированные кастрюли, алюминиевые солдатские миски, две брезентовые военные палатки – это ещё малая часть нашей «контрабанды») – вот так прозрачным ранним августовским утром мы вплывали в столицу Монголии Улан-Батор.

На перроне в Улан-Баторе нас встречал Энхбаяр (он был тогда замминистра культуры). И – чёрная «Чайка», на которой ни прежде, ни после нам с А.А. уже не доводилось ездить. Всё было честь по чести и высшему пилотажу! «Чайка» привезла нас в квартиру Энхбаяра, к его жене-раскрасавице Цолмон и сыну Батшугару.

Квартира была в новом доме, на 11-м этаже. Пахло краской. Лифты ещё не работали – но А.А. быстрее всех летала по лестницам подъезда.

Вот так, на лету мы двигались потом и по Улан-Батору.

Уже не на «Чайке», которая так же улетела после первой встречи. А – на троллейбусах, главном общественном транспорте того времени. Втискивались мы туда так: Алла Александровна «ударом кулака» вбивала меня в дверь, отбрасывая толпу, и успевала следом «вбиться» в троллейбус сама. Такси не было, как не было и бензина.

Улан-баторскую часть путешествия мы осваивали сами. Музеи истории природы... истории Улан-Батора... изобразительных искусств...

Созерцание окрестных гор, синих на рассвете, лиловых на закате...

Знаменитый базар – на холме-«высотке» возле телевышки. Алла Александровна купила там кольцо с кораллом – прямоугольный розовый крупный коралл в зубчатой оправе из серебра, – позднее она подарила его мне, как и коралловые серьги и старинные закарпатские коралловые бусы...

Успевали мы и в магазины. От главного – «Улсын Их Дэлгуур» (ЦУМа и ГУМа в одном флаконе) на проспекте Мира – до маленьких лавок, где не было ничего, кроме хлеба, сахара и соли. И книжных – где продавалась только «Лолита» Набокова... (На «Лолиту» Алла Александровна фырчала, а вот «Подвиг», «Дар» и стихи любила.)

В магазинах Улан-Батора не было даже баранины – потому что вихрь перестройки спалил Монголию ещё раньше, чем Советский Союз...

А.А. была одним из редких людей, наделённых даром полного, воистину ясного видения. Ещё по дороге в Улан-Батор в вагоне она разговаривала с возвращавшимися из летних отпусков советскими офицерами. Они ехали в Монголию, в свои части и гарнизоны, «паковать вещи» – и открыто говорили о предательстве советской партверхушки.

Важно: взгляд на свершавшиеся события совпадал у советских офицеров (скорее всего – членов партии) и у Аллы Александровны Андреевой. Матерого врага советской власти, единомышленницы и друга таких людей, как Игорь Вячеславович Огурцов, Михаил Юханович Садо (оба – ВСХСОН, 20 и 13 лет заключения за русскую монархическую идею во времена «оттепелей»). И офицеры, и Алла Александровна считали, что под видом перестройки продолжается уничтожение исторической России.

Идейно же Алла Александровна вообще была на стороне НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов – политическая организация русской эмиграции). Алла Александровна поддерживала тот настоящий, боевой НТС 1930 – 1950-х годов, но не его профанацию середины – конца 1990-х. Но об этом – когда-нибудь позже.

Отвечая на вопросы Аллы Александровны, офицеры объясняли, что как раз монголы – резко против вывода советских войск. И что идеология разрушения сложившихся связей шла «от Москвы». Многие же монголы держали оборону, не ликуя по поводу того, что зашатался великий северный сосед. Практически мы продвигались тогда по Монголии, разъединённой надвое. Одни тупо и беспомощно защищали достижения «коммунизма» и оправдывали все преступления. Другие – нагло и тупо возлагали на русских все ошибки и поражения XX века.

*

Сейчас, в декабре 2014 уже года, обнаружила несколько страниц из разных записок о тёплых русско-монголь-

ских встречах и переживаниях 1989 года. Алла Александровна, к слову, читала и эти страницы, и весь мой очерк. Справедливо ругала за «литературщину». Но какие-то отрывки ей даже нравились.

Во время путешествия (оно длилось месяц) более двух недель мы ездили по Монголии. «Накрутили» три с половиной тысячи километров. Много это или мало?

...Мы увидели великие места: озеро Хубсугул на севере Монголии.

Водопад в Хархорине.

Ставку чингизидов там же, в Хархорине, в монастыре Эрдэни-Зуу...

Не города и веси – а закаты, горы, реки, степи и озёра, пресные и солёные, сменяли друг друга.

Вместе с нами на боевом «газике» (шофер-монгол за рулём) трудности бездорожья преодолевали жена Энхбаяра Цолмон и малютка Батшугар (самый стойкий путешественник, хотя ему едва исполнилось два года).

Энхбаяр проложил наш маршрут именно как путь от современной Монголии к исторической и обратно. (В будущем окажется, что этот путь касался и нашей России.)

Он закодировал в самом нашем путешествии, то есть в настоящем времени, прошлое и будущее Монголии. Ещё раз подтверждая, что для настоящего ламаиста судьба разворачивается в вечном времени – шунгята, – которое вмещает в себя прошлое, настоящее и будущее одновременно.

Монголия – страна, которую многие представляют как степь и даже полупустыню, ориентируясь на Гоби.

В реальности Монголия – это гигантское горное плато, вмещающее высокие белоснежные горные хребты, мягкие складки холмов, леса на севере и чёрный камень на юге (Гоби – каменная, а не только песчаная пустыня), озёра и реки, водопады, безводные пространства...

Но Энхбаяр выбрал дорогу не в сторону «экзотики» – пустыни Гоби, куда по традиции рвутся все приезжающие. Он выбрал нам «путь к себе» – на север и северо-запад Монголии, то есть «курс на Россию», которая пряталась за лесами и горами...

Недаром путешествие по Монголии мы начали с возвращения к границам России: сначала город Мурэн, затем ещё севернее – озеро Хубсугул.

И только потом мы делали автомобильные и авиа-петли и виражи на юг, затем на восток и снова в Улан-Батор. Наше путешествие было настоящим прорывом сквозь культурно-исторические слои.

Хужирт, огромная долина в оправе синееющих вдали гор, пронизанная разветвлёнными целебными источниками и узко ветвившейся речкой...

...Хархорин, родовое гнездо Чингизидов, ставка его потомков... Монастырь Эрдэни-Зуу тогда ещё не действовал, чудом уцелел как музей...

Но Энхбаяр уже тогда, указывая рукой на белоснежные монастырские стены – 108 субурганов по периметру, твёрдо говорил – как о свершившемся, – что монастырь будет действовать и в него придут ламы... (Так и произошло спустя считанные годы благодаря его личной энергии.)

Алла Александровна сделала несколько прекрасных натуральных рисунков храмов и белокаменной стены субурганов в Эрдэни-Зуу. Они хранятся сейчас в Музее Востока.

После возвращения в Улан-Батор Энхбаяр повёл нас в главный монастырь Монголии Гандантэгчинлинхийд, расположенный на высокой горе и видимый из всех точек города. Монастырь на 1989 год был единственным действующим из уцелевших десяти монастырских комплексов Монголии.

В 1930-е годы brave молодцы, грабившие, уничтожавшие церкви и монастыри и подавлявшие православный народ по нашим городам и весям, продолжили, с не меньшим коэффициентом мерзости, грязное дело в Монголии. Там красные кхмеры сожгли более 760 (семисот шестидесяти!) монастырей, все содержимое которых (прежде всего, золотую и серебряную храмовую скульптуру и утварь) вывезли через СССР в неизвестном направлении, по ряду источников – в Германию и Швецию. Ламы – а они составляли одну треть мужского населения страны – были уничтожены

под предлогом борьбы с религией. А на деле – как владельцы и хранители этих колоссальных богатств...

Тогда на монастырской «высотке» 1989 года, вместе с Аллой Александровной мы прошли через ряды молитвенных барабанов.

Подошли к белоснежному храму Мигжэджанрайсиг. Ветер трепал шёлковые лоскуты и флажки на высоком деревянном столбе. Энхбаяр указал рукой: «Храм построен во имя Будды Милосердия и в знак освобождения от Китая в 1911 году... Император Николай Александрович лично пожертвовал 50 тысяч золотых рублей на создание статуи Будды Милосердия – она была колоссальной. Серебро... слой позолоты... драгоценные камни. Один только природный рубин на челе Будды диаметром был в 30 см. В 1941 году под предлогом помощи Ленинграду статую демонтировали и вывезли в направлении России, предполагалось её переплавить на гильзы для патронов... Но в России её следов не нашли...» И продолжил: «Будда Милосердия вернется на место!..»

Энхбаяр сдержал слово. Задолго до своего прихода на высшие посты руководителя Монголии – сначала премьер-министра, затем главы МНРП (Монгольской Народно-революционной партии), а потом и Президента Монголии – он завершил начатое ещё в молодости.

Монастырь Эрдэни-Зуу стал действующим.

В белоснежном каменном храме в улан-баторском Гандане стоит колоссальная статуя. Нет, прежнюю не удалось отыскать. Но она была воссоздана по старинным фотографиям – и золотой Будда Милосердия снова царит над Ургой.

А вот Чистую землю, которую видели во время путешествия, восстановить не удалось...

В Булгане, на юго-западе от Улан-Батора, Энхбаяр показал нам гору. Гора и гора – голая такая гора. Но оказалось – бывшая Чистая Земля Будды Амиабхи, Будды бесконечного света и сострадания.

На этой горе и был выстроен когда-то буддийский Рай. Люди, животные, храмы, деревья – из дерева и метал-

ла, все в натуральную величину, вниз стекали речки... Чистая Земля, материализация рая, была уничтожена в 30-е годы.

Вместо неё в центре Булгана стояли клубы пыли от цементного завода, опыляющего округу.

Позднее, в 1991-м, Алла Александровна проводила меня и Энхбаяра в Петербург – в продолжение нашего путешествия 1989 года. Мы ехали искать статую Мигжэджанрайсига, что пообещали, стоя на ветру на площадке перед храмом.

В Казанском соборе Энхбаяр показал мне буддийскую экспозицию. Центром её был макет буддийского рая, «Чистая земля»: под стеклом, в подсветке, площадью в 8–10 квадратных метров, – имитация горы с растениями, людьми, животными, постройками.

Теперь я знала, как выглядела Чистая земля!

Кого мы в Монголии постоянно вспоминали и цитировали? Прежде всего – Николая Гумилева.

Это Гумилев написал лучше всех о нашем путешествии:

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось – идем мы годы,
Казалось порою – лишь день один.

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге тайном.
И было сладко, как никогда.

(«Возвращение»)

Впрочем, строки Иннокентия Анненского были тоже «про нас»:

Священнодействовал базальтовый монгол,
И таял медленно таинственный глагол
В капризно созданном среди музея храме...
(«Буддийская месса в Париже»)

Ламы, которых мы видели в столичном монастыре, и были эти базальтовые монголы.

*

А ещё – путешествие по Монголии было исторически-провиденциальным...

Перед нами разворачивались космогонические картины: синие и лиловые граниты гор в Мурэне, тёмно-серый гранит гор и синие горечавки на берегу озера Хубсугул.

Белоснежные субурганы Хархорина.

Алла Александровна в сине-золотом сумраке ранних вечеров уходила разговаривать с каменной черепахой, голова которой была пропитана жиром и маслом столетий (так монголы оказывали почтение этому древнему стражу долины).

Национальный праздник Наадам – его мы встречали в окрестностях города Булгана, где под вихрь степного ветра шли скачки, состязания лучников и борцов.

Алла Александровна была заморожена парящими, как лебеди, борцами, способными единым броском завоевать самые высокие титулы, и радовалась победе Стального Сокола, одолевшего в бою тяжёлых противников...

Профессиональный художник, Алла Александровна везде бралась за свои альбомы (рифлёная французская бумага из настоящего «Парижу»! и медовая пастель – такую делали немцы), – благодаря её рисункам наша поездка запечатлелась материально.

К слову, то путешествие ещё раз подтвердило вневременность Монголии: хотя мы снимали на два фотоаппарата, все пленки засветились – они одинаково сдохли в улан-баторской и в московской лаборатории.

А вот монгольские рисунки Аллы Александровны уцелели: монастыри Чойжин-ламын Сум и Гандантэгчинлинхийд в Улан-Баторе, Эрдэни-Зуу в Хархорине...

Ночные стоянки с кострами и кипящим котелком в сердцевине бескрайних долин или в лесу из корабельных лиственниц... Летящие кони с всадниками-малютками от 4 до 7 лет в полубудённых шлемах на скачках...

Несколько зарисовок, где есть Энхбаяр...

Среди костров, лиственниц, юртовых застолий затерялась и я (меня можно узнать по темно-красной жилетке,

которую Алле Александровне подарила Ольга Вадимовна Карлайл, дочь Вадима Андреева и племянница Даниила Леонидовича. А.А. передарила её мне – под цвет сумки, которую подарила мне Ольга Вадимовна. А я подарила Алле Александровне такого же цвета шарф из гобийской шерсти, Ольге же Вадимовне – ручной росписи броши. Такой круговорот вещей в природе обожала Алла Александровна, всегда стараясь пристроить нужную вещь к подходящему под эту вещь человеку).

Сегодня вся эта серия замечательных рисунков находится в Музее Востока, где искусствовед Светлана Хромченко бережно курирует коллекцию, переданную в дар музею Аллой Александровной.

Великая же Татьяна Христофоровна Метакса стала инициатором выставки работ «Путешествие в Монголию – 1989», которая прошла в Музее Востока в 2005 году, уже после трагической гибели Аллы Александровны.

Продолжу. Всё путешествие 1989 года было выстроено по принципу откровений и открытий. Но поняли мы это только позднее, по прошествии времени.

Мы двигались всё дальше, то на восток, то на север, прорываясь на «уазике» сквозь горно-степные дороги между озером Хубсугул и Селенгой. Мягкие холмы... Ивы по берегам рек... Мелкая галька берегов... Поля серебряных эдельвейсов и синих дельфиниумов на холмах и по берегам рек. Энхбаяр не уточнял новое место назначения – мы просто насквозь рассекали великое пространство.

Преодолевая одну преграду за другой – горные перевалы... Селенга... мы попали в огромную долину среди дымчатых далёких гор – в самое сердце долины, где стояло несколько юрт (райцентр!).

Подъезжаем к юртам, выходим из «уазика». Энхбаяр идёт вперёд, отсутствует какое-то время, выходит не один. Смотрю – и глазам своим не верю, – навстречу мне от юрты идёт человек, который смотрит на меня и тоже глазам своим не верит!

Оказалось, Энхбаяр осуществил этот петельный вираж на сотни километров для того, чтобы я могла повстре-

чаться с моим товарищем по институту, однокурсником, талантливым писателем Намсрайном Дамбадоржагийном!

Мы гостили в юрте Намсрайна недолго, часа полтора – но эта радостная встреча была одной из самых душевных и сердечных среди тёплых и горячих монгольских встреч.

Алла Александровна сделала набросок: племянник Намсрайна (1 год 8 месяцев от роду) пытается взобраться на лошадь...

Важно! Путешествие в Монголию, страну буддизма, проясняло и укрепляло христианский смысл нашей жизни.

После нашего путешествия в Монголию, в 1990-м, ещё как замминистра культуры, Энхбаяр во время одной из командировок в Москву снова жил дома у Аллы Александровны. Вместе мы поехали в Данилов монастырь (уже был резиденцией Патриарха Алексия II). Как сказала тогда Алла Александровна, – в «собачий мороз» (было ближе к 40).

В Даниловом нас встречал наш о. Валентин (Дронов), в те времена насельник монастыря.

Энхбаяр начал переговоры о возможности восстановления в Улан-Баторе православного храма и прихода (были уничтожены в 1930-е годы). Монголы готовы были взять на себя самое тяжёлое – строительство и просили об одном – образовать приход, дать священника!

Замысел был непростой, многолетний.

Благодаря общим усилиям спустя годы в Улан-Баторе был воссоздан Троицкий собор, прислан батюшка, образован приход – всё произошло и завершилось по замыслу и тщаниями Энхбаяра, который на посту Президента Монголии в 2006 году завершил начатое дело.

Троицкий собор в Улан-Баторе – это память о всех русских, живших в Монголии, но прежде всего об Алле Александровне, чей поход в Данилов монастырь вместе с Энхбаяром стал первоначальной точкой возрождения.

Отрывки из очерка о Монголии «Путешествие с закрытыми глазами»

Мы вошли в центральный из уцелевших в Эрдэни-Зуу храмов. «Мы» – это Энхбаяр, ныне министр культуры Монголии, Алла Александровна Андреева и я.

В храме стояла крупная статуя Будды. На челе его, как и у Жанрайсига в Улан-Баторе, должен был сиять рубин. Узкий луч света проникал сквозь специально сделанное отверстие, но ожидаемого мистического сияния камня не могло быть.

Не было – камня! Он был украден в те же 1930-е.

Внутренние покои храма, храм снаружи и молитвенные барабаны мы обошли по часовой стрелке. Только так обходят монголы и юрту. Не есть ли это символ жизни народа в вечном времени?

Энхбаяр объяснил:

– У монголов сильно буддийское понятие «шунгыята», в котором нет ни одного времени – ни прошедшего, ни будущего, ни настоящего, так как очень трудно определить, что настоящее, что прошедшее, что будущее.

Кочевая цивилизация, в отличие от европейской, не различает три времени и пространства, она понимает всё во взаимосвязи. Монгол живёт в условном настоящем, во взаимосвязи трёх времён. Или – внутри вечного времени.

Из документального очерка «Днем и ночью в Монголии»

Мы пришли во Дворец Богдо-Хана в Улан-Баторе. Тихие служители неслышными тенями скользили по маленьким помещениям, где сквозь тусклый свет оконца мерцали шкуры росомов и леопардов, громоздились раковины и панцири черепах.

Впечатляли: юрта, увешанная изнутри шкурами и коврами, стоявшая в одной из комнат первого этажа, и ханская опочивальня на втором. Богдо-Хан был женат. Посреди комнаты стояла высокая супружеская постель наподобие аквариума или фонаря, с четырёх сторон закрытая

стеклом, расписанным в китайском стиле растениями и фигурками.

Запомнились и картины знаменитого художника Марзана Шарава. Служители не показывали кому ни попадя затянутые занавесками шедевры.

«День и ночь Монголии» – на этой картине умещались десятки прописанных до деталей отдельных сюжетов. В поросших лесом и «голых» горах, в расщелинах и падах сотворялась жизнь монголов. Люди, животные и птицы трудились, ели, пили, совокуплялись, испражнялись, плодились, множились внутри одного пространства и времени: в картине Шарава.

Полутень, полумгла, полумерцание золота и серебра, ветхость и негасимость красок настигали в Монголии везде, в монастырях, храмах и юртах.

Но Аллу Александровну больше всего привлекло другое место.

В монастыре Чойжин-Ламын-сум тусклой позолотой мерцал трон, затканый золотым узорным шёлком. В центре его располагалась вышитая свастика – излюбленный знак монголов с дочингисхановых времён.

Здесь мы увидели флейту, сделанную из человеческой кости. Во всех храмах были эти флейты, вырезанные из берцовой кости восемнадцатилетних девушек, умерших своей смертью до 18 лет и сохранивших невинность.

Вернёмся к свастике. Она сохранилась в таком зыбком материале, как шелк.

И не сохранилась в вечном, казалось, предмете. Осендовский описал перстень Чингисхана, хранившийся как особая драгоценность в личной сокровищнице последнего Богдо-гэгэна: в золотую оправу перстня был вправлен красный рубин с вырезанной свастикой. Перстень исчез в неизвестном направлении, подобно золотым и серебряным фигуркам будд и бодхисатв из монастырей. Вернее, место исчезновения было слишком хорошо известно.

Наши впечатления от Ставки и Дворца Богдо-гэгэна позднее, в Москве, мы сверяли по Осендовскому. Алла Александровна обожала эту книгу – «И звери, и люди, и

боги» – прежде всего потому, что каждое слово в ней было правдой, а мы проверили эту правду «на местности», в Монголии.

*

Алла Александровна запоминала всё, что Энхбаяр начал говорить на озере Хубсугул, в долине Хужирт, продолжил в монастырях Эрдэни-Зуу и Гандан, в ставке Богдо-гэгэна – о судьбе Монголии, монастырях и ламах, о круге вечности.

Энхбаяр в монастыре Гандантэгчинлинхийд в Улан-Баторе познакомил Аллу Александровну и меня с Хамбо-Ламой, первым ламой Монголии. Простой, казалось, старик видел нас насквозь – и для меня навсегда осталось загадкой, почему он ответил на мои вопросы и промолчал на вопросы А.А.

*

Осень в монгольской горной степи. Верст за сто южнее Улан-Батора.

Ветер разрывает долину холодом, и нет от него укрытия никому.

Злой, сухой коршун вцепился когтями в траву, топорчит крыло, пугает нас, но не хочет взлетать – его притягивает теплая волна, горячее дыхание коров, что медленно плывут по плоскогорью, пытаюсь отщипнуть клочья сухой, прикипевшей к земле травы.

Жар стада притягивает и нас.

Но я боюсь войти в него: благодушные коров, жующих синие цветки дельфиниума, разбивают напряжённые жеребцы и кобылы.

Лошади в этом царстве – сами по себе. Они взрывают зыбкий покой опускающихся сумерек нервным поворотом головы, резким взмахом хвоста, копыта их опасны, как опасна белоскалая улыбка вороного жеребца, что трепетом гривы заслонил медленно падающее за дальнюю гору солнце. Жеребец вороной, молодой, золотой, и кобыла такая – золотая и молодая; лимонный сегодня закат, его свет возвращает долину в безвременье.

Нежное ржание разрывает бледно-жёлтый поток кося, золотая кобыла скачет к краю земли, к далёким и уже тёмным холмам, вороной жеребец даёт ей уйти подальше и своим хриплым стоном победно завершить угасший день долины.

А вот Алла Александровна ничего не боится. Она идёт к юрте сквозь спящих коров и лошадей, их десятки и десятки. Горячее дыхание лошадей её согревает, говорит она.

*

...Мы увидели цветы Монголии – синие дельфиниумы в долинах, эдельвейсы в степях Хубсугула, синие горечавки на его берегах.

Красные лилии-саранки в лесу на Святой горе Богдо-Ула над Улан-Батором. Жёлтые маки в каменистом русле высохшей реки в Хужирте.

Жёлтые лилии в глубоком ущелье – тысячи, тысячи их по правую руку от дороги из столицы в Дархан.

Долина перетекает в долину, мы минуем перевал за перевалом, тают и тают вершины гор, и от ирисов одной долины мы стремимся к ирисам другой: синие, голубые, фиолетовые цветки летят под колеса, ограждая от холодного камня гор.

Там, в Монголии, Алла Александровна научила нас делать чудесные букеты для гербариев. Она соединяла в один букет множество разных цветов – как художник, именно по их цвету и форме листьев. Затем «забрасывала» такой букет целиком в первую попавшуюся книгу – спустя месяц в Москве мы достали эти замечательные, не похожие на обычные гербарные букеты, сохранившие цвет цветов Монголии.

...Монголия летит, пролетает в моём воображении, сотканном из памятных встреч и записок великих путешественников...

Что ещё дала нам Монголия? Барона фон Унгерна!

Да, Алла Александровна и я, мы обе знали о бароне «в общих чертах» – «по Оссендовскому» («Звери, люди и боги») и Арсению Несмелову:

...Я слышал:

В монгольских унылых улусах,
ребёнка качая при дымном огне,
раскосая женщина в кольцах и бусах
поёт о бароне на чёрном коне...

Но реальная Монголия ещё ближе приблизила к нам Унгерна.

Это потом, позднее, в Москве я привезу Алле Александровне книгу Леонида Юзефовича «Самодержец пустыни» и книгу выдающегося монголиста и моего друга Инессы Ивановны Ломакиной «Грозные махакалы Востока».

А тогда, в Улан-Баторе–1989, – Энхбаяр подарил мне фотографии барона фон Унгерна перед расстрелом, две из которых я сразу передарила Алле Александровне: спокойный, хладнокровный барон в монгольском дэле в день расстрела... Вот фото Барона, которое любила Алла Александровна, как и его слова: «Золотое знамя победит красную тряпку».

Вместо послесловия

На могиле Аллы Александровны Андреевой, Даниила Леонидовича Андреева и здесь же упокоенных их родных на Новодевичьем кладбище я бываю нечасто.

Возможно, потому, что боюсь прийти и увидеть «переделки», которые не выносила Алла Александровна именно в отношении этого места.

Алла Александровна много раз просила никого и ничего на могиле не трогать: цветы, травы не выпалывать, кусты не «облагораживать», деревья не мучить...

Человек безупречного вкуса, она не терпела «фантики» ни в чём. Была предельно аккуратна, собранна – но не любила тупой педантизм.

Мы помним её отношение к новодевичьим могилам. Она боролась с директором кладбища за то, чтобы он не смел нарушать сложившийся образ:

«Я сказала:

– Русская могила – это холмик с травой и крестом. Поняли?

Венок Алле Александровне Андреевой

Он продолжал хамить. А у меня и правда никогда не хватало духу выдирать ландыши, сыпать песок. Я всегда просила, чтобы зимой оставался снег, а летом – трава. Это было похоже на деревенскую могилу и было мне дорого».

Жаль, что эти слова не понимают заполошные почитательницы Аллы Александровны, которые время от времени совершают «вороньи набеги» на могилу, выдирают траву, выюнки, сыпят тот самый «песок».

*

Мою крёстную мать люди звали по-разному.
Так, «Ал-Сан» называли в монгольской степи.
Коля Браун – «Алис» – по-имперски, по-царскому.
Ну, а мы – на могиле сажаем цветы.

«Где Алиса?» – звонит как-то Лена Хамьянова.
А Алиса – в могиле под Русским Крестом.
Новодевичье кладбище. Здесь Алл-Александровна
Спит хрустальным и вечным – Новодевичьим сном.

...Голубые подснежники – для Алисы-Алис.
Синева горечавок – для неё, для Ал-Сан.
Ну, а мы Розу Мира посадили и вниз
Упадут лепестки к её вечно открытым глазам.

1989–2014

Илья ФАЛИКОВ

* * *

Алле Александровне Андреевой

Пергамент щеки и текучая речь
сквозь древнеегипетский зной
пожара, в котором вовек не истечь
молитве ее часовой.
По белому камню высокого лба
написано ей – на лету,
как некий электрик, упав со столба,
сквозь крик одолеть немоту.

Но крик прозвучал в высоте и затих
в дремучих мордовских лесах.
Выходит на волю обугленный стих
сквозь дым, загустевший в глазах.
По брянскому лесу проходит пожар
и гонит, как зверя во тьму,
радимичей, балтов, литовцев, татар,
и стих покидает тюрьму.

К славянскому слову ревнует мордва
разбойным своим соловьём.
У ложа нетленного мужа вдова
бессмертно стоит на своём.
Они остаются вдвоём навсегда,
и веет в родной стороне
польнюю, в которой пылает звезда,
и мечется голубь в огне.

Венок Алле Александровне Андреевой

Под сводами церкви стоит тишина,
горит благодатный огонь.
В иерусалимское пламя она
свою погружает ладонь.
Не надо бежать на вокзал, на базар,
на прибыль, на круги своя –
положена жизнь, унесённая с нар,
на гибель за други своя.
Коль белого голубя бросить в пожар,
утихнет стихия сия.

2004

Галина ЩЕРБОВА

Об Алле Александровне Андреевой

Из дневника

1 декабря 2004. Была на вечере, посвящённом презентации книги воспоминаний вдовы Даниила Андреева, Аллы Александровны Андреевой.

О Данииле Андрееве я слышала как об авторе «Розы Мира». О его отце, Леониде Андрееве, знала давно, восхищалась его творчеством, прочла много, в особенности была потрясена его душераздирающей перепиской с его невестой Сашей, ставшей его женой и умершей при рождении второго сына, Даниила.

Алла Александровна была удивительно естественной и простой. Слепая, ужасно старая, но невиданно свободная от этого обычного комплекса женщин, да и людей вообще, – показать, что у тебя нет комплексов. Она была настоящей – и рядом, и на фоне происходящего, над всей болтающей публикой и всеми восхвалениями. Она купалась в радости испытать приближение к тем временам и человеку, которого давно уже нет. Она не вспоминала, а воссоздавала его. Вот это только и чувствовалось. И ещё чувствовалось, что какая-то крошечная разница между желаемым и действительным остаётся непреодолимой, и от этого грусть.

1 марта 2005. На вечере к 100-летию Виктора Михайловича Василенко в малом зале ЦДЛ. Вечер вёл Борис Николаевич Романов и в первую очередь сказал, что одну из книг Василенко удалось издать только за счёт доброволь-

ных вложений некоторых людей, в числе которых назвал меня. А людей-то оказалось всего пять: А.А. Андреева, он сам, я и ещё сами издатели. Я испугалась, когда он меня назвал рядом с Аллой Александровной.

Как замороженная сидела на вечере, так увлекла меня Алла Александровна, которая рассказывала, вспоминала, читала стихи Василенко, все наизусть, уверенно. Я нарисовала её. Ей 25 февраля исполнилось 90. Красивая слепая старуха с птичьими движениями.

Она рассказала, как в 1945 году в Малом Левшенском переулке, где они жили, встречались с Василенко, читали запрещённого Волошина, потом гуляли по пустой чёрной Москве, где окна горели только на Лубянке, там ночь пролёт шли допросы. Вскоре все были арестованы и сосланы. А.А. Андреева сказала, что они за всю Россию на 300 лет вперёд отсидели в лагерях. Василенко из Абези писал прокурорам в Москву письма с объяснениями своей невиновности и слал им стихи. Наивный тихий человек, сам того не зная, спас от потери и забвения свои лагерные стихи, так как они подшивались к его делу.

24 апреля 2006. Был вечер в ЦДЛ, посвящённый памяти Аллы Александровны Андреевой. Я пришла заранее и увидела в вестибюле Леонида Бежина, ушла в первые ряды, села позади Владимира Борисовича Микушевича.

Очень интересно и грустно было слушать о Данииле Андрееве и Алле Александровне. Она хохотала в лагерях, а Варлам Шаламов не хохотал, потому что она любила и была любима. А он нет.

Судьба вдовы гения – хранить и пропагандировать. Своей смертью Андреев дал ей право это делать – утверждать его искусство. Её счастливейшее одиночество – в свободе нести его слово, распространять, чтобы оно уже никогда не могло сгинуть в небытии.

Её образ необычайно сильный, одновременно значительный и хрупкий: прямая спина, вскинутый подбородок, седая, слепая, движения резкие и неуверенные, словно каждый раз забывает о слепоте и, опомнившись, скорее ищет опору.

Я вспомнила, как видела её в последний раз. В ЦДЛ. Она сидела одна у гардероба – на банкетке возле зеркала – и ждала, когда ей помогут одеться и уйти. Человек-эпоха. Незрячий мир, где больше голосов, чем лиц с голосами. Никого не было в вестибюле. Я стояла перед ней очень близко и не решилась заговорить. Не посмела прибавить свой безликий голос к другим таким же. Это было за несколько дней до её смерти.

16 мая 2011. В ЦДЛ шёл вечер, посвящённый книге Бориса Романова – биографии Даниила Андреева.

После вечера я говорила с Борисом Владимировичем Чуковым. Расспросила о его фотографиях Даниила Андреева. Он рассказал, что был 20-летним парнем, работал в фотомастерской, имел оборудование, почти ежедневно бывал у Андреевых. С Даниилом они были на «вы». Я сказала: «В двадцать лет надо иметь немало смелости, чтобы сказать человеку: “Надо сделать хорошие фотографии, ведь когда-нибудь ваш вечер памяти будет проходить в Колон-

ном зале Дома Союзов»». Чуков ответил: «Я говорил – в Колонном зале, а вечер прошёл в другом зале». Я сказала: «Даниил Андреев знал, что умрёт, – из его биографии известно, что был готов, не боялся смерти». Чуков: «Смерти бояться все. Он тоже боялся. Разговоры о том, чтобы сфотографировать Андреева, шли долго, но когда все поняли, что он скоро умрёт, что сердце болит всё время, я пришёл и снял его. Был вечер. Обычно брал три осветителя, но здесь поставил только один, слишком тяжело было Андрееву терпеть сильный свет. Окно было справа от зрителя, там установил осветитель. Фотоаппарат был “Киев”. Снято четыре кадра: 1-й – портрет Д. Андреева, 2-й – портрет Андреева в тот момент, когда у него сильно заболело сердце – с мукой в лице, 3-й – А.А. даёт Андрееву лекарства (валерьянку), 4-й – напоследок снялись вдвоём. Всё фотографирование заняло 10–15 минут. Андреев лежит в белой рубашке и чёрном пиджаке. Он всегда так лежал, это не специально для фотографирования».

Ещё он сказал: «Алла Александровна была женщиной бесстрашной и открытой – прекрасным невольным провокаторм. Андреевы собирали у себя большие собрания друзей, при открытых дверях и окнах говорили о том, о чём нельзя было и думать. Посторонние люди проходили по улице, стучали в двери: «Вы хоть окна закройте и не кричите».

Об авторах

Виноградова Мария Данииловна, математик.

Дронов Валентин Зиновьевич (р. 1953), протоиерей, поэт, писатель, автор статьи «“О пламенном хоре, которого нет на земле...” Даниил Андреев и православная традиция».

Кублановский Юрий Михайлович (р. 1947), поэт, публицист; участник Андреевских чтений.

Ларин Алексей Львович (р. 1954), композитор; автор произведений на стихи Даниила Андреева: «Триптих» (1992–1994) для баса, смешанного хора и фортепиано («Осень», «Китеж», «Ночь») и поэмы для баса, смешанного хора и симфонического оркестра «Белый ковчег» (2006).

Левина Нина Яковлевна, эссеист (Томск).

Николаева Ирина Александровна, философ; участник Андреевских чтений.

Олейников Андрей Игоревич; совместно с А.А. Андреевой составил книгу избранных стихотворений Александра Солодовникова (Круг, 2006).

Патракова Лариса Реональдовна, поэт, эссеист (Гатчина).

Пищулин Алексей Юрьевич (р. 1960), художник, кинорежиссер и продюсер.

Венок Алле Александровне Андреевой

Потупов Евгений Васильевич (р. 1952), журналист, критик; автор многих публикаций о Д.Л. Андрееве, организатор и постоянный участник Андреевских чтений (Брянск).

Раку Марина Григорьевна, музыковед, театровед, журналист; автор статьи «Музыкальная вселенная» Даниила Андреева» (2000).

Романов Борис Николаевич (р. 1947), поэт, литературовед; автор многих публикаций и книг о жизни и творчестве Д.Л. Андреева – «Путешествие с Даниилом Андреевым» (2006), «Вестник, или Жизнь Даниила Андреева» (2011), «Даниил Андреев» (2013).

Тимонина Марина Викторовна, литератор, журналист; автор публикаций о Д.Л. Андрееве.

Фаликов Илья Зиновьевич (р. 1942), поэт, прозаик, критик; участник Андреевских чтений, автор эссе «Камень Даниила» (2006) и стихотворений, посвященных Даниилу Андрееву.

Щербова Галина, прозаик, поэт.

Содержание

СКВОЗЬ ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ

Письма во Владимирскую тюрьму

А.А. Андреева – Д.Л. Андрееву 5

Алла АНДРЕЕВА

О себе, о выставке

«Земля, открытая Богу и Небу» 172

Даниил Андреев и музыка

Интервью с А.А. Андреевой 175

Алла АНДРЕЕВА

Всякое дыхание...189

ТОЛЬКО ОДНА ТЫ, ПОДРУГА И СПУТНИК

Даниил АНДРЕЕВ. Стихотворения

«И вот закрывается тёплый дом...» 199

«Вечер над городом снежным...» 201

Сочельник 203

«...И, расторгнув наши руки...» 205

Стансы 207

Так было 209

«Как чутко ни сосредотачиваю...» 211

«Когда уснет мой шумный дом...» 212

«Другу ли скажешь – нахмурится, вздрогнет...» 214

Дома 216

«Ты ещё драгоценней...»	218
«Когда-то раньше, в расцвете сил...»	220
ВЕНОК АЛЛЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ АНДРЕЕВОЙ	
Валентин ДРОНОВ	
Это – тайна	225
Мария ВИНОГРАДОВА	
В сиреневом саду	230
Юрий КУБЛАНОВСКИЙ	
Просветлённая	237
Алексей ЛАРИН	
Сквозь перезвон рифм	239
Нина ЛЕВИНА	
Последняя встреча	
Из дневника	242
Ирина НИКОЛАЕВА	
Памяти Аллы Андреевой	249
Андрей ОЛЕЙНИКОВ	
Знакомство	
с Аллой Александровной Андреевой	
1978, ноябрь, пятница, 17.	
Меркурий Печерский	254
Лариса ПАТРАКОВА	
«Где рыцари в мантиях белых сверкали...»	259
Алексей ПИЩУЛИН	
Алла	280
Евгений ПОТУПОВ	
О моём Авиценне оборвавшийся труд	
сохрани...	286
Марина РАКУ	
Об Алле Александровне	298
Борис РОМАНОВ	
Вдова поэта	303
«Мокрый снег летит и тает...»	305
«Дело» Даниила Андреева и его вдовы	
О книге «Даниил Андреев. Неизданное»	306
С бушующим демоном спора	316

Марина ТИМОНИНА	
Огненное Сердце	
Путешествие в Монголию	
с Аллой Александровной Андреевой	329
Илья ФАЛИКОВ	
«Пергамент щеки и текучая речь...»	349
Галина ЩЕРБОВА	
Об Алле Александровне Андреевой	
Из дневника	351
Об авторах	355

ТОЛЬКО ОДНА ТЫ, ПОДРУГА И СПУТНИК

К 100-летию со дня рождения
Аллы Александровны Андреевой

К иллюстрациям

На передней стороне обложки:

А.А. Андреева. Лето 1959. *Фото Б.В. Чукова*

На задней стороне обложки:

Д.Л. Андреев и А.А. Андреева. 24 февраля 1959. *Фото Б.В. Чукова*

На первом шмуцтитule:

А.А. Андреева. Мордовский лагерь. 1956

На втором шмуцтитule:

А.А. Андреева. 24 февраля 1959. *Фото Б.В. Чукова*

На третьем шмуцтитule:

А.А. Андреева. Лето 1959. *Фото Б.В. Чукова*

С. 213. Д.Л. Андреев. *Рисунок А.А. Андреевой*

С. 221. Д.Л. Андреев. 1990-е. *Рисунок А.А. Андреевой*

С. 315. А.А. Андреева. 1990-е. *Рисунок В. Сергутина*

С. 353. А.А. Андреева. 2004. *Рисунок Г. Щербовой*

В оформлении использованы рисунки А.А. Андреевой
к стихотворениям Даниила Андреева

Редактор-составитель – *Б.Н. Романов*

Художественное оформление – *Д.В. Логинов*

Корректор – *Л.Н. Морозова*

Верстка – *Л.А. Шелкова*

Подписано в печать 4.02.2015. Бумага офсетная. Тираж 250 экз.
Гарнитура «Peterburg». Печ. л. 22,5. Формат 60х90¹/₁₆. Заказ №

ISBN 978-5-7396-0341-8

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»
Москва, Ильменский проезд, 1, корп. 6